

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ И ПРАВОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловъ.

Aimez qu' on vous conseille et non pas qu' on
vous loue.

Boileau. *L' Art poétique.*

ЧАСТЬ XXXI.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1825 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, чшо бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Пепербургъ. Іюля 6 дня, 1825 года.

Цензоръ Александръ Вируковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XXVII и XXVIII.

ЗАВИСТЬ И ЗЛОСЛОВІЕ,

или

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ.

Повѣсть.

Молодая Фюльвія, прекрасная, любезная и веселая, соединяла съ привлекательнѣйшими прелестями качества самыя рѣдкія: добродѣтельная безъ жеманства и суровости, она соспавляла все благополучіе супруга, котораго обожала и который плашилъ ей за любовь любовью. Счастливая чета наслаждалась хорошимъ домашкомъ, который давалъ Фюльвіи возможность предаваться всѣмъ удовольствіямъ, свойственнымъ ея лѣтамъ. Балы, спектакли, пиры и праздники занимали ее попеременно. Моранжъ, умѣя цѣнить поведеніе своей подруги, ни въ чемъ ей не препятствовалъ, и

Фюльвія, благодарная за такое снисхожденіе, не находила удовольствія шамъ, гдѣ не было ея мужа. Разумѣется, что всякой старался познакомиться съ женщиною такого характера—и у нее собирались любезнѣйшіе и остроумнѣйшіе люди хорошаго общества.

Пропивъ ея дома жила Госпожа Арманъ, богатая, зрѣлая вдова. *Возражающіяся* *) ея прелести привлекали къ ней только старинныхъ знакомыхъ, съ коими она проводила время совсемъ не такъ, какъ ей хотѣлось. Удольствія отъ нее улетѣли; но она распадалась съ ними съ сожалѣніемъ, хотя разговорами своими старалась показывать иное. Гжа Арманъ бранила всѣхъ женщинъ, копорыя жили не такъ какъ она; называла кокешками всѣхъ шѣхъ, копорыя славились своей красою, и безпрестанно оуждала невиннѣйшіе ихъ поступки. Она выказывала добродѣтель самую спругую, сердилась за малѣйшую вѣжливостъ,

*) Нельзя ли переводить такимъ образомъ Французское выраженіе: *des charmes sur le retour*? *Прил. Перев.*

называла постыднымъ развратомъ любовь самую чиспѣйшую, а между темъ смолѣла на нее совсемъ и угими глазами.

Гжа Арманъ, скучая общеспвомъ спарыхъ друзей своихъ, часто посѣщала дома, въ которыхъ царствовали веселье и забавы; но слѣдуя своему расположенію и стараясь поддержать молву о ея строгой добродѣтели, она говорила въ нихъ длинныя проповѣди о чеспи и добромъ имени; бранила безъ пощады присущствующихъ и опсущствующихъ и, предаваясь склонности къ злостовію, вмѣшивалась во всѣ общеспва, что бы имѣть удовольствіе оуждать поступки самыя невинныя.

Такой несносный характеръ заставлялъ всѣхъ отъ нее удаляться; особенно жившія въ сосѣдствѣ ея молодыя женщины скрывались отъ нее съ величайшимъ спараніемъ, но не избѣгали отъ язвительности Гжи Арманъ, которая, оставаясь дома, сиживала по цѣлому дню у окна и старалась узнать что происходило у ея сосѣдокъ. Болѣе всѣхъ прочихъ преслѣдовала эта ложная смиренница молодую и прекрасную Фюльвію; ея ве-

селоспъ называла она своевольспвомъ, охоту къ нарядамъ—кокепспвомъ, вольность обращенія—разврапомъ, а снизкодшпельность ея супруга ослъплениемъ и глупоспью: однимъ словомъ зависпливая вдова безпреспанно спаралась осмъяпшь и очернипшь малъйшше поспупки Моранжа и жены его.

Фюльвiя знала все, не только чрезъ своихъ прiяпшельницъ, но также и опъ самой Гжи Арманъ, копорая, поспавляя предлогомъ свои лъша, часпо дълала ей наспавленiя и бранила Моранжа за то, что онъ давалъ много воли молодой женщипъ, копорая по въспренности своей легко могла лишипься добраго имени. Моранжъ, почиая ее самою добродъпелью, принималъ въ хорошую спорону всъ ея упреки, и отвъчалъ съ крошоспiю, что зная хорошее поведепие Фюльвiи, онъ почель бы оспорожпоспъ для нея обидою; что для честпной женщины недо-върчивоспъ оскорбипельна и что не имъя никакихъ подозрвпiй, онъ сполько же уважаетъ жену свою, сколько и любитъ ее.

Такiя возраженiя не сполько не за-

спавляли Гжу Арманъ молчанъ, но еще увеличивали злосъ ея. Она говорила, что благоразумный мужъ не долженъ позволять женѣ часпо бываешь одной въ большемъ свѣтѣ, ѣздишь по баламъ и театрамъ, издерживать большія суммы на наряды и другія вещи, . бесполезныя для женщины, которая хочешь нравиться только мужу.

Моранжъ думая, что лѣпа сдѣлали характеръ Г-жи Арманъ слишкомъ строгимъ, оспаривалъ ее весьма учтиво и не перемѣнялъ своихъ поступковъ; но Фюльвѣя, смѣявшаяся надъ ея проповѣдями, пока онѣ касались только до пустыхъ вещей, начала досадовать, когда увидѣла, что злая вдова хочешь сдѣлать мужа ея ревнивымъ и подозрительнымъ, а слѣдовательно разрушить существовавшее между ними согласіе. Ей очень хотѣлось открыть что заставляешь Г-жу Арманъ нападать на нее съ такимъ ожесточеніемъ.

Никогда не старалась она узнать характеръ злой своей сосѣдки; но какъ скоро начала ее разсматривать, то увидѣла, что она одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя бывають добродѣтельны только

ко по наружности, или по неволѣ, и оуждающе поведеніе другихъ для того, что бы придасть болѣе блеска своему собственному. Увѣрившись въ истинѣ своихъ замѣчаній, она сообщила ихъ Моранжу какъ съ пою цѣлю, что бы изгладить въ умѣ его впечатленія, которыя могли оспаться отъ разговоровъ Г-жи Арманъ, такъ и для того, что бы посмѣяться надъ нею съ оспроуміемъ и живосцію, придававшими особенную прелесть всему, что она говорила.

Фюльвія приписывала прежде спросъ Г-жи Арманъ тому, что ея лѣша не позволяюще уже ей учаспвовать въ забавахъ молодыхъ людей и она слѣдуетъ обыкновенію спарыхъ, которыя оуждающе всегда то, чего дѣлающе уже не могутъ. Но узнавъ ее лучше, рѣшилась употребить всевозможныя средства, что бы убѣдить мужа своего въ ложной добродѣтели Г-жи Арманъ и ошмстить за ея насмѣшки.

Въ то время, какъ думала она объ этомъ, пришла къ ней Адель Дорсанъ, корошкая ея прияпельница. Сходство нравовъ подружило ихъ съ дѣтства. Обѣ бы-

ли молоды, веселы и прекрасны. Адель жила подъ смолрѣніемъ почтенной матери, копорая, не будучи ни слишкомъ строгою, ни слишкомъ слабою, умѣла заставитьъ дѣтей своихъ любить ее и бояться; они съ удовольствіемъ исполняли ея волю и спрашились сдѣлать что нибудь ей неприятное. Она была вдова, обладала большимъ имѣніемъ, и имѣла только дочь и сына, копорый служилъ въ арміи и опличался храбростію и дарованіями.

Адели былъ уже двадцатый годъ, а сердце ея знало еще одну только дружбу. Надѣясь на правила дочери, Гжа Дорсанъ давала ей большую свободу, и пользуясь ею, она приѣзжала весьма часпо къ любезной своей Фюльвіи, копорой домъ былъ жилищемъ удовольствій.

Какъ скоро Адель вошла, то Фюльвіа сказала, обнявъ ее: “какъ я рада, что ты сегодня приѣхала! Я въ такомъ необыкновенномъ расположеніи духа, что одна только ты можешь меня успокоить!”,

— А нельзя ли узнать, опъ чего ты въ такомъ расположеніи духа? — “Я опъ себя ничего не скрываю: Гжа Арманъ

меня бѣсншь; я такъ сердита за ея зло-
словіе и совѣщы, копорые даетъ она
Моранжу, спараясь сдѣлать его ревни-
вымъ, безпокойнымъ и смѣшнымъ, что
думаю только о томъ, какъ бы отмстить
ей! Не вѣрю, что бы эта спрогая добро-
дѣтель была неподдѣльною, и мнѣ бы чрез-
вычайно хотѣлось узнать тайныя связи
этой женщины. „

— Если только это нужно, милая
моя Фюльвія, то ты правду сказала, что
я могу себя успокоить, потому что я
знаю такія вещи, о копорыхъ никогда
не говорила, но копорыя ясно показыва-
ють, что Гжа Арманъ совсемъ не то,
за что выдаетъ себя. Эти слова привели
Фюльвію въ восхищеніе, а желаніе увѣ-
рить мужа и своихъ приятельницъ въ
ложной добродѣтели Гжи Арманъ внушило
ей множество вопросовъ. Адель, копорая
ни въ чемъ ей не уступала, отвѣчала съ
равнымъ жаромъ, и съ полчаса разгово-
ръ ихъ былъ столь живъ, что не давалъ имъ
времени совершенно объяснить своихъ
мнѣній.

Наконецъ Фюльвія, желая узнать все
подробнѣе, переспала хохотать и спро-

сила Адель, точно ли правда, что у ея сосѣдки есть любовникъ?

“Точно правда, ошвѣчала она. Эта спрогая, смиренная вдова, кошорая безпресшанно охуждаешъ поведеніе другихъ, любить одного молодого человѣка, прекраснаго и умнаго; говорить, что онъ будешъ со временемъ имѣть большое богатство, но что дѣла его ошались по смерти отца въ такомъ разспройсѣвѣ, что, не имѣя средства поправить теперь своего состоянія, онъ принужденъ жить весьма малымъ доходомъ; для этого завелъ онъ связь съ эшой вдовою; онъ хочешъ принудить ее выдти за него замужъ, что бы воспользоуаться ея имѣніемъ для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Одна изъ мапушкиныхъ женщинъ, кошорой племянникъ служишъ у Гжи Арманъ, сказала мнѣ всю эшу инпригу. Любовники видяшся только по вечерамъ въ ея домѣ, и она всячески стараешся скрывать эшу тайну. Ложная смиренница посылаешъ каждый день нѣжныя записочки съ племянникомъ нашей женщины къ Дервилю (такъ зовушъ ея Адониса) и получаешъ отъ него спрасныя ошвѣшны.

Я знаю этого обольспишеля; мнѣ показывали его, когда онъ шелъ на обыкновенное свое свиданіе и, признаюсь тебѣ, Фюльвія, мнѣ кажется, что онъ достоинъ лучшаго жребія.,,

—Я восхищаюсь эшимъ опкрышіемъ, вскричала Фюльвія; но нельзя ли намъ какъ нибудь доспашь писемъ Гжи Арманъ? Слогъ ихъ долженъ бышь особенный: эпѣ смиренницы пишушь не шакъ, какъ прочія женщины, какъ бы мнѣ дощѣлось имѣшь у себя эпи неоспоримыя доказательствва неукоризненнаго ея поведенія! Адель, продолжала она, ужинай и ночуй у меня; Моранжъ въ деревнѣ, пробуденъ шамъ при дня, а мы безъ него поищемъ средствъ сняшь маску съ эшого женскаго Таршюфа; поѣдемъ, моя милая, въ Тюльери, что бы дома не помѣщали намъ госпи! —

Все эшо было сказано шакъ скоро, что Адель имѣла полько время согласисься, прося однако же заѣхашь къ нимъ въ домъ сказашь ея машушкѣ, что она, до возвращенія Моранжа, останешся у Фюльви. Тотчасъ запрягли лошадей; обѣ припшельницы поѣхали въ домъ Адели и безъ шруда выпросили желаемое позволеніе;

попомъ опправились въ великолѣпный садъ, въ кошоромъ всякой день собираешся лучшее Парижское общество. Разумѣешся, что прятельницы гуляли въ опдаленныхъ аллеяхъ для того, что бы никто не мѣшалъ имъ. Онѣ собрались шакъ скоро, что Фюльвія не имѣла времени подумашъ о своемъ уборѣ: она была одѣта весьма просто, а Адель напрошивъ чрезвычайно нарядно.

Адель, замѣшивъ эту противоположность, сказала смѣясь Фюльвіи: “если бы мы имѣли время подуманъ о томъ, что дѣлали, то или бы я одѣлась простѣе, или бы ты нарядилась: мы совсемъ не похожи на двухъ прятельницъ, и если кто посудишь о насъ по наружности, то сочтешъ меня за’госпожу.” — Что нужды? опвѣчала Фюльвія: я не такая кокешка, какъ увѣряешъ Гжа Арманъ, и совсемъ не желаю прельщашъ; сердце и рука моя уже опданы и, не во гнѣвъ нашей смиренницѣ, я эшимъ и довольствуюсь. А ты, Адель, свободна: тебѣ не должно пренебрегашъ прятностями, кошорыя могутъ доспавить тебѣ выгодную паршю; я желала бы, хотя бы даже для

этого мнѣ надобно было считаться своєю служанкою, что бы ты вышла за мужъ также счастливо какъ я.,

Разговаривая такимъ образомъ, онѣ увидѣли прекраснаго молодаго человека, котораго, проходя мимо ихъ, приспально смолрѣлъ на Адель. Пройдя не много, онъ ворошился и нѣсколько разъ прошелъ мимо ихъ, что дало имъ время разсмотрѣть его хорошенько; Адель его узнала: это былъ Дервиль, любовникъ Гжи Арманъ. Она сказала объ этомъ своей приятельницѣ, которая пошчасъ нашла средство извлечь пользу изъ сего происшествія.

“Прекрасно, милая Адель! все способствуешь нашему мщенію; Дервиль замѣчаешь въ тебѣ прелести, совсемъ не похожія на поблекшую красоту гопиской его любовницы: сядемъ на лавку; если ты ему такъ нравишься, какъ я думаю, то онъ вѣрно подойдетъ къ намъ. Будь на нѣсколько времени госпожею Моранжъ; спарайся прельспить его такъ, что бы онъ пожертвовалъ тебѣ вдовою и позволь мнѣ вести эту интригу. Адели показалось это столь забавнымъ, что она пошчасъ согласилась на желаніе своей прия-

пелъницы. Онъ сѣли, Дервиль, который не терялъ ихъ изъ вида и былъ пораженъ красотою Адели, поспѣшь возвратился, поклонился имъ почтительно и сѣлъ возлѣ нее, не обращая вниманія на Фюльвию, которую почелъ служанкой.

Сначала разговаривали по обыкновенію о погодѣ и другихъ неважныхъ предметахъ. Дервиль замѣчалъ въ фізіогноміи и словахъ Адели какую-то веселость, которая общала ему легкую побѣду: сдѣлавшись смѣлѣе, онъ спросилъ ее, какъ можно женщиноу споль прекрасной гулять въ опдаленной аллеѣ, гдѣ надобно бытъ такъ счастливымъ, какъ онъ, что бы ее увидѣть.

Адель отвѣчала ему съ приятною улыбкою: “Не люблю большаго свѣта и весьма довольна своимъ вкусомъ попому, что и вы, какъ кажешся, убѣгаете отъ шума.” — Разговоръ оживлялся и Дервиль не скрывалъ своихъ чувствованій. Адель отвѣчала такъ, что подала ему самую лестную надежду; и дѣло дошло до того, что любовникъ Гжи Арманъ просилъ позволенія проводить Адель до ея дома и приѣхать къ ней на другой день.

Взглядъ Фюльвіи далъ знашь Адели чшо ей должно дѣлать: “У меня здѣсь э-кипажъ, сказала она Дервилю: но я не опказываюсь опъ вашей компаніи, хотя конечно поспуаю не совсемъ благоразумно?,”—Развѣ вы почитаете меня недостойнымъ эпой милоспи?—“Нѣшь, сударь...но не далеко опъ меня живеть одна злорѣчивая женщина, которая не пропустишь случая обезславить меня, если увидишь, чшо мужчина вышелъ изъ моей кареты и вошелъ въ домъ мой тогда, какъ мужа моего нѣшь въ городѣ.,”—Такія слова укрѣпляли еще Дервиля въ его надеждѣ; онъ разпочалъ все свое краснорѣчіе, чшо бы разсѣять припворный спрахъ Адели; убѣждалъ, умолялъ и скоро дружеская довѣренность заспунила мѣсто замѣшательства, произведеннаго первымъ свиданіемъ. Ночь приближалась, Адель сказала, чшо пора ѣхать; онъ подаль ей руку и сѣлъ вмѣспѣ съ нею въ карету, а Фюльвія, продолжая играть роль служанки, помѣспилась прошивъ ихъ.

Влюбленный Дервиль былъ на верьху благополучія, снова просилъ позволенія приѣхать къ Гжѣ Моранжъ на другой день

вечеромъ и съ прудомъ получилъ его. Кареша остановилась у дверей Фюльвина дома, а Дервиль и не замѣпилъ, что былъ въ той улицѣ, гдѣ жила Гжа Арманъ; но выходя изъ карешы и прощаясь съ Аделью, онъ чрезвычайно удивился, замѣпя, что жилище древней его любовницы шакъ близко, что она могла увидѣшь его изъ окна. Къ счастью вдова въ это время не караулила, и онъ ушелъ домой, думая болѣе о мнимой Фюльви, нежели о ревнивой и злорѣчивой женщинѣ, кошорой довольно шаки прусиль.

Фюльвиа восхищалась счастливою встрѣчей, и Адель равно желала, что бы Дервиль пожертвовалъ ей Гжею Арманъ. —“Надобно признашься, что ты заславляешь меня играшь спранныю роль, сказала она Фюльви: это приключеніе можешь меня обезславить. Если Дервиль будешь судить по наружности, то получишь обо мнѣ весьма дурное мнѣніе; онъ вѣрно подумаетъ, что можешь сдѣлать минушнюю связь, кошорая вознаградишь его за скучные часы, проводимые съ чувствительною вдовушкой, и, въ шакомъ случаѣ, не можешь ни любить,

ни уважать меня; если же, несмотря на мою ложную вѣтренность и кокетство, Дервиль полюбилъ меня истинно, то, признаюсь тебѣ, я никогда не прошу себѣ за то, что завела его въ интригу, которой окончаніе можешь огорчить его, или заставишь разкаяться., Фюльвія отвѣчала съ видомъ полужабы: ты рассуждаешь весьма благоразумно; но позволь сказать тебѣ, что замѣчаніе твое совсемъ несправедливо. Если Дервиль судитъ о тебѣ по наружности, то увидишь свою ошибку, когда тебя узнаешь; если же онъ дѣйствительно влюбленъ—въ чемъ я и не сомнѣваюсь—то спашешь вмѣстѣ съ нами смѣяться надъ хитросцію, которую мы употребили болѣе для того, что бы обличить лицемѣрку Гжу Арманъ; онъ будетъ презирать ее и прелестная Адель.... Ты угадываешь ошальство?—“Я не вижу такъ далеко.,— Позволь мнѣ дѣлать что я хочу, и все пойдетъ какъ нельзя лучше. Дервиль придетъ завтра вечеромъ, и какъ я, въ глазахъ его, ваша покорная служанка, поведу его въ ваши покои; ты употребишь всѣ хитросціи кокетства и когда сила

твоихъ прелестей извлечешь у него признаніе въ любви, что ты попросишь, что бы онъ оставилъ свою вдовушку; онъ обѣщаешь: ты велишь принесть ей письма; онъ не посмѣешь отказать тебѣ, а когда онъ будетъ у насъ, то я уже возьму на себя окончить эту романическую интригу.—

“Но, сказала Адель, покраснѣвъ, если бы Дервиль мнѣ понравился, то что ты тогда будешь дѣлать съ нимъ и со мною?,” — Ахъ, какъ бы мнѣ этого хотѣлось! Тогда бы мщеніе мое было совершенно, и лучшая моя приятельница была бы мнѣ много обязана.—Этотъ разговоръ еще болѣе утвердилъ Адель и Фюльвию въ намѣреніи продолжать начатое. Желаніе отмстить Гжѣ Арманъ за клеветы ея не позволили имъ подумать о сохраненіи приличія. Ночью обдумывали онъ планъ свой, а половина другаго дня проведена была въ интригопоявленіяхъ къ принятию Дервиля.

Дервиль со своей стороны былъ въ большемъ волненіи, и разность между этою приятной интригой и скучною связью его со вдовою еще болѣе привлекала его къ прекрасной Адели. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы скрыть

эшо происшесствіе опъ Гжи Арманъ: онъ щадиль ее для своихъ выгодъ; но зналъ, какъ опасно возбудить въ ней ревность и не могъ бывать такъ часто и такъ близко опъ нее, что бы наконецъ она опомъ не узнала. Однако же шайность, копорой пребовала Адель, его успокоивала; онъ надѣялся бытъ столь оспорожнымъ, что Аргусъ не примѣшитъ его, и хошя находиль много вѣпренности въ поведеніи красавицы, копорая плѣнила его, но несмотря на шо совершенно предавался любви своей. Тупъ вмѣшалось и его честлюбіе: экипажъ Адели и великолѣпный ея нарядъ ослѣпилъ его. Надѣясь одержашъ славную побѣду и получишь удовольствія больше пѣхъ, копорыя могла доставить ему вешкая его любовница, онъ съ неперпѣніемъ ожидалъ минуты свиданія. Какъ скоро назначенный часъ насталь, Фюльвіа надѣла плашье своей горничной и дала Адели одинъ изъ лучшихъ своихъ нарядовъ. Все было гошово для предспавленія эшой комедіи, когда Дервиль пришелъ, завернувшись въ плащъ. Онъ надѣялся, что Гжа Арманъ его не увидитъ. Но какъ можно укрьшь-

ся опъ глазъ женщины, которая безпре-
спанно присмаприваетъ за своими со-
сѣдками? Она сидѣла у окна, видѣла какъ
Дервиль прошелъ къ Фюльви, но не у-
знала его; время этого посѣщенія, оспо-
рожноспъ, съ какою вводили молодого
человѣка въ домъ Моранжа во время его
опсушспвїа, заспавили ее подумапъ, что
Фюльвіа обманываетъ мужа, копорый въ
ней совершенно увѣренъ. Это опкрыпїе
спакъ обрадовало ее, какъ будто Дервиль
былъ у ногъ ея: какое удовольспвіе для
нее имѣпъ возможноспъ обезспавишъ
женщину, предспавляемую всѣми въ при-
мѣръ любезности и добродѣтели!

Между шемъ, какъ она обдумываетъ
планъ клеветы, Фюльвіа вводитъ Дер-
виля въ богато-украшенный кабинетъ,
гдѣ онъ находитъ прелеспную Адель. Кра-
сопа ея ослѣпляетъ его, онъ не владѣетъ
болѣе собою и признается ей въ любви.
Адель, имѣя надъ собою болѣе власпи,
принимаетъ его съ крошкою гордоспїю.
—“Дервиль, сказала она ему съ благород-
спвомъ, не судите обо мнѣ по наружно-
спїи...я знаю васъ, и хошя вы меня ни-
когда не видали, но я видѣла васъ очень

часто: не подумайте, что бы домъ мой былъ открытъ для васъ, если бы, я не знала кто вы.,,

“Вы конечно удивитесь, если я скажу вамъ, что мнѣ извѣсны тайныя связи ваши съ Гжею Арманъ и что я очень ими недовольна., — Изумленный Дервиль не смѣлъ опередиться опъ интриги, кою которой спыдился; увлеченный любовію къ Адели, онъ обѣщаль исполнишь все, что ни прикажетъ она. Ложная Фюлевія, пользуясь его воспоргами, сказала, что повѣришь его кляпвамъ не иначе, какъ если онъ пожертвуетъ ей шемъ, чего она попребуетъ. — Повелѣвайте, вскричалъ Дервиль, все сдѣлаю, что бы только доказать вамъ любовь мою—“Принесите же мнѣ завтра письма Гжи Арманъ: я знаю, что вы давно съ нею переписываетесь, и мнѣ очень хочется узнать слогъ добродѣтельной моей сосѣдки.,—Какъ, сударыня, вы ходите? — “Непремѣнно: съ эшимъ только условіемъ соглашаюсь принимать васъ.,,

Влюбленный Дервиль не въ состояніи уже былъ разсуждать. Требованіе Адели показывало, что она раздѣляетъ его чув-

спованія; она же прѣбовала съ такою пріяпностію, что онъ совсемъ забылъ, сколь нужна ему Гжа Арманъ, обѣцаль разсоришься навсегда съ нею и вызвался пошчасъ же принесть спрасшныя ея посланія.

Эта поспѣшность, кошорой Адель не ожидала, шакъ обрадовала ее, что она не могла скрышь своего воспорга. Дервиль пошчасъ вышель, побѣжалъ домой и возвращилъ съ доказательспвами безпорочнаго поведенія злорѣчивой вдовы. Упоенный надеждою, воображаешь онъ, что это пожертвованіе доставишь ему величайшее благополучіе, не забошясь о гнѣвъ Гжи Арманъ и не думая объ имѣніи, кошораго не получишь, если прервешь связи свои съ женщиною, тошвою выдши за него за мужъ. Между шемъ Моранжъ, окончивъ скорѣе, нежели думаль, дѣло, для кошораго оплучалъ онъ изъ города, приѣхаль домой въ пошъ же вечеръ. Онъ надѣялся пріяпнымъ образомъ удивишь жену свою, кошорая не ожидала его шакъ скоро. Входя въ свою улицу, видишь онъ челошъка въ плащѣ, кошорый пробираешся въ домъ къ Фюльвиі. Замѣшивъ, что

спайнспвенный незнакомецъ часто поглядываешь на домъ Гжи Арманъ, Моранжъ пошелъ за нимъ, что бы посмопръшь, не къ ней ли идешь онъ.

Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что незнакомецъ оспановился у дверей его собспвеннаго дома, гдѣ служанка взяла его за руку и повела въ пемношѣ по особой лѣспницѣ въ покои Фюльвіи. Несмотря на довѣренность Моранжа къ добродѣтели жены своей, не могъ онъ удержаться отъ движенія ревности: ужасный препенъ объялъ его; тихо опшираешь онъ дверь, копорую пришворили и отъ кспорой былъ у него другой ключъ, входишь и оспанавливаешь въ пемной комнашѣ возлѣ кабинета Фюльвіи, куда ввели Дервиля. Гжа Моранжъ оспавила двухъ любовниковъ говоришь на свободѣ о любви своей и, уходя отъ нихъ, съ удивленіемъ видишь неизвѣснаго ей человекъ, подходишь къ нему, но Моранжъ съ яростію оппалкиваетъ ее и идешь въ кабинетъ, гдѣ сквозь спеклянную дверь видишь Адель и принимая ее за жену свою, хочешь поймать у ногъ ея незнакомца, за копорымъ слѣдоваль и

который—упоенный любовію — не слышала ничего, что происходило между супругами.

Моранжъ, увлекаемый ревностію, спарается вырваться изъ рукъ мнимой служанки, которая удерживаетъ его; но Фюльвія узнаетъ наконецъ своего мужа, бросается къ нему на шею, обнимаетъ его и заставляетъ узнать себя; удивленный Моранжъ не можетъ понять какимъ чудомъ обнимаетъ онъ жену свою и въ то же время видитъ ее въ другой комнатѣ съ человѣкомъ, котораго почищаетъ своимъ соперникомъ. Фюльвія, угадывая его мысли, умножаетъ свои ласки; шепчетъ его въ другую комнату и рассказываетъ ему о Дервилѣ.—“Темъ болѣе сердитая я на Гжу Арманъ, что ревность, которую ты сей часъ почувствовалъ, произошла отъ коварныхъ ея разговоровъ, и я не прощу тебѣ въ помѣ, что ты могъ подозревать меня, если не поможешь мнѣ обличить эту лицемерку.”

Моранжъ чрезвычайно жалѣлъ, что могъ подозревать жену свою въ невѣрности и предался чувствованіямъ споль прошивнымъ должному къ ней уваженію;

онъ обнялъ ее съ нѣжностію и обѣщаль сдѣлать все, что она попроситъ для того, что бы загладить невольную свою обиду. Фюльвія просила пригласить сосѣдку на ужинъ, что бы какъ можно скорѣе обнаружить предъ всѣми ея ложную добродѣтель. Моранжъ поспѣшь пошелъ къ ней. Она была одна, и полагая, что незнакомецъ остался ночевать у Фюльвіи, думала какимъ бы образомъ дасть знать о томъ Моранжу, какъ вдругъ самъ онъ вошелъ къ ней въ комнату. Сначала говорили о вещахъ обыкновенныхъ; но Гжа Арманъ, желая сдѣлать разговоръ занимательнымъ, стала упрекать его за то, что онъ надолго оплучается изъ дома и оставляетъ Фюльвію одну, когда, по ея молодости, надобно бы за нею еще присматривать. Онъ отвѣчалъ, что увѣренъ въ правилахъ жены своей и остался бы еще дня три въ деревнѣ, если бы не желалъ поскорѣе ее видѣть.

Гжа Арманъ удивляется, какимъ образомъ Фюльвія могла подать ему столь хорошее мнѣніе о своемъ поведеніи, когда люди, нисколько нерасположенные къ злословію, замѣчаютъ въ ней стараніе

нравиться всѣмъ молодымъ людямъ, которыхъ она принимаетъ у себя въ домѣ, или видишь въ обществѣ. Моранжъ, взбѣшенный дерзостію злой вдовы, оповѣщаетъ что добродѣтель встрѣчается чаще подъ покровомъ вѣрности, нежели подъ обманчивою наружностію спрожайшей непорочности. Эти колкія слова чрезвычайно разсердили Гжу Арманъ, и не владея болѣе собою, она сказала то, что видѣла. Моранжъ припворяется, будто ей вѣришь, сердится, приходитъ въ опчаяніе, попомъ начинаешь понемногу успокоиваться и просишь ее рассказать подробно все, что знаетъ она о женѣ его.

Гжа Арманъ, которой только этого и хотѣлось, рассказываетъ, увеличиваетъ, ушверждаетъ, что во время его отсушствія молодой незнакомецъ не выходилъ ошь Фюльви, и что онъ даже шеперь у него въ домѣ.—“Ахъ сударыня! вскричала Моранжъ съ видомъ опчаянія, не оспавьше меня въ моемъ несчастіи, и если вы уже открыли мнѣ глаза, то докажише, что я имѣю въ васъ истиннаго друга. Я хотѣлъ бы исправить Фюльвию, не унич-

пожая ея добраго имени и не обезсла-
вливая себя. Боюсь, что надѣлаю шуму,
если возвращусь домой одинъ; я не вла-
дѣю болѣе собою, ради Бога пойдёмте со
мною; Фюльвія васъ боится, присутствіе
ваше, присыдя ея, подѣйствуетъ силь-
нѣе, нежели бѣшенство, которому бы я
одинъ потчасъ предался; почитая васъ
за самую добродѣтель, она войдетъ въ
себя и будетъ, можеть быть, подражать
вамъ.

Ложная смиренница, восхищенная
пемъ, что ей дають споль сильную
власть надъ женщиною, которую болѣе
всѣхъ ненавиждитъ, соглашается на пред-
ложеніе Моранжа, и приготопляясь къ ве-
личайшему щоржесиву, какое она когда
либо имѣла, подаетъ руку супругу Фюль-
вію, который ведетъ ея къ себѣ. Онъ по-
шелъ одинъ на верьхъ и просилъ ея по-
дождать въ нижней залѣ. — “Я пойду по-
смоцрю, сказалъ онъ, какимъ образомъ,
лучше мнѣ будетъ ввести васъ., — Не ше-
ряя ни минушы, Моранжъ побѣжалъ увѣ-
домитъ Фюльвію, научилъ ея что ей дол-
жно дѣлать и возвратился къ Гжѣ Арманъ.
— “Ахъ, сударыня! вскричалъ онъ съ ви-

домъ опчаянія, что я видѣлъ! Ненавистный соперникъ мой еще и теперь съ пресступною Фюльвией: пойдете со мною; не хочу болѣе щадить ее. Обличимъ невѣрную, и что бы лучше захватить ее, войдемте по пощаенной лѣспницѣ, ведущей въ ея комнапы.,—При сихъ словахъ, идя впереди, онъ ведетъ ее въ эту комнапу, изъ которой и самъ видѣлъ Адель и Дервиля. Какъ скоро Гжа Арманъ вошла, то и узнала своего любовника. При семъ ужасномъ видѣ она запрепепала, едва могла держаться на ногахъ и къ довершенію ея несчастія, Дервиль, добиваясь желаемого признанія, говорилъ въ эту минупу нѣжнѣйшимъ голосомъ: “Такъ, прелесная Фюльвія, если для доказательства любви моей мало вамъ писемъ вашей соперницы, которыми я пожертвовалъ; то я гошовъ никогда съ нею не видѣшься.,—Тутъ Моранжъ, оборотясь къ вдовѣ, сказалъ ей: “слышите ли сударыня? онъ любитъ только одну жену мою; какъ же несчастень я!”, Говоря такимъ образомъ, подводитъ онъ ее ближе къ стекольчашой двери, и Гжа Арманъ, пораженная, убишая горестію, не пропившись ему, надѣясь

насладишься спыдомъ своей неприязельницы; но что съ нею сдѣлалось, когда она узнала Адель въ платьѣ Фюльвіи и когда сама Фюльвія вошла съ чепырмя, или пяпью приязельницами, которыхъ успѣла уже увѣдомишь о комедіи, представляемой у нея въ комнаѣ! Ревнивая и злорѣчивая вдова не могла болѣе выдержавъ сего послѣдняго удара и закричала такъ сильно, что Дервиль обернулся и чрезвычайно удивился, видя, что Гжа Арманъ была свидѣтельницаю его изъясненія и знаешь, какъ дорого цѣнишь онъ ея письма и сколько къ ней привязанъ; но, не могши предпочестъ ее Адели, не въ состояніи былъ сказать ни слова въ свое оправданіе. Онъ взялъ шляпу и надуинувъ ее на брови, что бы непримѣтно было какъ поразило его это происшествіе; но смущеніе его еще болѣе увеличилось, когда онъ увидѣлъ челоѣка, котораго не могъ не признашь за хозяина дома. Моранжъ, догадываясь о причинѣ его замѣшательства, оставилъ ложную смиренницу на жертву насмѣшкамъ Фюльвіи и ея приязельницъ, взявъ Дервиля за руку, повелъ его въ другую комнату и

разсказаль, какую хитрость придумали Адель и Фюльвия, что бы обличить Гжу Арманъ и опмсшить за ея клевету.

Злая вдова, внѣ себя опъ бѣшенства, была со всѣхъ сторонъ осыпаема колкими насмѣшками и не могли избавишься опъ нихъ иначе какъ бѣгствомъ, рѣшилась уйши домой; но была въ шакомъ смущеніи, что не нашла дверей, а Фюльвия и ея приятельницы, провожая ея, осыпали сатирическими похвалами, копорья она такъ заслужила, и совѣповали ей не безпокоишься болѣе о поведеніи другихъ. — “Особенно берегитесь, говорили онѣ, дѣлашь наставленія шѣмъ, копорья имѣють въ нихъ менѣе нужды, нежели вы.,, Посмѣявшись надъ нею, возвратились онѣ и пошли къ Адели, чрезвычайно смущенной спранною развязкою комедіи, въ копорой играла она главную роль.

Фюльвия и ея подруги, подходя къ ней, смѣялись во все горло; но видя, что она приняла необыкновенный ей почши печальный видъ, спросили ея: не уже ли она принимаешь шакое учаспіе въ судьбѣ Гжи Арманъ, что данный ей урокъ ея огорчаетъ? Адель улыбнулась. “Нѣшь, ска-

зала она, жалость моя къ несчастнымъ не проспирается до этой злой женщины; но не скрываю, что шутка, съигранная съ Дервилемъ, для меня неприятна. Вдругъ похищила я у него все его надежды: онъ беретъ эту вдову по особеннымъ видамъ, а теперь она уже увѣрена въ его невѣрности, и конечно не согласится его болѣе видѣть; онъ думалъ, что его любитъ Фюльвия...и когда этотъ приятный сонъ исчезъ, ему оспалось сожалѣнiе и стыдъ, что былъ игрушкою женскихъ прихотей и орудiемъ нашего мщенiя.,,

—Опъ васъ, сударыня, зависишь поправишь все несчастiя новаго моего знакомаца, сказалъ Моранжъ, входя съ Дервилемъ. Правда, что обожая Адель, онъ думалъ, что любитъ Фюльвию, но влюбленъ не въ жену мою. Любезная Адель, Дервиль готовъ посвятить вамъ всю жизнь свою, если вы согласитесь бытъ не въ шутку шемъ лицомъ, которе представляли съ такимъ искусствомъ.—

“Такъ сударыня, вскричалъ Дервиль, бросающъ къ ногамъ Адели, я не владѣю болѣе своимъ сердцемъ; вы противъ воли

его плѣнили. Сдѣлайте мщеніе, кошорому я споспѣшествовала невольною, благопріятнымъ для пламеннѣйшаго любовника. Позвольте Моранжу увѣдомить вашу мамушку о моихъ чувствахъ и просить ея согласія на мое благополучіе. „

Прелестная Адель была такъ смущена этимъ объявленіемъ и радостію, копорую вшайнѣ опъ того чувствовала, что сначала не могла сказать ни слова; но живая Фюльвія, выведенная изъ терпѣнія ея молчаніемъ, вскричала, обнимая ее съ восторгомъ: „опвѣчай поскорѣе, милая Адель, или я буду говорить за тебя и скажу, что Адель даетъ Моранжу полную власть и желаетъ, что бы онъ получилъ успѣхъ въ своемъ посольствѣ. „

Эта шушка разсмѣшила всѣхъ и возвратила спокойствіе Адели, копорая сказала краснѣя: „Ты говоришь такъ хорошо, милая Фюльвія, что я не въ силахъ тебѣ прошивурѣчить и принуждена утвердить данное побою полномочіе. „

Эти слова, произнесенныя съ особенною пріятностію, восхищили спрашнаго Дервиля. Моранжъ удержалъ всѣхъ на

ужинъ, и любовники распались въ восхищеніи другъ оцъ друга.

На другой день, Моранжъ и Фюльвія справясь по обыкновенію о дѣлахъ Дервиля, поѣхали къ Гжѣ Дорсанъ. Фюльвія, желая поскорѣе узнать развязку этой комедіи, просила руку Адели для любезнаго молодого человѣка, котораго она осыпала похвалами.—“Я знаю Дервиля и его сѣмейство, ошвѣчала Гжа Дорсанъ; не могу бышь споль несправедливою, что бы винишь сына въ просшупкахъ ошца, и рада доспавишь ему возможность окончишь процессы его по наслѣдству. Но, зная по опыту, что нѣшь счастья подобнаго тому, которое доспавляетъ бракъ, заключенный по взаимному согласію сердець, выдамъ Адель шолько за шого, кого пошпейъ она досшойнымъ всей своей нѣжности: и шакъ шеперь нужно шолько знашь, любишь ли Дервиль дочь мою и она его; если я могу въ эшомъ убѣдишь-ся, то будыше увѣрены въ моемъ согласіи. „

Фюльвія, восхищенная эшимъ ошвѣшомъ, призналась, что они у нее видѣлись; и не говоря ни слова о приключеніи-

ихъ съ Гжею Арманъ, увѣрила ее во взаимной любви ихъ. Нѣжная родипельница съ радостію объ этомъ услышала и желала видѣть дочь свою и будущаго зятя. Моранжъ потчасъ поѣхаль за Дервилемъ; Фюльвія привезла свою прияпельницу; счастье и радость приятнымъ образомъ волновали сердца. Назначенный бракъ былъ торжественъ въ деревнѣ Моранжа, за нѣскольکو миль отъ Парижа. Фюльвія, за копорую эта свадьба еще опмщала ложной смиренницѣ, радовалась почти также, какъ и любовники. Что касается до Гжи Арманъ, то это приключеніе, копорое вездѣ старались разглашать, и бракъ Дервиля съ Аделью, довели ее до такого опчаянія, что она, не могши болѣе сносить ихъ благополучія и презрѣнія всѣхъ своихъ знакомыхъ, удалилась въ небольшое селеніе въ Швейцаріи, и тамъ старалась исполнять на самомъ дѣлѣ правила добродѣтели, о копорыхъ прежде только говорила. Фюльвія и ея прияпельница не перемѣнили образа своей жизни, потому что въ поведеніи ихъ не было ничего предосудительнаго; но съ чрезвычайнымъ стараніемъ избѣгали все-

го, что могло бытъ переполковано въ дурную сторону, опасаясь вспрѣшпшь другую Гжу Арманъ, копорую бы. можешъ бытъ, шрудно, или даже невозможно было обличпшь и принудпшь къ молчанію.

Съ Франц. А.

~~~~~

КѢ Фантазіи.

Куда сокрылася, подруга юныхъ дней?
 Гдѣ ты, Фаншазія, гдѣ ты моя богиня?
 Гдѣ наслажденье, гдѣ воспоргъ души моей?
 Изчезло все!—мнѣ міръ безбрежная пущыня,
 И жизнь цѣпь шяжкая спраданій безъ себя!
 Я жилъ шобой; шенерь, оставленный шобою,
 Молю: яви мнѣ вновь, прелеспная, себя!
 И снова разцвѣшу увядшею душою! ...
 Гдѣ время шо, какъ я по лирѣ пробѣгалъ
 Перспами робкими, шобою вдохновенный,
 И опъ одной меншы къ другой перелешалъ
 Душою пламенной, воспоргомъ увлеченный?..
 Одна ты красопой была весны моей —
 Предмешы всѣ въ глазахъ моихъ одушевля-
 ла:
 Мнѣ вяшнымъ языкомъ журчалъ въ цвѣ-
 шахъ ручей,
 И сердца опзывы окреспность повшоряла;
 Съ дыханьемъ вѣшерка и съ щопопомъ ли-
 сповъ—

Когда природа въ сонъ глубокой погружа-
лась—
Какъ шихо, медленно шы въ грудь мою вли-
валась!...
Но спалъ съ очей моихъ волшебный швой
покровъ,
Изчезло сладкое души очарованье,
Какъ исчезающъ сны съ зарею опъ очей;
Одно лишь хладное о немъ воспоминанье,
Въ разочарованной лежишь душъ моей!

Козельскб.

А. Б. стр. лб.

~~~~~

Вб алболб.

(Подражаніе Бейрону.)

Какъ имя скрышаго подъ гробовой доской
Прохожаго на мигъ вниманье привлекаешъ:
Такъ ошановишся задумчивый взоръ швой,
Когда въ пусшынной сей спраницѣ повспрѣ-
чаешъ
Мое—забытое шбой!

Прочшешъ и мысленно меня вспомянешъ шы,
Какъ воспоминающъ шѣхъ, кошорыхъ ужь не
спало.—
Я здѣсь похоронилъ привычныя мечшы
И сердце все мое: оно давно увяло
Среди надеждъ шщеты.

Козельскб.

А. Б. стр. лб.

~~~~~

О ПРОСТОТѢ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ИЗЯЩ- НЫХЪ ИСКУССТВЪ.

(Изъ Сульцера.)

Простота въ обширнѣйшемъ значеніи есть отсутствіе часшей, или нераздѣльность вещи. Въ изящныхъ произведеніяхъ означается симъ словомъ недоспашокъ, или отсутствіе всякихъ случайныхъ, искусствомъ порожденныхъ обстоятельствъ. Обыкновенно приписывается чему либо благородная простота въ двухъ случаяхъ: или когда желаемое дѣйствіе производится при немногихъ средствахъ, или когда предметъ нравится намъ одними существенными свойствами своими, безъ всякихъ случайныхъ украшеній. Такимъ образомъ внѣшней формѣ пѣла, или фигурѣ, приписываютъ благородную простоту, когда подобно большей части древнихъ вазъ, или чашъ, она принимаетъ зрѣніе однимъ наружнымъ видомъ и приятными очертаніями, не занимая большаго разнообразія отъ необыкновенныхъ украшеній, или хитрой рѣзбы. Въ зданіи обнаруживается благородная простота, когда весь объемъ она-

го представляешь одно нераздельное поражающее взоры цѣлое; когда въ немъ не видно никакихъ случайныхъ украшеній, кромѣ самыхъ существенныхъ часпей. Таковъ Пантеонъ, или шакъ называемая Ротонда, въ Римѣ. Въ рѣчи явяется важная простота, когда въ ней опущены всѣ случайныя украшенія, а предлагающія сильно и хорошо только шакія представленія, которыя существенно относятся къ цѣли оратора. Въ нравѣ и обращеніи челоуѣка замѣтна благородная простота, когда во всѣхъ случаяхъ, руководимый истиннымъ и правильнымъ чувствомъ, онъ избираешь самый прямой путь и по нему спрѣмится, сообразуясь только съ требованіями обстоятельствъ. Въ системѣ господствуетъ простота, когда одно правило слѣжитъ основаніемъ всѣмъ частямъ. И шакъ въ изящныхъ произведеніяхъ бываетъ простота двоякая, именно: простота существеннаго и простота случайнаго. Можно получить ясное понятіе о сихъ двухъ родахъ простоты, представивъ себѣ двое часовъ, которыя одинаково вѣрно показываютъ время, но изъ коихъ одинъ составленъ изъ

гораздо меньшаго числа существенныхъ часпей, или колесъ, нежели другія. Первыя проще въ своей сущности, нежели послѣднія. Впрочемъ и въ случайномъ видѣ часпей одни часы могутъ быть проще другихъ, смотря по тому, болѣе, или менѣе украшены существенныя часши случайными.

Простотѣ существеннаго пропиво-полагается многосложность, которая происходитъ въ такомъ случаѣ, когда въ предметѣ надлежитъ разсматривать нѣсколько существенныхъ свойствъ: таковы были бы поступки человѣка, дѣйствующаго въ одно время по многимъ и различнымъ правиламъ.

Простотѣ случайнаго пропиво-полагается изукрашенное, выисканное, въ которомъ замѣтны искусственныя усилія присовокупить къ вещи случайныя украшенія. Впрочемъ иногда случайное сочетается съ существеннымъ весьма естественно и принужденно, и благородная простота нисколько отъ того не разрушается. Такъ басни Фэдра опличаются важной простотою, ибо онѣ представляють только самое существенное каж-

даго дѣйствія; напрошивъ того Лафон-
шенъ присоединяетъ много случайнаго,
но сія примѣсь очень часто бываетъ такъ
естественна, что мы почти не замѣ-
чаемъ искусства и усилій Баснописца въ
украшеніяхъ ненужныхъ.

Благородная простота услаждаетъ
истинный вкусъ, но причины сего удо-
вольствія еще мало развиты. Простота
важная ограничивается однимъ суще-
ственнымъ предметомъ. Посему все, что
заключаетъ въ себѣ предметъ, въ немъ
необходимо и ничто не можетъ быть
опущено; всѣ части связуются между
собою безъ принужденія, нѣтъ ничего
лишняго, ничего, отвлекающаго способ-
ность представленія отъ сущности пред-
мета; цѣль достигается самымъ удоб-
нымъ и естественнымъ образомъ. Такой
предметъ совершенъ въ высшей степени,
ибо въ немъ вездѣ строжайшая сообраз-
ность. Мы узнаемъ причину каждаго об-
стоятельства, которое не можетъ быть
иначе, или лучше, будучи основано на
самой сущности предмета. Способность
представленія нигдѣ не задерживается,
ничего не находимъ недоспапочнымъ.

Все принадлежащее къ предмету составляет совершенно полное цѣлое. Искусство такъ мало замѣтно, что кажется будто сама природа образовала предметъ по совершеннѣйшимъ законамъ своимъ. Однимъ словомъ благородная простота есть высшая степень совершенства.

Требованія изящнаго вкуса таковы, что мы предпочтительнѣе избираемъ въ твореніяхъ самый краткій путь, стараемся устранить ненужное и лишнее вездѣ, гдѣ оно встрѣчаемъ, хотимъ узнать и постигнуть для чего каждая часть существуетъ, и ощущаемъ удовольствіе, замѣчая связь между сущностію и свойствами вещей. Всѣмъ такимъ требованіямъ удовлетворяющъ предметъ, въ кошорыхъ господствуетъ благородная простота. Она возбуждаетъ удовольствіе преимущественно въ тѣхъ людяхъ, коихъ естественный и спротивный образъ мышленія наиболѣе былъ оскорбляемъ твореніями неправильнаго воображенія. Сіи произведенія содержали ихъ способность предспавленія въ непрерывномъ напряженіи: посему они чувствуютъ нѣкошораго рода облегченіе при

разсмаприваніи пвореній, опличающихя просптою. Воспоминаніе о неудовольствіи, которе возбуждали въ нихъ принужденность и сбивчивость, возвышаешъ прияшность еспешвенной проспты первыхъ. Никшо не будешъ чувствовашъ шакъ сильно наслажденій проспты въ образѣ жизни и обхожденіи, какъ попъ, кшо вполнѣ ощущалъ шягость жизни, расположенной по условіямъ общеспва и спѣсенной произвольными успавами приличія.

Кшо одаренъ умомъ правильнымъ и образованнымъ и не уклонился опъ еспешвенности, у шого и въ обращеніи и въ словахъ и въ пвореніяхъ видна будешъ сія благородная просптопа. Она составляетъ общій характеръ древнѣйшихъ Греческихъ и Римскихъ писашелей и художниковъ; она преимущественно опличаешъ ихъ опъ новѣйшихъ. Волъ несомнѣнное доказашельство, что важная просптопа ешъ произведеніе неиспорченной природы.

Въ новѣйшія времена все еспешвенное изгнано произвольнымъ и принужденнымъ, шакъ, что измѣненія въ лицѣ, шѣ-

додвиженія, положеніе шѣла, разговоръ, вообще все обращеніе человѣка должно сообразоваться съ произвольными, или выисканными правилами искусства. Но сей причинѣ благородная простота споль же рѣдко встрѣчается въ произведеніяхъ художествъ, сколько и возвышенность. Поелику искусство, съ трудомъ изученное, спановится другою природою: но у многихъ погасло даже самое чувство удовольствія отъ созерцанія благородной простоты. Ее не встрѣчаемъ ни въ зданіяхъ, ни въ твореніяхъ искусствъ образовательныхъ, ни въ живописи, ни въ краснорѣчіи, ни въ поэзи, ни въ музыкѣ. Многосложность, излишество, произволь сполько укоренились и въ нравахъ и въ произведеніяхъ искусствъ, что сохранившіеся малые остатки естественнаго едва могутъ насъ пронуть. Какъ много видимъ мы цѣлыхъ зданій и отдѣльных частей, въ которыхъ бесполезныя, даже неестественныя украшенія, сильно бросающія въ глаза, заставляющія насъ забывать о существенномъ? Какъ часто ничтожныя украшенія, звучныя слова и остроумныя каршины, которыми спи-

хошворецъ обременяешь свое произведе-
 ніе, отвлекающъ наше вниманіе отъ глав-
 наго содержанія, подобно богатой и пыш-
 ной одеждѣ, кошорая скрываетъ собою
 челоуѣка, ею украшеннаго? Какъ часно
 будучи поражены яркостію красокъ, не-
 вѣрностію и живостію фізіогномій и
 положенія лицъ, мы выпускаемъ изъ ви-
 ду самое происшествіе, представленное
 на каршинѣ.

Благородная проспоша соспавляетъ
 истинное совершенство всякаго произве-
 денія искусствъ, каждое должно предста-
 влять что нибудь, ш. е. должно произво-
 дить на воображеніе и сердца людей ка-
 кое нѣбудь извѣстное впечатлѣніе: все,
 что не производитъ сего впечатлѣнія,
 прошивно цѣли искусствъ; а если оно да-
 же препятствуетъ сему дѣйствію, то
 показываетъ неразсудительность худож-
 ника. Посему его стараніе должно быть
 устремлено на достиженіе благородной
 проспошы. Если бы мы успѣли воскре-
 сить въ изящныхъ искусствахъ проспо-
 шу природы; то она чрезъ нихъ распро-
 странилась бы и на нравы. Нѣтъ сомнѣнія,
 что художники, кошорые удалились отъ

благородной простоты, содѣйствовали къ водворенію испорченнаго вкуса въ общежитіи. Но справедливо и то, что художникъ, руководимый очищеннымъ вкусомъ, можетъ пресѣчь порчу общежитія и нравовъ и возстановить упраченное благо.

Впрочемъ новѣйшему художнику, стремящемуся къ благородной простотѣ природы, предстоятъ гораздо большія затрудненія, нежели какія надлежало преодолѣвать древнимъ. Они не были принуждены въ свое время разпорядить цѣли испорченнаго вкуса. Тогда занятія жизни и дѣла были проще, нежели нынѣ. Въ наши времена потребны отличныи умъ и спрогая разсудительность для совершенія того, что древнимъ было легко и удобно. Вопъ нѣсколько замѣчаній, которыя могутъ служить руководствомъ художнику въ его стремленіи къ благородной простотѣ.

Сіе прекрасное качество обнаруживается въ твореніи различнымъ образомъ. Оно просширается отъ общаго, или перваго начертанія искусственнаго произведенія, до ошдѣлки малѣйшихъ часшей. По-

чпи всѣ лучшія произведенія искусствъ
 супь самыя простыя по расположенію и
 плану. Весь планъ Иліады можеть быть вы-
 ражень немногими словами. Софокль и пре-
 имущественно Эсхиль располагали свои
 Трагедіи по столь простымъ планамъ,
 что ихъ можно обнять мыслію безъ вся-
 кой трудности. Между прѣмя, четьрь-
 мя, или, по большой мѣрѣ пятью лица-
 ми, неудаляющимися на большое разсто-
 яніе отъ мѣста дѣйствія, происходишь
 важное событіе, въ продолженіи котора-
 го совершенно развиваются ихъ характе-
 ры. Такъ точно и самыя совершенныя
 картины величайшихъ художниковъ со-
 стоятъ изъ весьма немногихъ фигуръ,
 и, большею частію, изъ одной весьма про-
 стой группы. Превосходнѣйшія зданія
 древнихъ образуютъ одну и очень про-
 стую массу: кубъ, или вверху округлен-
 ный цилиндръ, которые можно съ вели-
 чайшею удобностію окинуть однимъ взо-
 ромъ. Древніе искали великое не въ из-
 лишнемъ множествѣ частей; но въ вели-
 чіи внутреннемъ, въ совершенствѣ, въ луч-
 шемъ видѣ цѣлаго. Конечно и отличные
 художники производили творенія очень

сложныя; но только въ такихъ случаяхъ, когда содержаніе дѣлало многосложность необходимою: такъ Иліада, богатая предметами, весьма проста въ планѣ; въ ней все происходитъ отъ одного главнаго понятія. Когда Пуссенъ долженъ былъ представить собраніе манны въ пустынь, то не могъ ограничиться немногими фигурами.

Чтобы достигнуть возможной простоты въ планѣ, надлежитъ художнику, выбравъ содержаніе, всегда имѣть въ виду, что его швореніе въ цѣлости должно возбуждать одно извѣстное, главное представленіе, и объ этомъ главномъ представленіи долженъ онъ составить себѣ ясное понятіе. Послѣ сего надлежитъ ему обдумывать оное до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно постигнетъ всю сущность сего понятія, пока точно не убѣдился во всемъ, что необходимо къ оному принадлежитъ и не можетъ быть опущено безъ вреда, или ослабленія сего понятія. Помощь должно опредѣлить все непринадлежащее къ существу вещи, стараясь необходимое расположить въ планѣ лучшимъ образомъ, и тогда благород-

ная простота достигнется. Недостатокъ въ планѣ происходишь, по большой части либо отъ того, что художникъ не представляешь себѣ предмета своего довольно опредѣлительно и потому прибавляешь много бесполезнаго, случайнаго и даже противнаго; либо отъ того, что онъ вообще соединеніемъ различныхъ предметовъ хочешь привести воображеніе другихъ въ дѣйственность неопредѣленную. Для достиженія благородной простоты надлежишь опмещать, какъ вредное, не только все, что не усиливаетъ занимательности содержанія, но и все, что не принадлежишь къ тому необходимо.

Въ расположеніи также можно болѣе, или менѣе приблизиться къ сему качеству. Предметы могутъ соединены быть между собою съ болѣею, или менѣею легкостью и необходимостью. Если каждая часть не занимаетъ того мѣста, которое для нее, по существу представленія, самое приличное: то благородная простота отъ этого нарушается.

Характерамъ, дѣйствіямъ и рѣчамъ лицъ, входящихъ въ составъ творенія, сообщается благородная простота по-

добнымъ же образомъ. Характеръ и поспушки челоуѣка вообще просты; онъ всегда дѣйствуешъ по немногимъ главнымъ понятіямъ, копорыхъ вліяніе простирается на всѣ его дѣянія.

Въ рѣчахъ простота можешъ заключаешъ или въ мысляхъ, или въ выраженіи. Простота въ мысляхъ достигается, когда мы успѣваемъ отккрыть одно господствующее понятіе, изъ котораго вытекаешъ все, что намъ говоришъ надобно, или къ которому все можешъ бышь отнесено. Ораторъ, копорый при защищеніи обвиняемаго во многихъ проступкахъ, откроешъ въ его характерѣ, или въ какой либо часпи обвиненія такое обстоятельство, копорое можешъ служить опроверженіемъ всѣхъ спашей обвиненія, такой Орапоръ безъ пруда можешъ доставить своему защищенію величайшую простоту. Оправданіе Андромахи, въ Трагедіи Еврипида, пропивъ обвиненій Герміоны, можешъ служить примѣромъ. Одно понятіе объ особѣ и положеніи сей несчастной Царицы заключаешъ въ себѣ все, что только можно сказаши въ ея извиненіе. — Во всѣхъ родахъ рѣчей Ора-

торъ преимущественно долженъ заботишься о томъ, чтобы замѣпишь главное понятіе, на которомъ всѣ прочія основаны, ибо когда оно найдено, простота сама собою воспослѣдуешь.

Простота выражений пребуешь, чтобы каждая отдѣльная мысль, выражаема была прямо и въ столь короткихъ словахъ, сколько пошребно для яснаго понятія оной; но это возможно только людямъ, одареннымъ самою здоровою и правильною способностію сужденія. Сія простота преимущественно должна послѣдовашъ въ шѣхъ случаяхъ, когда одна сущность мыслей совершенно доспойна, чтобы покоришь душу слушателя. Ее можно сравнишь съ обработкою каждой отдѣльной части; все зависишь отъ важнаго правила: *столько, сколько необходимо; но дѣло художника знашь что необходимо.* Надлежишь отбросишь не только всѣ украшенія, всѣ хитрыя причуды, всѣ блестящія краски, всѣ звучныя выраженія; словомъ, все, что увеличиваетъ только число частей, не усиливая главнаго представленія; но даже и то, что можешь не бышь, не производя ошущительнаго

и существеннаго недоспашка. Если нѣкошорое извѣстное благозвучіе въ словахъ, нѣкошорая живоспъ въ краскахъ, нѣкошорая сила въ мысляхъ, нѣкошорое простое украшеніе въ главной части доспашочны, чшобъ возбудишь предспашленіе, соопвѣспшвующее намѣренію художника: шо опасно придавашъ оному предспашленію болѣе блеска. Тогда лишнее было бы ослѣпштельно; мы чувспшвовали бы одно сіяніе, не будучи въ состошвніи разсмопрѣшь свойспшва блестящаго предмета: шакъ шошь, кшо смопршшь на лучезарное солнце, не можешъ различшть видимой его величины и круглago вида.

Благородная простота часто бшваетъ споль несообразна съ привычками нашего вѣка, что художникъ, опасаясь оскорбшть господствующій вкусъ, не рѣшашся слѣдовашь ея законамъ, даже въ шѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ бы ея дошпшгнушь. Въ зодчеспшвѣ мы шакъ сильно привержены къ нѣкошорымъ согласнымъ съ простотою украшениямъ въ извѣспныхъ частяхъ зданій, что и образованные зодчіе, кошорымъ испшнная красота

не чужда, увлекаются общимъ привыкомъ. Но это не должно сповало бы никого совращать съ пути естественности. Всегда найдутся знапки, которые достойно оцѣнять твореніе, хотя и пренебрегаемое толпою. Существенное во всякой вещи неизмѣнно; случайное подвержено непрерывнымъ измѣненіямъ моды. Посему художникъ, который желаетъ снискать одобреніе всѣхъ людей и во всѣ времена, долженъ ограничиваться существеннымъ; слѣдовательно долженъ прилежать къ проснопѣ благородной.

Съ Нѣмец. К.

Ветеръ на Карповкѣ .

На рѣчкѣ Карповкѣ я встрѣшилъ Ге-
 ликонъ:

Тамъ царство звучности и прелести законъ.
 На арфѣ быспрошой плѣняетъ всѣхъ Люд-
 мила;

Эрасу свой смычокъ Эрапа подарила;
 Амуровъ, Грацій шамъ любуясь игрой,
 Опець предводитишь струнь согласныхъ ми-
 лый строй;

А мать, рожденная бышь нашею Ла Сюзой,
 Для счастья дѣшей, ихъ спала шолько Му-
 зой:

Имъ припчмъ говорипшь и пѣсенки поешъ.
Въ уединеніи шаланшь всегда цвѣпешъ.

Но вошь волшебсшво,
Что я, вкуса въ саду ошрады лѣпней шѣнь,
Нашель на Карповкѣ въ одинъ и часъ и
день

Таланшовъ цѣлое сѣмейсшво!

26 Юля 1825.

Графъ Хвостовъ.

~~~~~

Видѣніе.

Къ наслажденьямъ охлажденный,
Равнодушный ко всему,
Я лежалъ изнеможенный
На одрѣ, предавшись сну.
Сонмъ полуночныхъ видѣній
Овладелъ моею мечпой;
И я вижу—жизни геній
Будшо въешся надо мной.

*

Будшо онъ, блеснувъ очами,
Что-шо новое мнѣ далъ,
И эфирными крилами
Осѣнивъ меня, сказалъ:
“Полешимъ къ водамъ забвенья
Прошлыхъ горесшей и бѣдъ!
Тамъ, гдѣ вѣчно изцѣленье,
Злымъ недугамъ мѣсша нѣшь!,,

*

«Тамъ, сказавъ: *прости!* спрэданьямъ:
 Безошрадныхъ, черныхъ дней,
 Безнадежнымъ упованьямъ
 И волненію спрасшей,
 Скорбь веселіемъ разсѣя,
 Розу жизни разовьешь,
 И воспоргомъ пламенѣя,
 Вновь мечшою оживешь!», —

*

И какой-то дивной силой
 Онъ увлекъ меня съ собой
 Изъ обштели унылой
 Въ край давно желанный мной.
 О святое провидѣнье!
 Лишь меня онъ погрузилъ
 Въ воды сладкаго забвенья,
 Я минувшее забылъ!

*

Все, какъ ушра парь росисшый
 Предъ денницею злашой,
 Изъ заразы въ воздухъ чистый
 Претворилось предо мной.
 И что душу ошягчало,
 Какъ осення грозна ночь,
 И что на сердце лежало —
 Все, какъ шѣнь ошъ свѣша, прочь!

*.

Цѣпью радужной слешѣлся
 Рой привѣшливыхъ ко мнѣ;

Огнь сердечный возгорѣлся
 Въ благодатной пищинѣ:
 Мнилось мнѣ, что оживаю
 Я увядшею душой,
 Легкокрылая вспрѣчаю
 Вдохновеніе съ мечшой...

*

Вижу свѣсплыхъ, юныхъ ликовъ
 Веселящійся соборъ;
 Слышу радостные клики,
 Тихій, сладкій разговоръ.
 Въ мирной, роцѣ, гдѣ струѣю,
 Какъ росой, блещитъ пощокъ,
 Гармонической игрою
 Въешь въ слухъ мой въшерокъ....

*

Но увы! не долго радость
 Продолжалася—на часъ!
 Я очнулся—снова младость
 Скорбной грусти предалась!
 Какъ лучъ мѣсяца блестящій,
 Какъ разбишой арфы звонъ,
 Какъ въ ночи призракъ блестящій,
 Мой исчезъ прелестный соць!

Красноярскъ на Енисеѣ. И. Петровъ.

Къ загородному дому N. N.

Любовью къ испинѣ извѣстный наблюда-
 шель
 На пышный сей черпогъ съ вниманіемъ
 взираль.
 Здѣсь вѣрно, думаль онъ, живешь Судьбы
 прияшель..
 Вдругъ видишь Лизу—“нѣшь, здѣсь Грацій
 храмъ!”,—сказаль.
 А. Б. стр. лѣ.

~~~~~

Экспролитѣ.

Давно уже швердишь весь свѣшь:
 Амурѣ хитрець!—О помъ ни слова.
 Но вѣрыше, хитреца другова
 Милѣй его, на свѣшь нѣшь.

Козельскѣ.

А. Б. стр. лѣ.

~~~~~

Противуположныя мнѣнія о су- пружествѣ.

Чешыре молодыя и пригожія дамы,
 думая, что онъ однѣ только сидяшь въ са-
 ду, свободно и ошкровенно между собою
 разговаривали. Я подкрался и со внимані-
 емъ началъ слушашь.

“Какое самое главное достоинство въ мужъ?,, спросила одна изъ нихъ.

— Богатство, богатство, большое богатство! — отвѣчала другая.

“Любовь, сказала прешія, любовь страшная и даже слѣпая любовь!,,

— Молодость, подхватила прешія, молодость, цвѣтущая и вѣчная молодость! —

“А мнѣ такъ кажется, возразила первая, шерпѣніе, шерпѣніе и вѣчное шерпѣніе!,,

(Съ Франц.)

~~~~~

Анекдоты о Наполеонѣ.

1.

Наполеонъ любилъ прогуливаться въ Парижѣ *инкогнито*; часто слѣдовалъ за нимъ одинъ только адъютантъ. Разъ какъ-то ушромъ, часу въ 9, вошелъ онъ въ модный магазинъ, гдѣ чрезвычайно понравился ему маленькій фарфоровый аншикъ. Хозяйка магазина еще почивала. Наполеонъ подождалъ ее съ полчаса, пока встала она и одѣлась. Онъ спросилъ ее о цѣнѣ аншика и объявленная ею цѣна показалась ему слишкомъ высокою. — “Быть можетъ, что это и дорого, сказала ему хозяйка; но мы должны продавать сколько можно дороже.

потому что при всѣхъ налогахъ и несчастіяхъ войны, Императоръ не оставилъ намъ ничего.,—Наполеонъ вышелъ изъ лавки. На другой день упрямъ Адтьюпантъ его пришелъ за аншикомъ и за хозяйкою. Бѣдная женщина, въ спрахѣ, предстала предъ Императора, который, приближась къ ней, сказалъ: “я заплачу вамъ, сколько вы съ меня просили; но совѣшную вѣшавашъ раньше и не вмѣшивашься въ полишику.”

В.

Наполеонъ, замѣшивъ въ парадѣ, если что нибудь изъ военныхъ заслуживалъ почему либо повышенія, обыкновенно обращался къ тому человѣку и называлъ его слѣдующимъ чиномъ. Вопшь тому одинъ примѣръ.

Вскорѣ послѣ рожденія его сына, когда Наполеонъ былъ на большомъ парадѣ, такъ взбѣсился подъ нимъ богатырскій его конь, что онъ не могъ ни управить имъ, ни сойти съ него. Вдругъ какой-то Поручикъ смѣло приближается къ неукротимому живошному, схватываетъ его за узду, и лошадь остановилась, — “Благодарю, Г Капитанъ!”, сказалъ Наполеонъ, слѣзая съ лошади. — Поручикъ устремляетъ значительный взоръ на Императора и спрашиваетъ его: въ ка-

кой же полкъ, Государь? — “Въ Гвардію!»,
опвѣчалъ Наполеонъ, подумавъ немного.

Перев. Пав. Яковлевъ.

Разные Анекдоты.

1.

Славная Актриса Клеронъ очень рѣдко играла на шеапрѣ. Прочіе актеры и актрисы, будучи эшимъ весьма недовольны, побранили; однажды еѣ за ея лѣность. — “Правда, что я рѣдко показываюсь на сценѣ, опвѣчала она; но за то одно изъ предспавленій моихъ доставляешъ каждому изъ васъ пропитаніе на цѣлый мѣсяць.”

2.

Гваданьи (Guadagni), Италіанскій пѣвецъ; сколько же былъ извѣстенъ гордостью своею, сколько и паланшомъ. Последній доставилъ ему великое богатство; а гордость нерѣдко побвлекала его въ большія неприятности. Вошъ что случилось съ нимъ въ Парижѣ.

Герцогъ хвалилъ голосъ и искусство Гваданьи двумъ Французскимъ вельможамъ;

приѣхавшимъ ко двору его, и просилъ пѣвца оправдать похвалы его объ немъ. Но Гваданьи, которъй не перпѣлъ Французовъ, поклялся ничего не дѣлать для нихъ. Съ намѣреніемъ пѣлъ онъ весьма дурно и очень мало, извиняясь, будто охрипъ отъ простуды. Черезъ недѣлю Герцогъ возобновилъ свою просьбу, и Гваданьи поступилъ также, какъ и прежде. Сдѣлали еще опсрочку; но въ шестъ день, когда назначенъ былъ концертъ, Гваданьи уѣхалъ на охошу и не показывался во дворець.

Такая дерзость вывела Герцога изъ терпѣнія. Онъ приказалъ заключить пѣвца въ шемницу и въ продолженіе осми дней давать ему только хлѣбъ да воду. Такая дѣша весьма не понравилась Гваданьи, котораго обжирство превосходило даже его упрямство. Въ девятый день служитель принесъ ему въ шемницу превкусный обѣдъ, и когда Гваданьи съ жадностію бросился на кушанье, то первый, удержавъ его, сказалъ: “не шоропишесь, сударь: мнѣ приказано до шѣхъ поръ не давать вамъ ѣсть, пока не пропоеше чего нибудь. — “Какъ пѣшь? Я умираю отъ голода. — “Нѣшь нужды, но повшорю вамъ, что не прежде коснешесь до эшихъ лакомыхъ блюдъ, какъ пропѣвши что нибудь., — Гваданьи исполнилъ его пребываніе. Послѣ шого служи-

шель хотѣлъ удалиться. — Ты оставляешь меня? — сказала ему Гваданьи. — “Да, надобно мнѣ шеперь же повѣситъ двухъ бездѣльниковъ. „ — Какъ развѣ ты ... — “Палачъ? ... Точно такъ, сударь. Вы не хотѣли пѣшь для Герцога, шакъ пропѣли для палача.,,

Такое необыкновенное наказаніе скоро сдѣлалось всеѣмъ извѣстно, и Гваданьи, выпущенный на свободу, долженъ былъ сокрышь спыдъ свой далеко ошь Ипалім .

3.

Однажды Пиронъ приглашенъ былъ на обѣдъ къ богатому опкупщику. Тутъ же случился одинъ Графъ, который идучи въ столовую съ Пирономъ, хотѣлъ изъ учтивости уступить ему мѣсто. Хозяинъ, замѣшя, что гости его церемоняшся между собою, сказалъ Графу: “Э! Ваше Сіятельство! эшо авторъ; будыше безъ чиновъ., — Пиронъ, почувствовавъ, что хотѣли унизить его, сказалъ: *такъ какъ достоинства здѣсь извѣстны, то я долженъ взять преимущество* — и гордо пошелъ впередъ.

4.

Одинъ молодой Поэтъ, или лучше ска-
зашъ риемачь, прислалъ къ Пирону фазана:

На другой день пришелъ онъ самъ къ нему и вынулъ изъ кармана Трагедію, которую хотѣлъ прочесть хозяину. — “Вижу ваши замыслы, сказалъ Пиронъ: возьмите назадъ и вашу Трагедію и вашего фазана.,”

5.

На Парижскомъ театръ играли одну Оперу Лафоншена. Авторъ былъ въ ложѣ. Еще не окончили перваго явленія, какъ уже началъ онъ зѣвать; послѣ же перваго дѣйствія вышелъ изъ театра, отправился въ ближній кофейный домъ и засѣлъ тамъ въ уголь. Вліяніе на него Оперы было споль сильно, что онъ скоро заснулъ. Пришелъ одинъ изъ знакомыхъ Лафоншена и увидя его тупъ и въ такомъ положеніи, удивился и разбудилъ соннаго автора. — “Что вы дѣлаете здѣсь и почему вы не въ театръ?,” — Охъ! я былъ тамъ, оспѣвалъ Лафоншенъ, видѣлъ первое дѣйствіе моей Оперы; но такъ соскучился, что не могъ болѣе смотреть: удивляюсь пертвнню Парижанъ! —

6.

Маркизь Ф..., большій охотникъ занимать деньги и никому неплатившій долговъ своихъ, пришелъ однажды къ богатому Самуелю Бернарду, и послѣ обыкно-

венныхъ учтивостей, сказалъ ему: „Я удивлю васъ, М. Г. Я Маркизь Ф. ... не имѣю чести бытъ съ вами знакомымъ и пришелъ просить у васъ въ займы 500 луидоровъ,, — А я еще болѣе удивлю васъ, отвѣчалъ Бернардъ: *я знаю васъ и исполню ваше требованіе.*

7.

Какая-то госпожа, увидя въ лавкѣ у одной торговки маленькаго сына и дочку, у кошорыхъ лица были очень пасмурны, спросила: „что такъ не веселы швои дѣши?,,—Да, сударыня, отвѣчала торговка, но мы за это съчемъ ихъ очень больно. —

XXIX и XXX N° уже печашающся и выдушъ въ одной книжкѣ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XXIX и XXX.

ИЗВѢСТНОСТЬ.

L'audace double les forces, parsequ'elle double l'opinion, qu'on s'en forme . . . pour reussir dans les entreprises difficiles, il suffit quelquefois de faire croire qu'on est sûr de réussir.

Уже прошло пому лѣтъ сорокъ, какъ Скрибусъ умеръ. Его шеперь никпо не знаешь; но въ свое время онъ былъ славень. Можно ли заплашишь бѣльшею неблагодарносшю челоуѣку, который цѣлую жизнь прудился, чшобъ заслужишь вниманіе попомства? Онъ забышь, и—кажешся—навсегда.

Скрибусъ былъ авпоръ. Произведенія его нѣкогда дѣлали много шума въ ученомъ свѣтѣ; а шеперь...увы! лежашъ погребенными въ книжныхъ лавкахъ, подъ толстымъ слоємъ пыли и разсѣяны разными отрывками въ мѣшкахъ уносячихъ продавцовъ на фунты швореній ума че-

ловѣческаго. Опець мой, который пользовался особенною дружбою Скрибуса, рассказывалъ мнѣ объ немъ много прекраснаго, и я удивляюсь, какъ имя этого достойнаго мужа погрязло въ безднѣ забвенія.

“Нельзя избѣжатьъ общей участи — говорилъ Скрибусъ ошцу моему незадолго до смерти своей — но шопъ много жиль, кто оставилъ памятникъ своего существованія., — Онъ произнесъ эши слова съ нѣкоторою благородною гордостію и съ совершеннымъ спокойствіемъ на лицѣ — но какъ жестоко ошиблось его самолюбіе!

Хошите ли знашь о немъ подробнѣе? Скрибусъ учился хорошо. Эшо видно было изъ похвальныхъ лисповъ, данныхъ ему въ училищѣ. Чисалъ очень довольно, емѣлъ хорошую память и часшо въ разговорахъ сбивалъ своихъ прошивниковъ цитатами. Писывалъ шакже списхи. — Первые мѣлкія произведенія чисались шолько по дружбѣ прияшелямъ, которые говорили ему, что въ немъ есть дарованіе и просили его продолжашъ писашъ. Эшо его весьма ободряло, и онъ задумалъ подарить публику шакимъ швореніемъ, ко-

порое могло бы навсегда сдѣлать ему имя. Долго онъ колебался, какой родъ выбрать; наконецъ остановился на драматическомъ, который ему нравился потому, что всѣ почти знакомы съ театромъ и слѣдовательно скорѣе могутъ его узнать. Въ его время также были люди съ просвѣщеннымъ умомъ и вкусомъ; онъ, правда, ихъ нѣсколько боялся; но съ другой стороны, видѣлъ, какъ многочисленная толпа побѣждала иногда сужденіе знапоковъ, и выносила, такъ сказать, на плечахъ своихъ въ храмъ славы того, кто успѣлъ ей понравиться.

Однажды, когда онъ въ кабинетѣ своемъ сидѣлъ за столомъ, укладеннымъ книгами и бумагами, и грызъ перо, приложивъ палецъ ко лбу, явился къ нему Децій, искренній его приятель. — “Ты за работою; могу ли узнать надъ чемъ такъ прилежно трудиться?—До времени молчаніе и скромность, оповѣчалъ Скрибусъ. Я пишу для театра Комическую Драму. Ты знаешь, какъ онъ бѣденъ теперь оригинальными пѣсами. Хочу оповѣдать силы на эшомъ поприщѣ и подарить публикѣ нѣсколько приятныхъ часовъ.— Эта мысль

давно меня занимала и теперь привожу ее въ исполненіе... Сюжетъ послѣ узнаешь; онъ новъ и занимателенъ. — “Ишакъ ты не на шутку пишешь? замѣшилъ Децій— но знаешь ли, что публика не удовольствуется новостію и оригинальностію; надобно чтобъ...,—Все знаю, все обдуманно, прервалъ Скрибусъ. Я пишу—это также для меня необходимо, какъ пишь и ѣшь.—“Не хочу мѣшать тебѣ; прощай, желаю совершеннаго успѣха.,,

Черезъ два мѣсяца пѣса была готова. Скрибусъ не могъ налюбоваться своимъ произведеніемъ, читалъ его и перечисывалъ, но не хотѣлъ показатъ даже и друзьямъ, желая удивитъ ихъ нечаяностію. По средству корешкаго знакомаго опдалъ онъ пѣсу на театръ, гдѣ по сильному ходатайству она была принята.

“Какимъ живѣйшимъ восторгомъ исполнилось мое сердце, рассказывалъ Скрибусъ опцу моему, когда я увидѣлъ въ первый разъ на театральнѣй афишкѣ мое имя! Я не вѣрилъ глазамъ, перечисывалъ объявленіе, и гордо осматривался кругомъ.—Начало сдѣлано. Я мечталъ объ успѣхахъ, поздравленіяхъ моихъ знакомыхъ

похвалахъ въ журналахъ, и голова кружилась ошъ упоенія. Съ неперпѣніемъ полешѣль въ шеапрѣ. Еще не зажгли лампъ, а я уже сидѣль въ креслахъ. Пульсъ спущаль у меня какъ молошокъ. Ужасный часъ, кошорый прождалъ я до предспавленія, показался мнѣ сполѣшпемъ; но мнѣ хошѣлось бы еще продолжитъ его. Какое-то неприяшное чувспво тѣснило мою грудь. Наконецъ освѣшили шеапрѣ, публика собралась, музыка заиграла, еще повпорили и подняли занавѣсъ. Холодный пошъ выступилъ на челѣ моемъ. Мнѣ все казалось, что актеры не шакъ выражали мысль какъ должно; иногда видѣль что чего-то недоспаешъ; иногда замѣчалъ что нибудь лишнее. На публику смопрѣль я приспально и не пропускаль ни одного движенія: то поражало взоръ мой пожашіе плечами, то касалось слуха шиканіе. Я сидѣль какъ на иголкахъ. Надобно бышъ авшоромъ, чтообъ чувспвовашъ все мученія, вышерифнныя мною въ шеапрѣ. Піеса кончилась, славолубіе снова вшѣснилось въ мою голову. Каждый говоръ казался мнѣ вызовомъ авшора; но я обманывался. Долго дожидался у разъѣзда и под-

слушиваль, что говорятъ. Никто однакожь не сказалъ ничего для меня лестнаго. Нѣкоторыя говорили, что спектакль долго продолжался; другіе судили объ игрѣ актеровъ; большая часть была занята своими экипажами и имъ было не до пьесы.—Что подумаешь объ ея успѣхѣ? Я и самъ не могъ рѣшить. Знакомые мои хвалили нѣкоторыя мѣста, замѣчали недоспапки въ другихъ.—Учтивость говорилъ я самъ себѣ, не судья сочиненію; подождемъ... Но прошелъ мѣсяць и молчаніе царствовало попрежнему; даже не заводили со мною разговора о моей пьесѣ. Я приходилъ въ опчаяніе.—Наконецъ попадаешься мнѣ въ руки журналъ... *Театръ, критика*: ищу страницу, отъ неперифнія раздираю неразрѣванный листъ и о родость! о ужасъ! вижу, что рѣчь идетъ обо мнѣ. Кришникъ вооружился противъ расположенія пьесы и правилъ драматическихъ: замѣчалъ, что нѣкоторыя характеры не выдержаны; развязка слаба и слогъ негладокъ и ненапуралень: впрочемъ похвалилъ иныя мѣста и окончилъ кришику желаніемъ, чтобы я загладилъ недоспапки этой пьесы другимъ луч-

шимъ произведеніемъ. Бѣшенство овладѣло моимъ сердцемъ, кровь кипѣла, ужасное мщеніе готовилось моему прошивнику—я схватилъ перо, сарказмы лились изъ него, и хошя мнѣ все казалось, что я былъ слишкомъ учтивъ; но журналистъ не напечаталъ моего возраженія, замѣтивъ, что я вышелъ изъ правилъ благоприспоспости. Самыя похвалы казались мнѣ ядовитою насмѣшкою — я потерялъ спокойствіе — удалился отъ людей и въ уединеніи писалъ мою мрачность и злобу.,,

“Но кпо эпостъ крипикъ, подписавшійся Греческою буквою? Дорого раздѣлся бы онъ со мною, если бы я узналъ его! Каждый день, я перечипывалъ крипику и каждый день выходилъ изъ себя. — Но какія спраданія не излѣчивающся временемъ? Я успокоился мало помалу. Сколько опличныхъ авшоровъ, думалъ я про себя, вступали неудачно на липшерашурное поприще!—Они не унывали, не пошеряли бодрости, вооружились перпѣніемъ и сдѣлались извѣспными. Попытаемся еще...,,

“Пока собирался я съ мыслями напи-

сать для театра другую пьесу, вошелъ ко мнѣ однажды вечеромъ Децій, съ которыми давно уже я не видался. Послѣ обыкновенныхъ предметовъ, разговоръ коснулся до моей Комической Драмы. Злоба моя загорѣлась съ новою силою. Я жаловался на недоспашокъ вкуса публики и проклиналъ неизвѣстнаго, который осмѣлился находить недоспашки въ моемъ произведеніи. — “Ты не на шутку сердишься, прервалъ онъ; не уже ли крипика, имѣющая прекрасную цѣль исправляешь, можешь себя шакъ разстроишь?,,—Благодарю за эшо усердіе! Выспавишь меня на позоръ публикѣ! О если бы я зналъ эшого крипика!—“Ты хочешь эшого, сказала Децій; я его знаю.,,—Ты знаешь? Ахъ дай насладишься единственною минушою въ жизни, мщеніемъ; скажи, кто онъ, прошу тебя. Извѣстенъ ли онъ публикѣ своими швореніями? Я найду въ нихъ сотни ошибокъ прошивъ вкуса, Логики и Грамматики. Неизвѣстенъ? Еще лучше: я докажу его невѣжештво и заспавлю навсегда опказаться опъ намѣренія издавать что нибудь въ печать. Сочиню каррикашуру; напишу злѣйшую сапиру, или эпиграмму

— о, я неумолимъ! — “Могу ли послѣ пакихъ угрозъ опкрышь имя крипика? Если хочешь знать его, по дай слово поспупись съ нимъ, какъ я скажу тебѣ: *первое*, приняшь крипику съ благодарностію., — Невозможно, невозможно! — “Ну, такъ ничего болѣе не скажу тебѣ., — О жестокій! продолжай. — “*Второе*, если вздумашь пишашь возраженіе, по со всевозможною умѣренностію, и *третье*, усилишь къ нему свою довѣренностъ., — Согласенъ: любобыпство превозмогаетъ гнѣвъ мой. Кшо же эшошь крипикъ? — “Онъ передъ тебою., — Какъ! Ты? Не вѣрю! Ты лучший другъ мой, кошорый всегда доказывалъ привязанностъ свою ко мнѣ; шы написалъ такія жестокія на мой счетъ замѣчанія! — “Я ... но помни данное слово и успокойся. Выслушай шерпѣливо и не мѣшай мнѣ говорить. Никшо болѣе меня не замѣчалъ жажды славы, кошорая тебя мучила; я зналъ, съ какою ревностію прудился шы, чшобъ обратишь на себя вниманіе публики, зналъ и могъ ли по дружбѣ къ тебѣ равнодушно перенести всеобщее объ тебѣ молчаніе? Я спрадалъ за тебя и рѣшился, во что бы по ни спало, доспа-

вишь тебѣ извѣстность — написалъ на твою піэсу замѣчанія, чшобъ дашь тебѣ случай возражать, блеснушь умомъ, остроумною, покажешь, что если ты не успѣлъ произвести на первый случай образцовой піэсы, то по крайней мѣрѣ имѣешь дарованія. Ты не воспользовался моею хитростію; но есть еще время: *миеux tard, que jamais*. Самъ согласишься, что прославляешь свое произведеніе, въ копоромъ каждый истинный липперапоръ найдешь множество ошибокъ прошивъ языка и нееспественность какъ въ расположеніи піэсы, такъ и въ разговорахъ — извини мою опкровенность — могъ ли говорю, рѣшипельно скажешь, что сочиненіе хорошо? — Меня пошчасъ обвинили бы въ приспрасіи и какъ разъ догадались бы, что кришика есть плодъ дружбы. Тогда, прощай довѣренность публики; но теперь ты имѣешь всѣ способы поправишь свою неудачу и себя выкажешь. Кто не ошибался? И въ солнцѣ есть пашна, и Гомеръ дремалъ! Сколько пакихъ сочиненій, копорыя какъ будто съ привязаннымъ камнемъ, погружались на дно сонной Лешы; но благодѣпельная

дружба, съ помощію крипки, развязывали иногда эпошь камень и они всплывали на поверхность — конечно не надолго — но ихъ опяшь выносила анпикрипка; и такъ далѣ. Повѣрь, любезный другъ, что слава не покупается дешево. Какое сочиненіе не выдержало гоненій!.,

Скрибусъ бросился въ объятія Деція. — Я не умѣлъ цѣнить себя какъ должно, сказала онъ: ты истинный другъ мой! Руководствуй меня впредь: полагаюсь на тебя совершенно. —

Скоро явилось въ журналѣ возраженіе, копорое сочинили они вдвоемъ. Много было въ немъ оспраго и замысловапаго. Говорили, что оно написано умно и благородно; Скрибусъ подписалъ свое имя. Вскорѣ принялся онъ писать другую піэсу: въ при мѣсяца она поспѣла; но по инпригамъ и зависшя, какъ говорилъ Скрибусъ, не приняли ее на театръ. Онъ читалъ ее въ кругу друзей, копорые за спаканомъ добраго вина превозносили похвалами авпора. Нѣкопорые опривки были даже напечатаны. Скрибусъ ошказался писать для театра и рѣшился заняшья въ другомъ родѣ. Онъ былъ неу-

помнимъ: каждая двѣ недѣли проявлялось на лишперашурномъ горизонтѣ что нибудь изъ его твореній. Онъ писалъ похвальные слова, разсужденія о разныхъ нравственныхъ предметахъ, повѣсти и множество другихъ вещей. Децій, постоянный въ дружбѣ, входилъ съ нимъ часто въ печальные споры подъ разными буквами, названіями и городами. Скрибусъ опдѣлялся масперски и выходилъ съ торжественномъ съ поля бисвы. Всѣ узнали Скрибуса, и когда заходила объ немъ рѣчь, то многіе, даже не изъ лишперашуровъ, говорили, что онъ человекъ бойкій.

Попомъ присоединился онъ къ одному журналисту и принялъ большое участіе въ изданіи весьма извѣстнаго журнала. Это былъ громовый ударъ для сочинителей и книгопродавцевъ. Рѣзкость, рѣшительность, игривость въ мысляхъ, съ копорыми нападалъ онъ на вновь издаваемые книги, опнимали у всякаго охоту покупать ихъ. Многіе сочинители и издатели забѣгали напередъ къ нему, и ласками, просьбами и подарками, иногда довольно значительными, покупали его одобреніе. Въ короткое время слава объ

немъ гремѣла въ кандиперскихъ лавкахъ, клубахъ и частныхъ литературныхъ собраніяхъ. Многіе признавали въ немъ отличнаго литературатора; но находились такіе, которые говорили, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и что одна дерзость водить перомъ его. Скрибусъ зналъ это, и съ соболѣзнованіемъ дѣлалъ замѣчаніе, какъ трудно человеку прожить на свѣтѣ безъ враговъ. Было даже на него нѣсколько пасквилей; нѣкоторые изъ нихъ поскромнѣе писалъ Децій. Скрибусъ, улыбаясь, самъ читалъ ихъ своимъ знакомымъ.

Между темъ, какъ онъ занимался изданіемъ журнала и разными сочиненіями, сосѣдь опіиалъ у него нѣсколько десятинъ земли и завелъ дѣло. Надобно было защищать правосудіе свою и вѣдаться судомъ. Скрибусъ пошелъ въ деревню, которая составляла единственное богатство его, подалъ просьбу и хлопоталъ нѣсколько лѣтъ сряду. Процессъ кончился въ его пользу, но онъ опіиалъ уже опъ прежнихъ занятій. Ему однакожь хотѣлось собрать всѣ свои творенія и издать ихъ вмѣстѣ. Съ жаромъ приступилъ онъ къ этому дѣлу; но послѣдняя тяжба и

худое управленіе имѣніемъ опіяли у него способности привести желаніе свое въ исполненіе. — Попомъ онъ захвораль и умеръ, не достигнувъ еще старости. Друзья его разобрали его творенія, которыя не были еще изданы въ печать. Опцу моему доспались его Элегіи. Какъ пеняю я на себя, что не умѣлъ сохранить ихъ! Маленькія мои сестры вздумали разъ подѣлать изъ нихъ лошадокъ и пѣшущковъ. Доспалось за это шалуныямъ!—но погибшаго не вороптишь.

Меня, можешь бышь, спросяшь: гдѣ и въ какое именно время жилъ эпопъ Скрибусъ? Вошь что нужнымъ почишаю на это отвѣчаешь: перебирая бумаги недавно умершаго моего дяди, я нашель между ними рукопись о Скрибусѣ, писанную рукою дяди. — Въ концѣ было сказано, что это переводъ, но съ котораго языка неизвѣстно. Дядя же зналъ очень порядочно языки: Англинскій, Нѣмецкій и Французскій—почему я и не могу рѣшить вопроса.

СВАДЬБА ПО СЛУЧАЮ.

Повѣств.

Лордъ Мельшонъ, ночью въ карешѣ, проѣзжалъ густой лѣсъ въ Графствѣ Галль. Дождь лилъ ливнемъ; лошади вязли на всякомъ шагу по грязной дорогѣ; поспильоны перебранивались, а старый Лордъ, копораго порядочно переваливало съ боку на бокъ, сохраняя свойственное Англичанамъ хладнокровіе, удивлялся неперпѣнію поспильоновъ. Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ. Три замаскированныхъ человека выбѣгають изъ лѣса, бросающа на лошадей и прицѣливающа въ поспильоновъ; кареша оспанавливаея. Одинъ изъ разбойниковъ подходитъ къ дверцамъ, отворяетъ ихъ и пребуетъ кошелька, или жизни. Лордъ Мельшонъ не испугался. У него гошовъ былъ кошелекъ для разбойниковъ, и лишь только хопѣлъ онъ удовлетворитъ пребываніе злодѣя, приславившаго пистолець къ его груди, какъ раздался другой выстрѣлъ, и сегодня, угрожавшій Мельшону, лишился жизни. Звукъ оружія возвѣстидъ жесто-

кое сраженіе между разбойниками и великодушными защитниками. Но вскорѣ все утихло, постильоны снова хлопнули бичами, и карета пронулась съ мѣста. Черезъ полтора часа выѣхала она изъ лѣса и остановилась у пракшира *Великаго Вашингтона* при въѣздѣ въ одинъ городъ.

Нападеніе разбойниковъ нимало не встревожило Лорда Мельмона. Онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Принуждены были разбудить его. Вошь онъ входитъ въ пракширъ, и шамъ все объясняется. Жизнью своею обязанъ онъ молодому, храброму незнакомцу, который сопровождалъ его до воротъ пракшира и топчасъ бы уѣхалъ ошпуда, если бы пракширщикъ, узнавъ ошъ постильоновъ о случившемся происшествіи, не удержалъ его и не предложилъ ему ночлега. Лордъ Мельмонъ, услышавъ объ этомъ, захопѣлъ непремѣнно видѣшь своего избавителя. Незнакомецъ называется Дугласъ; молодость его и приятныя черты лица предупреждаютъ въ его пользу. Верхомъ проѣзжалъ онъ лѣсъ въ ту самую минуту, какъ раздася выстрѣлъ. Догадываясь о причинѣ, Дугласъ

пришпорилъ своего коня, и, по слабому мерцанію звѣздъ, по приемамъ нападающихъ, узналъ разбойниковъ. Удачный выстрѣлъ изъ пистолета повергъ одного изъ нихъ на землю. Тогда великодушный Дугласъ, съ саблею въ рукѣ, бросился на его поварищей, и вскорѣ разогналъ ихъ.

Мельшонъ не можетъ надивиться храброспи и благородному пожертвованію молодого человѣка.—“Кого вы?“, спросилъ онъ его.—Я сынъ бѣднаго Нортумберландскаго дворянина; ѣду къ одному богатому владѣльцу въ Графснѣвъ Галль, другу моего опца, для полученія лощи него рекомендабельныхъ писемъ, съ кошорыми намѣренъ попомъ опиравиться въ Лондонъ, для опредѣленія тамъ въ коммерческую контору.—“Г. Дугласъ! вы не поѣдете въ вашему другу.—Но, Милордъ...—“Вы пакже не поѣдете въ Лондонъ и не будете испышивать счастья своего въ коммерческой конторѣ.—Обьяснитесь прошу васъ. — “Эшо очень просто. Вы бѣдны, я богатъ, холоспъ, спаръ и не имѣю наслѣдниковъ. Вы спасли миѣ жизнь, подвергая себя опасности, и я не хочу бытъ у васъ въ долгу. Половина все-

то моего имѣнія принадлежишь вамъ.,—
 Извините, Милордъ: я не могу принять
 вашего дара.—“А почему? смѣю спросить.
 —Если поступокъ мой имѣетъ какое ли-
 бо достоинство, то оно потеряетъ цѣ-
 ну свою въ глазахъ вашихъ, когда я согла-
 шусь на ваше предложеніе.—“Глупое воз-
 раженіе! Вы оказали мнѣ услугу муже-
 ствомъ своимъ и великодушіемъ; а я хо-
 чу услужить вамъ своимъ богатствомъ.
 Это будетъ взаимная мѣна услугъ; но и
 въ этой мѣнѣ я все еще останусь ва-
 шимъ должникомъ.,—Позвольте, Милордъ
 ...“Ничего не позволяю и ничего не хочу
 слышать. Вы примите мое предложеніе,
 или я поссорюсь съ вами.—“Я посоветуюсь
 съ бабюшкою.,—Согласенъ, но только
 съ условіемъ. Напишите къ нему, что
 такъ какъ онъ рѣшился надолго съ вами
 разлучиться, то для него все равно: въ
 Лондонѣ ли вы будете, или въ моемъ зам-
 кѣ. Нѣсколько времени проживете вы у
 меня, что бы узнать, сходны ли наши
 характеры. Вы меня понимаете? — “По-
 нимаю, Милордъ., — И согласны на мои
 предложенія?—“Надобно согласиться.,

На слѣдующій день, довольно рано

приѣхали они въ замокъ Мельпона. Благодарный шарикъ принялъ Дугласа со всѣми знаками живѣйшей признапельности, осыпалъ его ласками и называлъ своимъ сыномъ. Дугласъ, живо чувствуя всѣ милости Лорда, спыдился, что заслуга его, въ сравненіи съ ними, была почти ничтожна. Удовольствія окружали его въ семь жилищѣ; но одинъ случай заставилъ его еще болѣе дорожить имъ. Пери, управитель Лорда Мельпона, имѣлъ у себя дочь, молодую, прелестную дѣвушку, кошорая лишь только что окончила свое воспитаніе. Нанси было не болѣе 17 лѣтъ. Къ несравненному характеру присоединяла она всѣ прелести своего пола. Дугласъ увидѣлъ ее и влюбился. Эта минуша рѣшила его судьбу. До полученія опвѣста отъ своего отца и прежде, нежели могъ бы онъ узнать шу участь, кошорую готовилъ ему благодѣтель его, Дугласъ захошѣлъ удостовѣриться, можешъ ли онъ, самъ собою, снискашь любовь Нанси. Нѣсколько разъ былъ онъ наединѣ съ обожаемымъ своимъ предметомъ; но одни только страшные взоры, тяжкіе вздохи и нѣжныя выраженія чувствъ,

которыя никогда не скрываются отъ пронцапельности женщинъ, показывали ей, что происходило въ его сердцѣ. Однажды осмѣлился онъ сдѣлать и болѣе. Когда мы влюблены въ первый разъ *), то ищемъ уединенія, и намъ любимъ думать и мечтать о малѣйшихъ и ничтожныхъ общошпельствахъ, питающихъ наше воображеніе и обольщающихъ насъ приятнѣйшими надеждами. Дугласъ вспалъ на разсвѣтѣ. Болѣе часа расхаживалъ онъ въ саду, предаваясь сладкимъ размышленіямъ. Вдругъ, на поворотѣ аллеи, видилъ любезную свою Нанси. Въ минушу подбѣгаетъ къ ней, бросается на колѣна, беретъ ее за руку и орошаетъ ее слезами. Нанси хотѣла удалиться. — “Ахъ! вскричалъ Дугласъ: не убѣгайте отъ меня, не произнеся моего приговора. Я люблю васъ, милая Нанси; вы это знаете, ибо прочли въ моемъ сердцѣ. Скажите, заклинаю васъ всею, что для васъ священо; скажите не противенъ ли я вамъ и согласны ли вы отдать мнѣ ва-

---

*) Не только въ первый, но и въ пятый. *Прим. Изд. Благ.*

шу руку?—Нанси покраснѣла, опустила глаза и ничего не отвѣчала.—“Неужели, продолжалъ онъ, я недостойнъ васъ?,—Я не сказала этого, сударь.—“Если я получу согласіе вашего батюшки и Лорда Мельшона на нашъ союзъ, одобрите ли вы его, прелестная Нанси?,— Повиновеніе не будетъ для меня тягостно, отвѣчала она. Сказавъ это, вырвалась изъ рукъ его и поспѣшно удалилась. Дугласъ, упоенный любовію и счастьемъ, осмался какъ вкопанный на томъ мѣстѣ, гдѣ получилъ столь вѣжное признаніе, обѣщавшее ему блаженство въ будущемъ. И долго бы пробылъ онъ въ такомъ положеніи, если бы голосъ Мельшона не вывелъ его изъ эшаго очарованія. Спарый Лордъ звалъ Дугласа; эшотъ ошкликнулся и пошчасъ подошелъ къ нему.— Я хочу сообщить вамъ, сказалъ ему Мельшонъ, весьма странную мысль, кошорую намѣренъ привести въ исполненіе. Я рѣшился жениться. Какъ вы объ эшомъ думаете?—“Милордъ! если женщина необходима для вашего благополучія, то я не могу не одобрить вашего намѣренія., — Безподобно! Я получаю 20 тысячъ фунш.

ст. ежегоднаго дохода и ничего не долженъ. Этого слишкомъ уже много, чшо бы бышь счастливымъ. Опдаю вамъ прекрасную землю Карльшонъ въ прехъ миляхъ опсюда. Она соспавляетъ ровно половину моего имѣнїя. — “Позвольте, Милордъ... — Я пакъ хочу, и ничего не позволяю. Мы будемъ сосѣди, и вѣрно будемъ друзья. Для меня съ женою слишкомъ еще много шого, чшо у меня оспанешся. Я нынчѣ только сдѣлалъ выборъ, а завпра будетъ свадьба. — “Милордъ! вы очень рѣшительны., — Если я опсрочу хошя на одинъ день, шо могу раздумашъ.—“Но ваша будущая супруга?.,—Ручаюсь за ея счастье. Правда, я не буду любить ее, какъ любяшь въ двадцашъ лѣтъ; за шо упопроблю все свое спараніе, чшо бы доспавить ей жизнь сколько возможно приятную.—“Послѣ этого нечего ей желашъ болѣе.,— Я самъ пакже думаю...Спраннымъ образомъ пришла мнѣ мысль женишься! Вижу во снѣ, будшо я сдѣлался мужемъ и будшо ничего не доспаетъ къ моему благополучію. Проснувшись, я захошѣлъ, чшо бы сонъ мой былъ не одна пуспая мечта, и какъ случай

въ эпомъ дѣлѣ могъ бытъ для меня гораздо выгоднѣе, нежели выборъ, на которомъ обыкновенно основываютъ будущее свое счастье, но и рѣшился положить на него. — “Какъ, Милордъ! на одинъ случай!”, — Точно такъ; женюсь на первой дѣвушкѣ, которая попадется мнѣ на глаза. Какъ вы объ эпомъ думаете? — “Признаюсь, Милордъ, я ничего не могу сказать рѣшительнаго. Вамъ, можетъ быть, удался, а можетъ быть...”, — Для меня все равно. Рѣшившись одинъ разъ, я не перемѣню своего намѣренія — “Сердечно желаю вамъ всякаго благополучія. Иногда простая, необразованная крестьянка, но одаренная опъ природы благородными качествами, беретъ преимущество передъ блестящими невѣстами...”, — Я самъ того же мнѣнія. Ни порода, ни богатство не могутъ сослужить благополучія. И такъ вы со мною согласны? — “Согласенъ, Милордъ...”, — Точно? — “Если вамъ угодно, то я готовъ даже быть участникомъ въ вашихъ поискахъ...”, — Что вы хотите сказать? — “Мы вмѣстѣ обойдемъ, Милордъ, всѣ сосѣдственныя деревни, что бы найти ту счастливую дѣвушку,

которая должна принять вашу фамилию., — О, это бесполезно! — Объяснишь. Милордъ., — Я нашелъ уже ее, и мой выборъ сдѣланъ. — “Ахъ, Боже мой! если по несчастію...”, — Не безпокойтесь. Я думаю что случай былъ ко мнѣ благосклоненъ. — “Трепещу!”, — Что такое? — “Ничего, Милордъ; я слушаю васъ... — Ипакъ знайте, что первая дѣвушка, которую встрѣшилъ я сегодня — дочь моего управителя, прекрасная Нанси. — “Нанси? Боже мой!”, — Вы удивляетесь, радуетесь моему счастью? До сихъ поръ я вовсе не замѣчалъ ее; но когда узналъ, что она будетъ моею женою, то нашелъ ее прелестною. Не правдали, Дугласъ, что она очень мила? — “Ахъ, Милордъ! я не могу выразить...”, — Къ чему эти восклицанія? Спрашиваю васъ только, какъ вы ее находите? — “Прекрасною...однакожь...”, — Что такое? — Мнѣ ничего болѣе не оспается сказать вамъ, пошому что выборъ вашъ сдѣланъ., — Почему знаете, что случится; обстоятельствова могутъ остановить меня... Не одинъ разъ случалось мнѣ видѣть, какъ вы разговаривали съ Нанси. Ипакъ скажите, не открыли ли вы въ ея ха-

ракшеръ, въ ея поведеніи какихъ либо скрытыхъ пороковъ?—“О напрошивъ!,, Но чортъ же васъ пойметъ, что вы говорите? — “Если вы непременно желаете знать мое мнѣніе, то я ошкровенно долженъ сказать вамъ, Милордъ, что Нанси не можетъ составить вашего счастья., — А почему?—“Это ея тайна, и честь моя не позволяеть мнѣ измѣнить ей., — Все это пустяки, другъ мой! Я шребоваль у Пери руки его дочери, и онъ въ восхищеніи. Съ радостію отдаеть онъ ее за меня, увѣряя припомъ, что сердце ея свободно...и я женюсь на ней. Присли; завтра будетъ свадьба.—

Сказавъ это, Мельшонъ обернулся къ нему спиною и ушель.

Дугласъ, пораженный столь жестокимъ и неожиданнымъ ударомъ, горько жаловался на свою судьбу. Одна только мысль о добромъ концѣ могла удержатъ его отъ порывовъ совершеннаго отчаянія. Онъ рѣшился сохранить жизнь свою и посвятивъ ее тому, кому обязанъ ею. Онъ чувствовалъ, что надобно немедленно удалиться, бѣжать навѣки изъ шѣхъ мѣстъ,

гдѣ споль сладостно мечпаль нѣсколькo минушь о своемъ счастьи.

Между шемъ, какъ Дугласъ предаеися гореснѣйшимъ размышленіямъ и гоппиися къ скорому опѣвду, послѣдуемъ за Лордомъ Мельпономъ и за пригошвеніями къ будущей его свадьбѣ.

Слова, съ жаромъ произнесенныя Дугласомъ: *Нанси не можетъ составить вашего благополучія. Это ея тайна и теть моя не позволяетъ мнѣ измѣнить ея*— опзывались въ ухахъ Мельпона. При всемъ своемъ хладѣкровіи щещно спарался онъ опдалишь неприятныя мысли, вершѣвшіяся въ головѣ его: онѣ безпреспанно приходили ему на умъ. Спокойствіе Нанси, а можешъ бышь и самаго Дугласа, зависѣло опъ этой шайны. Но какъ намѣренія Мельпона были чесны, по и рѣшился онъ проникнушь ее. Позвали Пери въ кабинетъ Лорда.—“Ты думаешъ, сказаль онъ ему, что званіе мое и богатство очень лесны для швоей дочери и что она почпешъ себѣ за счастье бышь моей женою?,, — За величайшее счастье, Милордъ! Я уже сказаль Нанси о великодушномъ вашемъ намѣреніи, и молчаніе

ея служить вѣрнымъ доказательствомъ
 той радости, которую произвела въ ней
 эта приятная новость.—“Ты ошибаешься,
 какъ это обыкновенно бываетъ со все-
 ми родителями. Я же думаю совсемъ про-
 шивное, что дочь моя не желаетъ быть за-
 мною замужемъ.,—Возможно ли? — “Уви-
 дишь! Войди въ эту альковъ; опшуда ты
 все услышишь; только прошу не вмешива-
 ваться въ нашъ разговоръ.,—Какъ Милордъ!
 —“Войди, говорю тебѣ. Что бы ни случи-
 лось, но будь увѣренъ, что я принимаю
 живѣйшее участіе, какъ въ ея, такъ и въ
 своемъ благополучіи.,—Повинуюсь.—

Бѣдную Нанси попреобовали къ Мель-
 пону; она явилась, но вся дрожала и бы-
 ла блѣдна. “Успокойсь, сказала ей
 Лордъ. Вы вѣрно догадываетесь о причи-
 нѣ моего съ вами свиданія?., — Да, Ми-
 лордъ. — “Башюшка вашъ уже говорилъ
 вамъ о моемъ намѣреніи. Что вы о немъ
 думаете?.,—Вы благодѣтель, другъ моего
 башюшки.—“Дѣло идетъ не о томъ! Со-
 гласны ли вы выдти за меня?—Башюшка
 приказываетъ мнѣ это. — “Не ужели вы
 думаете, что одного только приказанія
 вашего родителя довольно для меня, что

бы на васъ женишься?., — Я обязана ему повиноваться. — “Но если вы не охотно исполняете его волю?., — По крайней мѣрѣ хотя опчаспи возблагодарю васъ за все сдѣланное намъ добро. — “О, объ эпомъ я и слышать не хочу. Мнѣ хочется, что бы вы были моею женою по собственн-ной своей волѣ, по выбору вашего сердца...Вы молчите, Нанси...Это не хорошо, очень дурно!..Вы уже начинаете плакать. Ахъ! Нанси, не уже ли вы думаете, что я имѣю жестокое сердце, что я тиранъ, злой человекъ?., — Я не смѣю объ эпомъ думать, Милордъ! — Инакъ, если вы считаете меня добрымъ, справедливымъ, чувствительнымъ, но говорите, откройте мнѣ ваше сердце, и я постараюсь оправдать вашу ко мнѣ довѣренность.. вы краснѣете, пощупляете глаза! Нанси, милая Нанси, развѣ можете вы утрекать себя въ чемъ нибудь?., — Да, Милордъ; я огорчу башюшку.—“Понимаю. Вы не можете быть моею женою, потому что любите другого...вы молчите, моя догадка справедлива. И эпомъ другой...Нанси! скажите мнѣ его имя. Вы виноваты и очень виноваты, что скрыли опъ своего

родителя соспояніе вашего сердца. Хорошо воспитанная дѣвушка никогда не должна имѣть такихъ шайнь, кошорыхъ бы не могла она ввѣрить своему опцу. Наспоящее ваше положеніе наказываетъ васъ за эту скрыпность.,,—Милордъ! я сама лишь только узнала соспояніе своего сердца, и уже готова была во всемъ признахся бапюшкѣ, какъ вдругъ сдѣлалъ онъ мнѣ опъ васъ предложеніе.—И пакъ вы теперь скажете мнѣ имя по-то счаспливаго смершнаго... Боже мой! вы смоприте въ окно и шрепещете; колѣна ваши подгибаются!...Эй, люди — сюда! ей сдѣлалось дурно!... Мельшонъ бросился поддерживать Нанси, которая упала въ обморокъ; Пери выбѣгаетъ изъ алькова и лешитъ къ дочери, люди входящъ и подающъ ей помощь.—“А это что еще значитъ? вскричалъ Мельшонъ, увидя Дугласа на дворѣ. Онъ верьхомъ и хочетъ ѣхать. Эй! бѣгите всѣ и не велиште опворять воротъ; приведите ко мнѣ Дугласа, живаго, или мершваго.

Насильно впащили Дугласа въ шу комнату, въ копорой былъ Милордъ и Пери съ дочерью. Нанси пришла въ чув-

ство. Мельтонъ приказалъ людямъ выдти вонъ, и обратясь къ Дугласу, суровымъ голосомъ сказалъ ему: “молодой человекъ! я недоволенъ вами., — Но, Милордъ, вы не можете пропавъ воли моей удерживать меня въ своемъ замкѣ.—“Я полагалъ, что другія чувства удерживали васъ здѣсь., — Я хотѣлъ скрыться отъ вашей благодарности. — “Это непроспительно: другая причина можетъ извинить васъ предомною. За всею темъ, вы все таки виноваты. Вы не хотите почистить меня своимъ другомъ?., — Ахъ, Милордъ! — “Вы думаете, что я недостойнъ вашей довѣренности; вы пренебрегаете то, что вамъ угодно называть моимъ благодѣніемъ., — Если бы вы знали, Милордъ! — “Теперь я все знаю.,

Въ эту самую минуту отворяется дверь, и человекъ вручаетъ письмо Мельтону. Дугласъ говоритъ робкимъ голосомъ: “это письмо отъ меня, Милордъ; теперь можете судить обо мнѣ., Старый Лордъ ломаетъ печать и пробѣгаетъ глазами посланіе. Наморщенное чело его по разглаживается, по опять нахмуривается, и наконецъ чистаетъ онъ въ слухъ:

“Милордъ! защитивъ отъ разбойниковъ незнакомца, я исполнилъ долгъ свой, и это очень просто; изъ благодарности захотѣли вы раздѣлишь со мною ваше имѣніе: хопя это слишкомъ много, но я могъ, не краснѣя, согласишься на ваше предложеніе. Я увидѣлъ прелестную дочь вашего управителя и почувствовала, что одна только она можетъ заспавить меня дорожипъ моею жизнью. Нанси знаетъ мои чувства. Кажется, что онѣ ей не противны. Вдругъ узнаю я о вашемъ намѣреніи. Мнѣ оставалось два средства: открытъ вамъ любовь мою, и темъ разрушить ваше счастье, или заспавить васъ бытъ неблагодарнымъ передъ человекомъ, которій извлекъ васъ изъ опасности. Последнее средство казалось мнѣ лучшимъ. Ишакъ я бѣгу отъ васъ, Милордъ, и буду далеко, когда вручать вамъ это письмо. Если не могъ я принять вашихъ благодарній, то по крайней мѣрѣ увѣренъ, что уношу съ собою уваженіе ваше ко мнѣ и дружбу. *Дугласъ.*”

“Прекрасный поступокъ! вскричалъ Мельшонъ. Правду сказать, люди прескранныя существа! Вы полагаете, Г.

Дугласъ, что я не въ состоянїи сдѣлать пожертвованїя за ваше одолженїе? Ну какъ не благодарить за столь высокое мнѣнїе обо мнѣ!.,—Простите меня, Милордъ!—“Охотно прощаю; но только съ непремѣннымъ условїемъ.,—Съ какимъ? — “Воцеровыхъ, вы будете владѣть замкомъ Кармьшонъ, со всѣми его принадлежностями. Вашъ и права ваши на него; утвержденныя законнымъ порядкомъ., — Какъ, Милордъ!—“Теперь поговоримъ о другомъ обстоятельстве. Я хотѣлъ жениться на прелестной Нанси. Г. Перидумаль, что она будешь за Перомъ Англинскимъ, имѣющимъ 20 тысячъ фун. сп. годового дохода., — Правда, сказалъ Пери.—“Ипакъ, продолжалъ Мельшонъ, не имѣя никакихъ наслѣдниковъ, я дарю, разумѣется послѣ моей смерти, оспальное мое имѣнїе мужу Нанси, со званїемъ и всѣми преимуществами Пера Великобританскаго. И эпошъ усыновляемый мною наслѣдникъ всего моего имѣнїя, моихъ шипловъ, будущей супругъ прекрасной и добродѣтельной Нанси—другъ мой Дугласъ!.,

Пусть предсавяшь себѣ неожиданную радость нѣжныхъ любовниковъ и у-

дивленіе Пери! Дугласъ хочешъ однакожь сдѣлать нѣкошорыя возраженія.—“Оспановишесь! сказалъ ему Мельшонъ. Кажется, я хорошо объяснился. Но что бы избѣжашь всякаго недоразумѣнія, то все эшо сдѣлаю я формальнымъ акшомъ. Милая Нанси! согласишесь ли вы выдти за Дугласа, если получите дозволеніе опъ своего башюшки?...Вы краснѣете, пощупляете взоры: опвѣщъ ушвердипельный! Пери! опдашь ли шы единственную свою дочь за шого чловѣка, кошораго предлагаю тебѣ и кошораго дѣлаю наслѣдникомъ всего моего имѣнія?,,—Весьма охотно, Милордъ!—“А вы, Г. Дугласъ, вы, кошорый любите молодую и прелесипную Нанси; вы, кошорый послѣ сдѣланнаго ей признавія въ своей любви, писали и ко мнѣ объ эшомъ—хощите ли на ней женишесь?,,—Ахъ, эшопъ союзъ соспавишъ мое счастіе! — “Знайше же я не иначе соглашаюсь на эшопъ бракъ, какъ со всѣми цѣми условіями, кошорыя уже объявлены вамъ. Желаете ли бышъ другомъ моимъ и наслѣдникомъ?,,—Великодушный Милордъ! чемъ могу я заплашить? — “Заплашишъ! Заплашишъ? Убирайся къ чоршу

со своею заплахою. Эшошь прокляпый человекъ все еще недоволенъ! Я думаю, что шеперь мы всѣ согласны. Друзья мои! дѣшпи! приближьшесь къ моему сердцу!..—Съ какимъ восхищеніемъ Дугласъ и Нанси бросились въ объятія своего благодѣшеля! Добрый Пери схватилъ его руку и съ жаромъ цѣловалъ ее. — “Довольно, довольно, сказала Мельшонъ съ сердцемъ: вы скоро задушите меня. Они копяптъ замучишь меня своею благодарноспію! Подумаемъ лучше о приготошвленіяхъ къ свадьбѣ. Несмотря на то, что мнѣ бо лѣшь и на большое мое брюхо, я буду танцовашь. Пойдемъ-ше, друзья мои! не надобно шеряшь времени, когда дѣло идетъ о благополучи. Я буду счастливь вами, съ вами; мы никогда не разлучимся и сосшавимъ одно сѣмейштво.

Съ Франц. 1. 5.

ОБРАЩЕНИЕ ОЖЕСТОЧЕННОГО УЗНИКА.

(Изъ соч. Гжи Жанлисъ : Les prisonniers.)

Тимоѳей *) узналъ ошъ одного изъ чело­вѣколюбивыхъ миссіонеровъ; что въ темницѣ содержишя какой-то узникъ, осужденный на казнь за смерпоубійство, и что завшра приговоръ надъ нимъ при­ведешя въ исполненіе. “Эпошъ несчаст­ный, присовокупилъ миссіонеръ, споль близкій къ переходу въ вѣчность, съ ве­личайшимъ упрямствомъ опвергаешъ всѣ упѣшенія, всѣ пособія Религіи и не хо­чешъ видѣть священника. Сходите къ нему, продолжалъ онъ: можешъ бышь свѣп­скій молодой чело­вѣкъ не сполько произ­ведешъ въ немъ опвращенія и ужаса.,, Тимоѳей немедленно опправился. По обык­новенію, показалъ онъ шюремному надзи­рателю билетъ для свободнаго входа въ темницу; ему опворили дверь въ комна-

---

*) Молодой чело­вѣкъ изъ благошвори­тельнаго Общешва, учредившагося въ поль­зу заключенныхъ. См. соч. Аббата Даво. (Davaux).

пу заключеннаго и оставили ихъ однихъ. Узникъ, не поднимая головы и не обращая на него вниманія, спросилъ надмѣнно: “чего опъ меня пребуюшь? Я не хочу видѣшь священника., — Изумленный Тимовей тихо подходитъ къ нему и говоритъ въ полголоса: я не священникъ. Заключенный поднимаетъ глаза свои и смотришь на него съ удивленіемъ. “Ипакъ чпо вамъ угодно?,, сказала онъ, смягчивъ голосъ.

Тимовей. Хочу плакать съ шѣми, которые удручены горесшію.

Узникъ. Если эпо для ихъ ушѣшенія, шо прошу оставишь меня.

Тимовей. Откройше мнѣ ваше сердце: мое не нечувствительнo, и мы вмѣспѣ будемъ лишь слезы.

Узникъ. (послѣ минутнаго молканія) Я недостоинъ жалоспи; не хочу и не могу возбуждать ничего, кромѣ ужаса и омерзѣнія..но вы, спало бышь, не знаеше моей испоріи?

Тимовей. Нѣшь; знаю шолько , чпо приговоръ вашъ произнесенъ.

Узникъ. Ипакъ слушайте. Мнѣ 38 лѣшь: я сынъ благороднаго Брешонца;

нѣтъ во мнѣ ни жестокости, ни злодѣйства; но спрасни мои необузданы, а воспитаніе никогда не укрощало ихъ. Едва только оставилъ я колыбель, какъ лишился матери, и былъ единственнымъ сыномъ, еще въ дѣтствѣ избалованъ слѣпою любовію ко мнѣ отца, который не только что извинялъ поступки мои, доспойные порицанія, но находилъ еще въ нихъ умъ, оспропу и даже часто замѣчалъ предзнаменованіе опличныхъ достоинствъ. Но не въ этомъ состоятъ истинная родительская любовь: нѣжностъ, подобная его нѣжности ко мнѣ, есть заблужденіе, происходящее отъ гордости. Такое пагубное низхожденіе, испортивъ мой харзктеръ, довело меня до насшоящаго моего положенія и заставило совершить ужаснѣйшее злодѣяніе. Отца моего уже нѣтъ на свѣтѣ; но если бы онъ былъ еще живъ, то заслуживалъ бы вмѣстѣ со мною идти на эшафотъ: съ самаго дѣтства моего вель онъ меня по дорогѣ преступленія! ... О какъ проклиная я память его!

Ти иovej. Ахъ, не предавайтесъ споль жестокому изспупленію!

Узникъ. Женашы ли вы?

Тимовой. Уже нѣсколько лѣтъ..

Узникъ. Имѣете ли дѣшей?

Тимовой. Имѣю, благодаря Бога.

Узникъ. Берегитесь же, что бы не испоршишь ихъ.

Тимовой. О, у меня естъ пушеводитель, кошорый не допустишь ихъ заблудишься.

Узникъ. Какъ вы очаспливы!

Тимовой. Онъ сказалъ мнѣ: *наказывай сына твоего, и успокоитъ тебя, и украситъ душу твою* *),

Узникъ. Какія превосходныя слова и какъ бы желалъ я узнать имя этого удивительнаго пушеводителя! Можешъ бышь, я и вспрѣчался съ нимъ въ свѣшѣ.

Тимовой. Вы убѣгали его, и онъ удался опъ васъ.

Узникъ. Какъ?

Тимовой. Эшотъ пушеводитель самъ Богъ. Вѣра управляла мною во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни моей и совѣшы,

---

*) *Наказуй сына твоего, и успокоитъ тя и дастъ лѣпоту души твоей. Пришчи. гл. 29.*

вами отъ меня слышанные, почерпнушы изъ Св. Писанія.

Узникъ. Чувствованій беззаконныхъ никогда не думали въ меня поселяшь; но пренебрегли просвѣщеніемъ моимъ, и теперь вижу я очень ясно, что холодность къ вѣрѣ почти по же, что и нечесіе. *Узникъ погрузился въ мрачную задумчивость и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ*: дослушайте гнусную мою исторію; только прошу не прерывать меня.

Когда вступилъ я въ свѣтъ, по необузданный мой характеръ и непомерная гордость вовлекли меня во многія непріянности. Въ продолженіи полутора года былъ я два раза на дуели: на первой убилъ моего соперника, а на второй раздробилъ руку моему непріятелю. Отецъ мой щеславился удалствомъ сына; а я — я сдѣлался жестокимъ.

Наконецъ вздумали женить меня. Я былъ спраспно влюбленъ въ одну молодую, благородную дѣвушку, хорошо воспитанную, съ талантами, единственную наследницу богатаго опца. Я женился на ней и почиталъ себя на верху блаженства. Но не долго оно продолжалось. Хо-

пѣ и не имѣлъ я никакой причины упрекать жену мою, но вскорѣ испыталъ всѣ мученія неукротимой ревности. Я желалъ спастись, а находилъ только широкую дружбу, всегдашнюю кротость и покорность. Ревность моя простиралась даже и на всѣ чувствованія законныя Маріанны (имя жены моеѣ). У нея не было отца; она обожала мать свою, и я сдѣлался споль ревнивъ, что раскорился навсегда съ этою женщиною, которая по справедливости пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Потомъ я потребовалъ отъ Маріанны, что бы она прекратила съ нею свиданія. Послѣ многихъ слезъ и нѣжныхъ представлений, она, по приказанію даже самой матери, покорилась моеѣ ширанской волѣ. Маріанна не скрыла отъ меня послѣдняго обстоятельство; но оно, вмѣсто того что бы смягчить меня, еще болѣе взбѣсило. Мнѣ казалось, что Маріанна, удивляясь благоразумію матери своеѣ, въ то же время осуждаетъ меня, и что, если бы не получила отъ нея приказанія, то пренебрегла бы повинностіемъ, которымъ мнѣ обязана.

Между темъ всѣ осуждали явно мои

послупки и непонятное обхожденіе какъ съ щецею, такъ и со всею ея сѣмействомъ; Маріанну же почитали жерпвою. Такіе обо мнѣ опзывы сдѣлали меня самовластнѣйшимъ и упрямѣйшимъ изъ всѣхъ пирановъ. Наконецъ, опцу моему вздумалось, еще въ первый разъ въ жизни, дѣлать мнѣ выговоры. Раздраженный до безумія и потерявъ должное къ нему почтеніе, я ошвѣчалъ ему съ сердцемъ, упрекая его въ дурномъ моемъ воспитаніи. — “Если бы, говорилъ я, не выхваляли вы безпреспанно *твердости моего характера*, по не имѣли бы причины жаловаться на меня., Но уже поздно было дѣлать мнѣ наставленія. Я пронзилъ сердце его, и онъ, въ опчаяніи, оставилъ меня. Печаль произвела въ немъ продолжительную болѣзнь, которой и сдѣлался онъ наконецъ жерпвою. Я былъ его идоломъ, а онъ нашелъ во мнѣ неблагодарнаго! Но это почти всегда такъ бываетъ: слѣпая любовь не заслуживаетъ признательности; опвергая здравый разсудокъ, дѣлается она доспойною посмѣянія и внушаетъ презрѣніе къ ослѣпленному ею.

Пребываніе мое въ Парижѣ сдѣлалось

мнѣ несносно, и я немедленно уѣхалъ въ одну изъ деревень своихъ во Франшконте. Но непонятная ревность и шамъ преслѣдовала меня. Маріанна была шакъ печальна, шакъ несчастна, что я полагалъ навѣрное, будшо она груститъ о какой нибудь любовной интригѣ, оставленной ею въ Парижѣ, и запрешилъ ей всякое сношеніе со споллицею, всякую переписку, даже и съ машерью. Выслушавъ меня безъ прошиворѣчія, сложивъ руки и опустивъ голову, сказала она, что будешъ повиновашься мнѣ, и—зарыдала... Безъ особенной досады никогда не могъ я смопрѣшь на ея слезы, попому что онѣ были единственнѣмъ ея способомъ жаловашься и обвиняшь меня въ несправедливости. Но въ эту минушу ещѣ болѣе ушвердился я въ подозрѣніи, что она имѣетъ шайную, непозволишельную переписку. Я осыпалъ ее оскорбительными упреками, и уходя сказалъ, что не ожидая ошъ нея ничего болѣе, кромѣ ненависти и ошвращенія, посшараюсь довести ихъ до величайшей спепени.

Я приказалъ людямъ своимъ приносишь ко мнѣ всѣ письма, адресованныя

на ея имя. Въ продолженіе шести недѣль получилъ я ихъ нѣсколько, но онѣ не содержали въ себѣ ничего особеннаго. Пяшь мѣсяцевъ прожилъ я въ деревнѣ, подобно дикому. Здоровье Маріанны спановилось день ото дня хуже, и я рѣшился въ концѣ года приблизиться къ Парижу, что бы посовѣтовашься съ ея докторомъ. Оспановясь въ Сень - Жерменѣ, узналъ я, что отецъ мой не очень здоровъ. Я отправился къ нему въ Парижъ; онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о Маріаннѣ, и получивъ неудовлетворительные отвѣты, вздохнулъ и замолчалъ, а я поспѣшилъ удалиться.

Въ новый годъ позволилъ я Маріаннѣ съѣздить къ ея матери, сказавъ ей, что одинъ только разъ въ году будетъ она видѣться съ нею, что я никого не приму въ Сень-Жерменѣ, кромѣ ея доктора, и что навсегда запрещено ей писать, или получать письма, отъ кого бы то ни было, безъ исключенія. Но изъ состраданія къ ея положенію общалъ ей смягчить строгость свою, если буду совершенно доволенъ ея послушаніемъ. Маріанна спросила меня съ ангельскою кро-

поспѣю, пронувшею мое сердце: “что же мнѣ еще дѣлать?,”—Вмѣсто того, что бы опвѣчать ей опкровенно: *ты должна страстно любить меня*, я не сказалъ ей ни слова и вышелъ опъ нея съ негодованіемъ.

Спустя чешыре дни послѣ эшаго разговора, поѣхаль я въ Парижъ и сказалъ Маріаннѣ, что необходимыя дѣла удержашъ меня тамъ дни три. Но на другой день упромъ, вовсе неожиданно, приѣхаль я домой, во время завтрака, и прежде, нежели вошелъ къ женѣ своей, спаль, по обыкновенію, разспрашивашъ приспавленнаго мною за ней шпіона. Судите же о моемъ бѣшенствѣ, когда услышалъ я опъ него, что какой-то человекъ приѣзжалъ къ ней изъ Парижа съ письмомъ, проведенъ былъ горничною въ кабинетъ, пробылъ тамъ минушь пять, а попомъ уѣхаль, вышелъ чрезъ маленькую дверь парка, по ту сторону, гдѣ оставилъ свою лошадь. Не помня самаго себя, вбѣгаю я въ комнату Маріанны: она сидѣла подлѣ камина, читала письмо и плакала. Увидя меня, вскрикнула и въ то же мгновеніе бросила письмо въ огонь. Я хотѣлъ было

вырвать его опшуда; но напрасно: роковое письмо уже сгорѣло. “Вѣроломная! вскричалъ я: къ чему такая шайна? Опъ кого это письмо?,, — Не опъ мапушки, опвѣчала она рыдая.—“Опъ кого же?,, — Не могу сказапъ. — “Такъ вѣрно опъ любовника?,, Она не опвѣчала, и это показалось мнѣ явнымъ признаніемъ... Не владея болѣе собою, въ испусленіи бросился я къ сполу, на кошоромъ былъ еще осташокъ завппрака и схвапиль ножъ. Испуганная Маріанна вскочила со спула и хопѣла бѣжашъ; но я удержалъ ее одною рукою, а другою ... вонзилъ ножъ въ ея сердце! Она упала къ ногамъ моимъ и испустила духъ... Въ безпамятствѣ бѣгу изъ дома въ конюшню, самъ сѣдлаю лошадь, сажусь на нее, скачу во всю прыпъ, приѣзжаю въ Парижъ, добровольно опдаю себя въ руки правосудія, опкрываю свое преступленіе и иду въ шемницу, въ кошорой вы пеперь меня видите... Когда заключили меня въ это печальное жилище, по въ шу же минушу написалъ я къ опцу моему и объяснилъ ему подробно все, что случилось со мною. Черезъ часъ получаю опъ него вошь эту записку, кошорая поразила меня какъ громомъ.

“Несчастный! жена своя невинна!... Посланный былъ отъ меня, равно и письмо, котораго не хотѣла она показати тебѣ, потому что я именно запретилъ ей это. Я писалъ къ ней, что бы она разошлась съ тобою; а что бы укрыть ее отъ своего тиранскаго своенравія и запальчивости, просилъ я для нее мѣсто у одной Принцессы Королевскаго дома и былъ увѣренъ, что получу его. Но если бы вздумалъ ты воспрепятствовать ей, въ такомъ случаѣ я самъ снать бы просилъ за нее о законномъ съ тобою разводѣ.,,

“Умертвивъ свою жену свою, ты умерщвляешь и меня: я не переживу ее. Изнемогая сколько времени отъ нанесенныхъ мнѣ тобою огорченій, чувствую, что не перенесу этого послѣдняго удара. Убийца добродѣтельнѣйшей и любезнѣйшей женщины! только одинъ эшафотъ можешь омытъ свое злодѣяніе, а я долженъ быть наказанъ за то, что воспиталъ и слѣпо любилъ такого, какъ ты, изверга.,,

Когда прочелъ я эту ужасную записку, вся кровь застыла въ моихъ жи-

лахъ. Жена моя была невинна!.. Опець мой, пораженныйъ споль жестокимъ и неожиданнымъ ударомъ, скончался въ шу же ночь, а чрезъ нѣсколько дней и мнѣ объявили смертный приговоръ. Въ настоющемъ моемъ положеніи съ неперпѣніемъ ожидаю казни какъ единспвеннаго средспва къ избавленію опъ мученій совѣспи...Маріанна была невинна!..

Узникъ замолчалъ, закрылъ лице свое обѣими руками и осшался въ шакомъ положеніи неподвижнымъ.

Тиловей. Опъ васъ однихъ зависипъ, что бы эпошь ужасный день былъ днемъ вашего избавленія.

Узникъ. Понимаю васъ и повшоряю, что я далекъ опъ нечестія; но спраспи споль сильно овладѣли мною, что я не имѣлъ времени заняпъся Религіею.

Тиловей. Предметомъ споль важнымъ и споль необходимымъ?

Узникъ. Когда опдалъ я самъ себя въ руки правосудія и добровольно, шакъ сказашъ, слѣдую на эшафотъ: по не уже ли не имѣю никакого права на Божеское милосердіе?

Тиловей. Права? Мы никогда не имѣ-

емь его, даже и не сдѣлавъ преступленія.

Узникъ. Крошкое ваше со мною обращеніе, добрыя ваши намѣренія и ваша молодосць приобрѣли вполнѣ мою довѣренность, копорую не отвергаетъ и ваша одежда; но я никакъ не могу рѣшиться видѣть священника: неприспупная строгосць его и бесполезныя увѣщанія ожесочашъ еще болѣе мое сердце.

Тиловей. Какихъ увѣщаній можете вы спрашиваться? Жизнь ваша почпи уже кончилась; а священникъ принесешъ вамъ ушѣшеніе.

Узникъ. Я бы лучше желалъ слышать ихъ изъ вашихъ устъ.

Тиловей. Я могу предложить вамъ одни шолько совѣшы; священникъ же подасъ вамъ испинныя пособія и обнадежитъ въ прощеніи за ваши заблужденія.

Узникъ. Я уже согласился омытъ ихъ моею кровію...но я не говорилъ еще вамъ о моихъ спраданіяхъ...Ахъ! кшо въ соспоянніи описашъ шо дѣйствіе, копорое произвело надо мною гибельное письмо ошца моего!... Съ шѣхъ поръ одна шолько мысль занимаешъ меня, и я повшоряю

съ ужасомъ: она была невинна!..Къ этой мучительной мысли присоединяется еще другая: мысль о смерти моего родителя. Злодѣяніе мое, безъ сомнѣнія, ускорило его кончину. Мученія мои неизъяснимы. Когда бываю одинъ, мнѣ представляющіяся спрашныя и ивидѣнія: кажется, вижу умирающую мою супругу, гляжу на прелестное лице ея, на которомъ изображается прогашельное выраженіе ужаса и спраданій, смошрю — и послѣднія ея вопли раздаются въ ушахъ моихъ!... *Маріанна была невинна!*..но если бы она была и виновна, то умершвивъ ее, принеся въ жершву существо слабое и безъ всякой защиты, не былъ ли бы я споль же гнусень? А Маріанна была невинна!... Совершивъ это преступленіе, опрехся я опъ священнаго права супруга и покровишеля и попралъ добродѣтель!...Я ускоришь кончину несчастнаго моего родителя, который, умирая, долженъ былъ проклинашь меня!..Я опщеубійца и гнуснѣйшій изъ злодѣевъ!..Ничего не ожидаю опъ неба...*Маріанна была невинна!*...

Тимовой. Развѣ вы не христіанинь?

Узникъ. Христiянинъ, и никогда не опрeкyсъ опъ моей религiи.

Тиловей. Такъ исполните же священные обязанности, налагаемыя и предписываемыя эшою божественною религiею. Вѣчность опверзша передъ вами: чего опасаетесь вы покориться волѣ Всевышняго?.. Напрошивъ, помыслище о гибельныхъ слѣдствiяхъ вашего сопротивленiя. Прежде, нежели оставите землю, постарайтесь вкусить неизреченную радость высокой надежды. Въ настоящемъ положенiи вашемъ, когда готовитесь вы къ позорной казни, религiя, одна только религiя, вселивъ въ васъ истинное мужество. Помыслище наконецъ, что завтра, въ эшою самый часъ, а можешь быть, и прежде, придуть за вами!... Если вы будете упорствовать въ своемъ ожесточенiи, то сколь злополученъ будетъ для васъ остатокъ эшой ночи! Какъ ужасенъ будетъ переходъ изъ эшой темницы на эшафотъ! Вы сдѣлаетесь добычею неизвѣстности и попомъ испытаете всѣ мученiя разкаянiя и угрызения совѣсти безъ малѣйшаго ушѣшенiя и безъ всякой надежды!

Узникъ. (сѣ запальчивостію.) Вы, вы нарушили мое спокойствіе; я былъ унижень, но спокоень до эшаго разговора.... Оспавыпе меня; выдыше, выдыше, говорю я вамъ...

Тиловей. Нѣпъ, я не оспавлю васъ, не оспавлю въ шакоемъ положеніи: всю ночь проведу съ вами.

Узникъ. (вскогивѣ и схватя стулѣ.) Вы уже знаете меня; ишакъ не раздражайше. Однимъ пресшупленіемъ болѣе — для меня ничего не значипъ.

Тиловей. Вы внушили въ меня споль нѣжное учаспіе, что я не спрашусь васъ.

Узникъ. Я долженъ внушипъ въ васъ одинъ полько ужасъ.

Тиловей. Нѣпъ, сердце у васъ доброе и чувспвшительное.

Узникъ. Одно упрямство удерживаетъ васъ здѣсь.

Тиловей. Узнайте силу и безпредѣльность любви хриспіянской. Что бы спасши васъ, я гошовъ подвергнушъя всѣмъ бѣдспвіямъ; я говорю не о бременомъ шѣлѣ, которое разрушипся, но о душѣ безсмертной, которая предшпанешъ предъ Судію Всевышняго..Любезный брашъ!

выслушай меня!...(обливаясь слезами, бросается къ ногамъ его.)

Узникъ. (тронутый.) Чего хошите вы?

Тимоей. Доставить вамъ вѣчное блаженство.

Узникъ. Что же надобно дѣлать?

Тимоей. Принявъ священника, пользующагося моею довѣренностію, который придетъ за тебѣю только, что бы благословить и утѣшить васъ.

Узникъ. Но вы не оставите меня?

Тимоей. До послѣдней минушы не разлучусь съ вами.

Узникъ. Хорошо, пошлите за нимъ,

Тимоей. (обнимая его съ восторгомъ.) Другъ мой, какое счастье доставляете вы мнѣ!

Здѣсь кончился разговоръ. Тимоей встаетъ, наскоро пишетъ карандашемъ записку. бѣжитъ съ нею къ надзирающему и проситъ его, что бы онъ немедленно отослалъ ее по адресу къ его духовнику. Записка отправлена. Тимоей возвращается къ разкаившемуся узнику и находитъ его погруженнымъ въ глубочайшее размышленіе; садится подлѣ него, не

говоря ни слова; чрезъ четверть часа вынимаешь изъ кармана молишвенникъ и тихо предлагаешь ему что нибудь прочесть. Въсшо ошвѣта узникъ бросаешся на колѣна; Тимоѣй дѣлаешь поже, соединяешь руки свои и плачешь; наконецъ прерывающимся ошъ сладостнаго умиленія голосомъ, громко начинаешь читашъ шрогашельныя молишвы. Чрезъ часъ всшакшъ они и садяшся. Узникъ извѣяляешъ безпокойшво, что долго не видишь священника. Тимоѣй увѣряешъ его, что онъ непременно придетъ, хощя бы это было и на счетъ его спокойствія. “Духовныя особы, присовокупилъ Тимоѣй, всегда готовы жершвовашъ для религiи и здоровьемъ и жизнию. ,

Узникъ. Но какъ злословяшъ ихъ!

Тимоѣй. Преперпѣвая для самаго Бога шакую несправедливостъ, они чрезъ то счасшливы. Да и какое бы другое спраданiе могли они вмѣнишь себѣ въ досшоинство? Совершенная тишина спрашшей непорочная совѣсть и теплая вѣра дѣлаюшъ земныя ихъ дни столь же ясными, сколько и примѣрными. Какое превосходное назначенiе ихъ здѣсь! Они

поучають поржештвенно для того, что бы распространить учение спасительное и истины самыя необходимыя для счастья рода человеческого; жёршвуюють покойспіемъ своимъ для подкрѣпленія больныхъ и умирающихъ, для принесенія утѣшенія спраждущимъ въ величайшихъ бѣдспвіяхъ. или въ сиротспи; сиротъ и дѣтей обучають; юношество просвѣщають, руководспвуюють имъ, утврждають въ добродѣтели, или возвращають къ ней; покаяніе принимають для того, что бы поселишь покойспвіе, швердоспъ и мужество въ душахъ изнуренныхъ и опчаянныхъ: только они могутъ изцѣлишь ихъ и очистишь. Всѣ дѣйспвія ихъ полезны, всѣ шруды благодѣтельны.

Узникъ. А нечеспіе и клевета никогда еще не нападали на нихъ съ такою злобою и оспервененіемъ, какъ въ наше время, когда грабили ихъ, изгоняли и предавали смерпи...

Тиловей. Такое заблужденіе весьма непоняшно, особенно же послѣ геройскихъ подвиговъ ихъ во время ужасовъ во Франціи и во время переселенія, гдѣ

приобрѣли они справедливое удивленіе даже отъ всѣхъ иностранцевъ.

Этотъ разговоръ прерванъ былъ, къ величайшему удовольствію обоихъ, приходомъ Аббаша ***. Онъ подошелъ къ нимъ съ такимъ привлекательнымъ видомъ, что сердце узника невольно устремилось къ нему. Слышавъ почтеннаго сшарца, котораго рѣчь исполнена была ума, кротости и благочестія, узникъ проливалъ искреннія слезы, попомъ исповѣдовался, и получивъ разрѣшеніе въ грѣхахъ своихъ, бросился въ объятія Тимоѳея.

Осташокъ ночи проведенъ былъ въ молитвахъ; узникъ сдѣлался другимъ человекомъ. Какая-то свѣплось разлилась по его лицу. Сердце его, до того времени разшерзанное, раздираемое спрасшями, открылось ко всѣмъ высокимъ и шрогательнымъ чувствованіямъ. Безпрестанно благодарилъ онъ Священника и Тимоѳея, котораго называлъ спасителемъ своимъ, ангеломъ—хранителемъ, и тогда только переспавалъ изъяслявъ имъ свою признательность, когда спановился на колѣна, что бы молиться Богу. Наконецъ, услышавъ звонъ колокольчика, вѣспника своей

казни, повергнулся онъ на землю и произнесъ слѣдующую моливу. “Благодарю Тебя, Боже милосердый, что удостоилъ “разрѣшишь меня и простишь всѣ мои “преступленія! Благодарю Тебя, что избавилъ меня отъ гнусной жизни, что “безконечная благоспѣ Твоя отвергла мнѣ “двери вѣчности, дабы приняшь къ себѣ “прежде, нежели бы могъ я новыми оскорбленіями еще раздражить Тебя! Эшафотъ есть для меня прибежище, пристанище отъ бурь, куда спѣшу я съ радостію. „ Когда договаривалъ онъ эти слова, пришли за нимъ. Узникъ съ нѣжностію обнялъ Тимоѳея, слезы ихъ смѣшались; но онъ вырвался изъ объятій его и бросился къ Аббату, который отправился съ нимъ на мѣсто казни. Разсшаваясь съ Тимоѳеемъ, узникъ вскричалъ: “другъ мой, молись за меня!“, и пошелъ на эшафотъ съ такою же почти твердосцію, какъ святые идутъ на мученія.

Св Франц. Б. Х.

Анекдоты.

1.

Въ то время, когда Адмираль Кеппель командоваль эскадрою въ Средиземномъ морѣ, Англинскіе купцы, торговавшіе съ Левантомъ, безпрестанно приносили жалобы своему правительству на разбойничество Алжирцевъ; но всѣ представленія объ этомъ оставались безъ всякаго почти вниманія до шѣхъ самыхъ поръ, пока не были взяты ими въ плѣнъ два корабля съ богатымъ грузомъ и ошведены въ Алжирь. Тогда Англинское министерство, видя явное нарушеніе пракшапа, вышло изъ шерпѣнія и предписало Адмиралу Кеппелю иди въ Алжирь и шребовать удовлетворенія отъ Дея; въ случаѣ же отказа позволяло употребить и силу.

Англинская эскадра, войдя въ заливъ, спала на якорь противъ дворца Дея. Адмираль, въ сопровожденіи одного только своего Капишана, съѣхаль на берегъ, отправился во дворець и просилъ аудіенціи. Тотчасъ получилъ онъ ее, и сказавъ о причинѣ посѣщенія, именемъ своего Государя шребоваль удовлетворенія въ припѣсненіяхъ и обидахъ, сдѣланныхъ подданнымъ Его Британскаго Величества. Дей, изумленный и

раздраженный смѣлымъ претребованіемъ Адмирала, вскричалъ, что онъ удивляется неучивости Англинскаго Короля, копорый прислалъ къ нему шакого глупаго, безбородаго мальчишку.—Адмиралъ ошвѣчалъ: “если бы Государь мой думалъ, что умъ измѣряется бородою, то безъ сомнѣнія прислалъ бы къ вамъ — спараго козла.,,

Окруженный съ малолѣтства льстецами и слѣдственно непривыкшій къ шакому языку, Дей вышелъ изъ себя и позабывъ законы всѣхъ націй относительно посланниковъ, велѣлъ нѣмымъ своимъ евнухамъ приготовить луки со стрѣлами, а Адмиралу сказалъ, что онъ за свою дерзость заплашитъ жизнью. Кеппель, не устращаясь угрозъ Дея, подвелъ его къ окну, изъ котораго видѣнь былъ заливъ Алжирскій, и указавъ ему Англинскую эскадру, стоявшую на якорѣ, ошвѣчалъ, что если повелишь Алжира лишитъ его жизни, то служащіе на эскадрѣ Англичане воздвигнутъ своему начальнику славный погребальный костеръ. Дей понялъ насшоящій смыслъ этихъ словъ и вскорѣ пошомъ сдѣлалъ Адмиралу совершенное удовлетвореніе.

2.

Лангорнъ, весьма хорошій богословъ и поэтъ, но очень дурный лицомъ, былъ од-

нажды въ обществѣ съ прелестною молодою дамою. Красота нѣжнаго пола равно привлекательна какъ для молодого пылкаго офицера, такъ и для важнаго пожилаго ученаго. Смотря пристально на красавицу, Лангорнъ привелъ ее въ смущеніе: на лицѣ ея вспыхнулъ румянецъ. Богословъ, замѣняя это и почувствовавъ свою неоспорочность, сказалъ въ извиненіе: “проспите меня, сударыня, что я съ такимъ вниманіемъ разсматривалъ милыя черты вашего лица. Увѣрю васъ, что взоры мои не были взорами страстнаго обожателя; я размышлялъ только, какое опустошеніе сдѣлаешь нѣкогда *смерть* на этомъ прелестномъ лицѣ., — Молодая дама пришла еще въ большее прошивъ прежняго замѣшательство, однако же имѣла столько присутствія духа, что отвѣчала: очень жалѣю, сударь, что лице мое дало вамъ поводъ къ такимъ мрачнымъ мыслямъ, и поздравляю васъ со счастьемъ, что даже *самой смерти* не возможно будешь измѣнить вашего лица.—

3.

По выѣздѣ изъ Англіи славнаго Испанскаго пѣвца скопца Фаринелли, какъ нарочно сдѣлалась съ Испанскимъ Королемъ Филиппомъ такая болѣзнь, ошъ кошорой,

по мнѣнію врачей, не было другаго лѣкарства, кромѣ музыки. Фаринелли немедленно отправился въ Мадридъ, гдѣ былъ шакъ счастливъ при дворѣ, что въ короткое время получилъ пенсію, состоявшій изъ 5200 фунт. ст. и сверхъ того имѣлъ еще придворный экипажъ. Фердинандъ, вслушавъ на престолѣ по смерти Филиппа, не лишилъ Фаринелли королевскаго благоволенія, и стараясь превзойти своего предшественника въ щедрости, украсилъ пѣвца орденомъ *Калатравы*, однимъ изъ древнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ орденовъ Испанскихъ. Когда совершали церемоніаль возложенія ордена и надѣвали на Фаринелли, по обычаю рыцарства, шпоры; но одинъ старый Испанскій вельможа, смотря съ негодованіемъ на униженіе ордена, сказалъ: “всякая нація имѣетъ свои обыкновенія. Въ Англіи, напримѣръ, вооружають шпорами пѣшуховъ, а въ Испаніи начали надѣвать ихъ на каплуновъ.”,

4.

Генераль Паоли, проходя вечеромъ черезъ одну площадь въ Лондонѣ, остановленъ былъ странствующею нимфою веселія, и какъ она была очень не дурна собою и при томъ весьма не глупа, то онъ и позволилъ ей проводить себя до садовъ съ

фоншанами, гдѣ хотѣлъ распатъся съ нею. Красавица не хотѣла однако же оппустить опъ себя Генерала; но видя наконецъ, что все краснорѣчіе ея щещно, сказала ему, что если непременно уже хочешь онъ опспавить ее, то по крайней мѣрѣ подарилъ бы ей что нибудь при прощаньи, пошому, присовокупила она, что вѣдь мы очень близки между собою. Старый воинъ, приспально посмошрѣвъ на нее, спросилъ: а какимъ бы по образомъ?—“Вошъ какимъ, сударь. Вы опспавили родину и потерели наслѣдство, защищая свободу. И я пакже, любя ее спрасшно, доведена до такой же крайности. Мы оба дѣши свободы, и пошому должны имѣшь состраданіе одинъ къ другому.,,—Оспроша бѣдной жрицы Венериной сполько понравилась спарому сыну Марса, что онъ даль ей гинею.

5.

Лордъ Сандвичъ сказалъ однажды опспроумному Фушу: “вѣрно умрешь шы опъ какой нибудь дурной болѣзни, или будешь повѣшенъ.,,—Очень бышь можешь, опвѣчалъ Фушъ, если буду имѣшь вашихъ любовницъ, или ваши правила.—

Сб Ангелинскаго N. N.

6.

Одинъ молодой человекъ приѣхалъ на игру въ великолѣпномъ экипажѣ. — *Что за лошади! Что за карета!* вскричали многіе и начали хвалишь экипажъ. — “Да, очень хорошь, сказалъ одинъ изъ госпей: все на подборъ!,,

’.

Два приятели были приглашены на упренникъ къ игроку Жлудову. Одинъ изъ нихъ, любуясь убранствомъ комнашь, сказалъ хозяину: какія у васъ прекрасныя картины!—Да, опвѣчалъ хозяинъ, эшо моя слабость!—“Нѣпъ, брашь, возразилъ другой: эшо тужія слабости.

Д. О.

~~~~~

Подражаніе Коллете.

(Le coeur gros de soupirs, etc.)

Спѣснидись въ сердцѣ воздыханья,
Глаза попухнули въ слезахъ!
Мнѣ смерти слышатся шенанья...
Но сердцу чуждъ могилы страхъ!
Она всего меня лишила:
Сокрылся прахъ супруга въ ней,
Душа — его боготворила;

Я пѣла счастье прежнихъ дней,
 И для него въ рукѣ моей
 Перомъ фантазія водила,
 Любовь мнѣ рано опцвѣла,
 Погасло рано вдохновенье,
 И сердце съ лирой упѣшенья
 Могила хладная взяла!

16 Августа 1825.

Я... О...

~~~~~

Къ моей А...

Я вечеръ съ душой унылой,
 Въ сердцѣ съ грустью и шоской,
 О тебѣ мечталъ, другъ милой!
 Безъ тебѣ — но былъ съ шобой.
 Такъ мечталъ — и годъ разлуки
 Тихо, тихо проходилъ;
 Всякой день несносны муки
 Онъ съ собою приводилъ.
 Сердце грусть всегда шѣснила,
 Лиры звукъ не веселилъ;
 Но лишь ты въ мысль приходила,
 Образъ твой меня живилъ.
 Я пилалъ мой духъ шобой
 И шобой въ разлукѣ жилъ,
 Какъ небесною росрю
 Сердце бѣдное кропилъ.
 Но надежды лучъ ошрадный

Мвѣ блеснулъ какъ огонекъ:
 Часъ свиданья, споль желанный,
 Кажешся чшо недалекъ.
 Я съ Алиною моею
 Скоро буду вмѣспѣ жить.
 Ахъ! увидѣвшись съ нею,
 Съ кемъ могу себя сравнить?

16 Августа С. п. б.

А.

~~~~~

Отъ Издателя.

Издашель *Благоналюбреннаго*, будучи съ нѣкошораго времени чрезвычайно заняшъ, рѣшилъ вмѣсто одного нумера еженедѣльно издавашъ попрежнему въ двѣ недѣли одну книжку, или вдругъ два нумера, шемъ болѣе чшо многіе читатели его журнала недовольны были, чшо продолжительныя спашьи, особливо повѣспи, раздѣлялись по необходимости на нѣсколько нумеровъ, или книжекъ, а Издашель получилъ шеперь болѣе десяти довольно большихъ и хорошихъ повѣспей, кошорыя всѣ помѣщены будущъ въ *Благоналюбренномъ*. Оспальныя чешыре нумера за прошедшій 1824 годъ уже печатающся и выдушъ въ непродолжительномъ времени.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XXXI и XXXII.

ПРЕКРАСНАЯ ДІАНА.

(Истинное происшествіе. Изъ сот. Клаурена.)

Въ одной милѣ отъ столицы *** находился маленькій городокъ, который, въ продолженіи лѣта, привлекаетъ къ себѣ множество посѣпителей по своему живописному мѣстоположенію. Однажды вошла тамъ въ кофейный домъ молодая, со вкусомъ одѣтая женщина, и спрашивала хозяйина. Ея прелестная наружность, ловкость, и большіе, огня исполненные глаза, сдѣлали на всѣхъ гостей приятное впечатлѣніе.

Хозяинъ явился. Молодая незнакомка заказала обѣдъ на 13 приборовъ, заплатила впередъ одинъ фридрихсдоръ, и объявивъ хозяйину свою фамилію, спросила его, открытъ ли Княжескій садъ, и можно ли тамъ насладиться прекраснымъ упремъ? Получивъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, вѣжливо поклонилась присут-

спивующимъ , лакею велѣла слѣдовать за собою съ каретою, а сама пошла пѣшкомъ по шемной липовой аллеѣ, ведущей къ Княжескому саду.

Между госпями находился Вердаль, молодой купецъ изъ Гопенбурга. Милая веселость и прекрасная наружность незнакомки поразили молодого человѣка. Самолюбіе увѣряло его, будто она смотрѣла на него съ большимъ вниманіемъ, поклонилась ему съ особенною привѣтливостію, и разговаривая съ хозяиномъ, бросила на него значительныя взгляды.

Опъ содержателя кофейнаго дома Вердаль узналъ, что это была госпожа Бландини, первая танцовщица Придворнаго Театра. Вчера ещё восхищался онъ превосходнымъ талантомъ милой Испаніанки, и душевно обрадуясь сей неожиданной встрѣчѣ, поспѣшно удалился за нею въ садъ.

Вердаль нашель ее въ тѣнисной аллеѣ. Собравшись съ духомъ, приблизился онъ къ прелестной актрисѣ, и началъ просить извиненія въ томъ, что осмѣлился послѣдовать за нею въ садъ, ибо никакъ не могъ ошказаться опъ удоволь-

спвія съ нею познакомисься, примолвивъ , что вчера имѣлъ онъ счастье, видѣшь ее въ балетѣ: *Зефиръ и Флора*; что всѣ похвалы, ей воздаваемыя, не могутъ выразить того восхищенія, которое онъ всегда будешь чувствовать при воспоминаніи вчерашняго незабвеннаго вечера.

Краснорѣчивое привѣтствіе молодого незнакомца, казалось, сначала смутило Италіянку; но собравшись съ мыслями, она съ искреннимъ просердечіемъ поблагодарила за учтивость, ей оказанную.

Начатый разговоръ съ живостію продолжался. Прогуливаясь по сумрачнымъ аллеямъ, они все болѣе углублялись въ бесѣду, которая ежеминутно становилась искреннѣе и занимательнѣе. Таинственность цвѣтущихъ окрестностей; крошкіе вѣтерки, лобызавшіе нѣжныя ланиты милой дѣвушки, и благоуханіе розъ и яминовъ; живой огонь въ большихъ глазахъ красавицы и сверкающая роса на травахъ и деревьяхъ; плѣнительные звуки ея голоса и веселыя предки крылатыхъ пѣвцовъ въ тѣнистой рощѣ; смѣхъ ея, стройный, очаровательный, и

колыханіе гибкихъ вѣшвей, колеблемыхъ
 тихимъ дуновеніемъ вѣтра — все воспла-
 меняло пылокое сердце юноши: упоенный
 восторгомъ, онъ лѣвою рукою обхватилъ
 прелестный станъ идущей подлѣ него
 красавицы, и прижалъ къ устамъ своимъ
 ея пѣжную ручку; но Бландина, подъ пред-
 логомъ, что хочешь сорвешь цвѣпокъ,
 освободилась изъ его объятий, и стро-
 гимъ взглядомъ дала ему замѣтить, что
 онъ переслушаетъ за предѣлы благопри-
 стойности. Отклонясь отъ его излиш-
 ней чувствительности, и весьма искус-
 но обративъ разговоръ на званый обѣдъ,
 она изъ числа приглашенныхъ ею гостей
 назвала Директора Театра, Концерт-
 мастера, Директора балета, Режиссе-
 ра, Капельмейстера и лучшихъ актеровъ.
 Молодой человекъ, узнавъ въ сихъ особахъ
 извѣстныхъ, достойныхъ уваженія людей,
 замѣтилъ красавицѣ, что такое обще-
 ство не можетъ не доставить величай-
 шаго удовольствія. Сей лестный отзывъ
 имѣлъ желаемое дѣйствіе. Бландина обра-
 щалась съ просьбою къ Вердалю, что бы
 и онъ удостоилъ общество своимъ посѣ-
 щеніемъ.

“Мнѣ самой кажется довольно забавнымъ,, — присовокупила она съ улыбкою — “что молодая дѣвушка приглашаетъ въ дружеское собраніе молодаго человѣка, съ кошорымъ познакомилась не болѣе получаса назадъ. Впрочемъ удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ знакомствомъ, извиняетъ мою опрометчивость, если вы будете споль спроги, и такъ назовете мое гостепріимство, отъ искренняго сердца вамъ предлагасмое.,,

Съ сими словами она вышла изъ сада и когда счаспливецъ подалъ ей руку, что бы посадить ее въ карешу, она вшорично спала просить его, что бы онъ непременно сдержалъ обѣщаніе. “Я, васъ не знаю, сказала она, шупя: мнѣ даже неизвѣсна ваша фамилія. Можеть бытъ напрасно расскажу о вашемъ миломъ знакомствѣ всему собранію и всѣмъ прелеснымъ дѣвушкамъ, мною приглашеннымъ: онѣ, полюбозышисвующи узнають васъ, а вы неравно меня обманете, и не приѣдете. Безъ васъ, примолвила она, коварно улыбаясь: насъ будетъ шринадцать человѣкъ. Вы знаете, это не доброе число для дружеской бесѣды, и пошому про-

шу не опказашься опъ моего приглашенія; а что бы я и подруги мои обезпечены были доспапчнымъ поручительспвомъ, шо пожалуйше—безъ опговорки — пожалуйше мнѣ какой нибудь залогъ.,,

Восхищенный Вердаль съ радостію опдалъ бы ей сердце свое: такъ обворожили его прелести молодой красавицы. Онъ сдернулъ съ пальца перстень, на который Вландии случайно бросила улыбающійся взглядъ, и обѣщаль посѣщеніемъ своимъ выкупишь закладъ.

Акшриса поѣхала. Молодой человекъ, погруженный въ сладоспныя мечпанія, долго смошрѣлъ ей въ слѣдъ. Видя, что кареша поворачиваетъ за уголь Княжескаго дворца, и прелестная Вландии прощаетъ съ нимъ, еще издали, Вердаль, упоенный воспоргомъ, опвѣчаль ей тысячью заочными поцѣлуями.

Съ нешерпѣніемъ ожидалъ онъ дня, назначеннаго для звананаго обѣда. Наконецъ онъ насшупиль. Вердаль, щегольски одѣшый, вошелъ въ кофейный домъ.

Онъ прошелъ нѣсколько комнашъ, что бы опыскашъ свою милую хозяйку.

Никого не видашъ. Зала, въ кошорой обыкновенно обѣдающъ, была пуща.

Во всемъ домѣ не видно никакихъ приготовленій къ обѣщанному пиру.

Наконецъ пришелъ хозяинъ. Она разсказала Вердалю, что Госпожа Бландини была наканунѣ, и опмѣнила обѣдъ, пошому что вдругъ занемогъ Директоръ ше-ашра, для котораго назначень былъ эшопъ праздникъ. Она весьма сожалѣла о томъ, присовокупилъ хозяинъ, что не знала жипельсшва молодаго человека, ею приглашеннаго, и не могла извѣстипшь его объ опмѣнѣ пирушки, но поручила ему, хозяину, просипшь незнакомца, что бы онъ объявилъ свое жипельсшво, или самъ пожаловалъ бы къ ней для полученія шой вещи, которую взяла опъ него на сохраненіе.

Какъ ни велика была досада Вердаля, что всѣ надежды его разрушились черезъ Директора, о внезапной болѣзни котораго онъ уже слышалъ, но, ушѣшаясь лесшнымъ приглашеніемъ, самому придти за першнемъ, весело побрелъ домой.

Чувствво приличія не позволяло ему нѣсколько дней идти къ своей красавицѣ. “Не подумаетъ ли она—говорилъ онъ самъ себѣ—что я нарочно пришелъ за персп-

немъ? Нѣтъ! подожду еще нѣсколько времени. „

Наконецъ—заложенный алмазь въ сію минушу не имѣлъ для него ни малѣйшей цѣны—прелеспи юной актрисы увлекли его непреодолимою силою: онъ пустился въ путь.

Красавицы не было дома. Онъ оставилъ билетъ со своимъ адресомъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Онъ ждалъ приглашенія, но скоро замѣнилъ, что слишкомъ много потребуешь. Ишакъ онъ пошелъ въ другой разъ.

Ее опять не было дома. Онъ оставилъ другой билетъ, и внутренно досадуя на свое несчастіе, спросилъ горничную, въ какое время можно заспать госпожу Бландини.

“Рано поспру.„ — отвѣчала горничная.

Еще недѣлю цѣлую прождалъ онъ, но щепино: ничего не слыхать о Бландини. Онъ начиналъ уже сурьезно сердиться, какъ вдругъ получилъ опъ прелеспиной записку, въ копорой она изъявила крайнее сожалѣніе, что Вердаль сполько разъ не заспавалъ ее дома, что она немедлен-

но поѣдешь въ деревню, откуда возвратишься не прежде, какъ недѣли черезъ двѣ, по прошесивіи коихъ непременно будешь имѣть удовольствіе видѣть его у себя и возвратишь ему залогъ, присовокупивъ въ заключеніе, что она по сіе время еще съ воспоргомъ воспоминаеть незабвенное утро, проведенное съ нимъ въ пѣнистыхъ аллеяхъ Княжескаго сада.

Вердаль былъ внѣ себя отъ восхищенія. Онъ прижалъ къ устамъ своимъ бумагу, на которой ея нѣжная ручка начерпала столь плѣнительныя слова; но ждалъ еще двѣ недѣли, какое безконечное время! Нешерпѣливость его возраспала часъ отъ часу. Онъ ждалъ да ждалъ, и не могъ дождаться того счастливаго мгновенія, въ которое опять увидитъ прелестную Бландину.

Прошла недѣля. Однажды Вердаль былъ на званомъ обѣдѣ, и возвращаясь домой, увидѣлъ прибишюу къ снѣнѣ дома афишку. Онъ подходитъ, и читаеть объявленіе о новомъ балетѣ, въ которомъ его несравненная Бландина будетъ представлять Діану.

Вердаль не хотѣлъ вѣрить глазамъ

своимъ; но имя ея спояло ясно и чепко на афишкѣ. “Вѣрно она уже возвратилась,, — сказалъ онъ самъ себѣ, и пошелъ въ шеапръ.

Явилась прелестная богиня съ блестящею луною въ черныхъ локонахъ. Зрители привѣтствовали ее громкими рукоплесканіями. Восхищенный Вердаль забылъ и себя и спектакль. Онъ сидѣлъ близко къ сценѣ, у самаго оркестра. Ему казалось, что милая Бландина улыбалась только ему, что она танцовала только для него. Торжественная музыка приподнимала воздушную Діану; быстрыя ножки ея, казалось, не достигали земли. Въ одномъ нѣжномъ соло она испощила свое искусство: пропьяжные звуки вальдгорна сопровождали полеты прелестной дѣвы; у всѣхъ занялось дыханіе, когда эфирная богиня, кружась съ быстротою крылато вихря, вдругъ съ распростертыми объятіями полетѣла на встрѣчу зрителямъ, и нѣсколько секундъ поспоявъ неподвижно на кончикѣ маленькой ножки, съ очаровательною улыбкою опкланялась публикѣ, которой шумныя рукоплесканія заглушили громкую янычарскую музыку.

Вердадь аплодировалъ больше всѣхъ. Его громогласное *браво* оглашало высоты райка, и повспорилось въ партнерѣ тысячью голосами. Во всю ночь не могъ онъ сомкнуть глазъ своихъ: непрерывно мечталась ему парящая Діана, въ воздушной одеждѣ, и манила его въ свои распростирающія объятія.

На другое утро—долѣе не стерпѣлось счастливицу — посвѣшилъ онъ въ жилище милой Бландины, велѣлъ доложить о себѣ — и былъ допущенъ.

Прелестная Діана казалась блѣдною. Въроянно упомянулъ ее вчерашній балетъ. Извиняясь въ шомъ, что въ упренсемъ нарядѣ принимаетъ госпя, она спросила Вердаля о причинѣ его посвѣщенія.

Немного смутился онъ отъ такого спраннаго вопроса, но не потерялъ присутствія духа, началъ осыпая похвалами очаровательную игру молодой актрисы, примолвивъ: “по милой запискѣ вашей, присланной мнѣ за недѣлю шому назадъ, я полагалъ, что вы еще въ деревнѣ, но вчерашній спектакль увѣрилъ меня въ вашемъ неожиданномъ приѣздѣ.,”

Вердадь изъяснялся съ примѣшнымъ

смущеніемъ , ибо какъ ни прелестна была Бландина , однакожь онъ не ожидалъ шакого холоднаго приема . Въ Княжескомъ саду она обходилась съ нимъ шакъ ласково , шакъ опкровенно , а сегодня *принимаетъ его съ мучительнымъ равнодушіемъ . Даже голосъ ея , казалось , измѣнился , что Вердаль приписывалъ вчерашнему упомительному балету .

Со вниманіемъ вслушивается она въ слова молодаго человека . “Въ деревнѣ?.. О письмѣ изволише говорить? . . . Я уже спрашивала васъ о причинѣ вашего посѣщенія . Смѣю ли повспорить вопросъ мой? Вы уже два раза , какъ я слышала опъ горничной , хотѣли почшишь меня вашимъ посѣщеніемъ . Признаюсь вамъ опкровенно : приличіе не позволяеть мнѣ принимать молодыхъ людей; вы жалуете ко мнѣ уже въ третій разъ , и пошому я думала , что имѣете ко мнѣ порученіе; но вы изволише говорить объ особѣ , вамъ коропко знакомой . Вѣрно . . . ,

—Сударыня! вскричала Вердаль въ крайнемъ смущеніи — шакъ скоро забываетъ , эшо невозможно! Говорятъ , что разсѣянность шеперь въ модѣ , но еслибъ вы мог-

ли взглянуть въ мое сердце, шо узнали бы мое шерзаніе. Больно, очень больно для меня, сударыня, что вы шпакъ скоро забыли и меня, и шо прѣкрасное ушро, кошорое ... —

“Помилуйте! Каждое ваше слово для меня загадка!”, — прервала рѣчь его Бландина, и нѣжный румянецъ выпушилъ на блѣдномъ лицѣ ея — “Вы безъ сомнѣнія ошибаетесь, или — присовокупила она важнымъ голосомъ — позволяете себѣ смѣлую шушку, что бы оправдать ваше посѣщеніе. ,,

— Туть нѣтъ ни шушки, ни ошибки — возразилъ изумленный Вердаль, кошорому прелеспная Діана ежеминутно спановилась непоспимѣе — признаюсь ошкровенно: я не ожидалъ опъ васъ шакого приема. Еслибъ не позволила мнѣ ваша записка, шо ... —

“Какая записка? Ради Бога, скажите, какая записка? Я вижу васъ въ первый разъ: мнѣ даже неизвѣсна ваша фамилія, а мнѣ пишеть къ вамъ!...,,

— Она еще у меня — опвѣчалъ раздосадованный Вердаль, и вынулъ записку изъ красиваго бумажника, опрысканнаго духами.

“Эшо не я писала!”, — воскликнула красавица, взглянувъ съ усмѣшкою на Вердаля. “Если вамъ угодно въ помъ увѣришься, шо посмотрише на эшо письмо, кошорое шолько чшо я начала писать къ господину Дюпору, какъ вдругъ была прервана вашимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. „ —

Она показала ему письмо, кошорое хошя и было написано на Французскомъ, а записка на Нѣмецкомъ языкѣ, но черки оказались совершенно различными. Всѣ каллиграфы въ свѣтѣ, при судебномъ слѣдствіи, вѣрно согласились бы въ помъ, чшо письмо и записка никакъ не могли бытъ написаны одною и шюю же особою.

Бландини, милая даже въ досадѣ, громкимъ смѣхомъ приспыдила обличеннаго; но взглянувъ приспально на бумагу, и увидѣвъ свою подпись, она задумалась, и продолжала чипать съ бѳльшимъ вниманіемъ, какъ вдругъ съ сердцемъ бросила на полъ прокляшую записку, въ кошорой написано было о какомъ-шо залогѣ, наминающемъ незабвенное упру.

Сердце ея замерло при сихъ словахъ.

Она не смѣла спросить, въ чемъ именно состоишь эпощь драгоцѣнный залогъ. “Эпо ужасно! я погибла!”, говорила она въ сильномъ движеніи: имя мое упербили во зло и меня обезчестили. Вы обманушы! Я поругана! Милоспивый Государь! если въ васъ ешь еще хопя малѣйшая искра благородспва, по уважьше доброе имя честной дѣвушки: повѣрьше мнѣ, умоляю васъ — въ эпу спрашную минушу не имѣю никакихъ доказапельствъ—повѣрьше мнѣ: я не ша, опъ которой получили вы записку; я не знаю васъ и въ первый разъ сегодня вижу. Скажише, что привело васъ ко мнѣ? Опъ кого вы получили эпу записку? Сдѣлайше милоспъ, выведише меня изъ мучишельнаго недоумѣнія!,,

Вердаль былъ не менѣе смущень.— Не прогнѣвайшесь, сударыня! возразиль онъ: я васъ шакже не понимаю. Вы сами знаете все. Вспомнише, что вы были недавно въ ***, и заказывали обѣдъ. —

“Я?,,

— Чшо вскорѣ послѣ того я встрѣшился съ вами въ Княжескомъ саду, гдѣ вы изволили и меня пригласишь къ обѣду.—

“Вась?,,

— Точно такъ! вспомните только: вы изволили взять у меня въ залогъ перспень, для того, что бы я непременно приѣхалъ. —

“Я? Вашъ перспень, который будто у меня, вы говорите? Такъ вы, безъ сомнѣнія, нарочно пришли за перспенемъ? Дорого ли его цѣните?,,

— Онъ достался мнѣ въ наслѣдство по смерти отца, и былъ оцѣненъ въ 6000 шалеровъ. —

Бландина, поблѣднѣвъ отъ испуга, воскликнула дрожащимъ голосомъ: “Милосливый Государь! уже ли вы въ состояніи почищать меня способною къ такому пошудному поступку. Тутъ скрывается гнусный обманъ. Прошу васъ убѣдительноше, поѣдемте сей часъ къ Полицейскому Префекту. Я его знаю: онъ мнѣ поможетъ. Боже мой! Я въ отчаяніи. Мое имя употребили для такого низкаго бездѣльничества. Извините, что оставляю васъ на нѣсколько минутъ: я возвращусь къ вамъ немедленно.,,

Она вышла изъ комнаты въ сильномъ движеніи. Кареша подѣхала. Изумленный

Вердаль принужденъ былъ съ нею сѣспь, и оба ошправились къ Полицейскому Префекшу.

Дѣло внесли въ пропоколъ, и черезъ недѣлю дѣятельная полиція ошыскала какъ персень, шакъ и мнимую панцовщицу, кошорая имѣла разипельное сходство съ прекрасною Бландини.

Хипрая красавица видѣла молодого купца въ теашрѣ, гдѣ Бландини своимъ очаровательнымъ шаланшомъ восхищала публику. Болѣе всѣхъ обворожень былъ Вердаль, кошорый безпрерывно увѣрлялъ своего сосѣда, что во всю жизнь не видалъ подобной красавицы. Сидѣвшая позади его прелестница со вниманіемъ вслушивалась въ слова молодого человека. Персень ей понравился, а цѣну узнала она ошъ самага Вердаля, кошорый разговаривалъ о шомъ со своимъ сосѣдомъ. Въ шопъ же самый вечеръ Вердаль объявилъ своему прияшелю, что завпра намѣренъ ѣхать въ сосѣдственнѣй городокъ, и ошпановишья въ кофейномъ домѣ. Она шакже приѣхала шуда, и выдавая себя за дѣвицу Бландини, заказала обѣдъ шолько для вида. Разговаривая съ хозяиномъ,

часпехонько оспанавливала она живые глаза свои на молодомъ Вердалѣ; съ намѣреніемъ изъявила желаніе прогуляпьясь въ Княжескомъ саду, и выходя изъ комнаты, бросила на купца внимательный взглядъ. въ кошоромъ выражалось безмолвное приглашеніе, послѣдовапья за нею въ садъ.

Выманипья перспень у восхищеннаго Вердала не споило ей большаго труда. Ея спаранія, продержапья обманупаго нѣсколько недѣль, имѣли счастливѣйшій успѣхъ. Опья сѣдержапья кофейнаго дома узнала она жипельспво молодаго человека, и поручила одной изъ своихъ пріапельницъ наблюдать всѣ его поступки. Она догадывалась, что Вердалъ непременно пойдеть къ танцовщицѣ; но будучи увѣрена, что Бландини ни подъ какимъ видомъ не принимаетъ никакихъ посѣщеній, не опасалась худыхъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени узнавъ, что молодой купецъ уже въ другой разъ ходилъ къ Бландини, она должна была всячески воспрепятствовать споль опасному для нея свиданію. Что бы не обнаружился обманъ, поспѣшила она послать

къ Вердалю записку о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ деревню.

Балешъ, въ которомъ Бландини явилась Діанною, вдругъ перемѣнилъ все.

Много хлопотъ надѣлалъ ей персень. Сначала хотѣла она продать его ювелиру; но потѣ, увидѣвъ драгоценный персень въ рукахъ молодой дѣвушки, посмопрѣлъ на нее такимъ подозрительнымъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что не шебѣ принадлежишь эта дорогая вещь. Она рада была только отвязаться отъ него, и поѣхала къ другому, ей знакомому ювелиру, котораго увѣрила, будто одинъ изъ ея друзей, человекъ знашный и богатый, желая скрышь свою фамилю, просилъ ее занять подъ сей залогъ тысячу палеровъ. Ювелиръ согласился дать ихъ. Она взяла деньги, и хотѣла по истеченіи срока объявишь бриллианщику, что другъ ея, все еще нуждаясь въ деньгахъ, не только не можетъ выкупить персенья, но проситъ еще въ займы тысячу палеровъ. По полученіи сихъ денегъ намѣрена была она отправишься за границу.

Дѣятельность полиціи разрушила всѣ ея планы. Какъ скоро внесли въ прош-

коль сіе происшествіе, въ ту же минуту сообщили всѣмъ ювелирамъ почное описаніе перстня, кошорый былъ возвращень немедленно.

У гостепріимной лже-Діаны ошобрали заняшья ея деньги, а ея самую оправили въ городскую прядильницу, гдѣ она прудилась нѣсколько лѣшь для пользы общеспвенной.

Сб Нѣмец. В. Тило.

ТРОЕ ВСТРѢЧНЫХЪ.

(Вольный переводъ изъ Сказокъ Дюкре-Дюмени-ля.)

Внутки.

Вошь и мы пришли, бабушка!

Бабушка.

Что эшо, дѣвушки? Спановипся шемная ночь. Я давно ждала васъ; гдѣ эшо вы шакъ долго были?

Маша.

Посмотрите, бабушка, сколько мы нарвали цвѣшовъ! сколько свили вѣнковъ!

Бабушка.

Вижу, вижу. Но другой разъ не опаздывайше. Молодымъ дѣвушкамъ не долго до бѣды.

Маша.

До какой бѣды?

Бабушка.

Какой? Да вамъ много ли еще лѣтъ; пакъ вы не думаете и не знаете, что́ бывающъ дурныя встрѣчи...

Маша.

Вошь какво! дурныя встрѣчи!

Бабушка.

Тушь не вошь какво, а я знаю что́ говорю. Никогда не должно оспаваться вечеромъ ни въ лѣсу, ни въ полѣ, ни въ саду. Нельзя не бояться...

Анюта.

Чего же, бабушка?

Бабушка.

Мало ли чего? Я знаю что́ говорю.

За двѣспѣлѣшь предѣ симъ погребены на кладбищѣ нашемъ при несчастныя дѣвушки. Вошь ужъ пеперь мнѣ восемдесяшь лѣшь; а я была еще въ ваши годы, когда слышала объ нихъ опъ своей бабушки.

Анюта.

Что же съ ними случилось?

Бабушка.

Спрашное дѣло! Послушаешь, такъ волосы дыбомъ спануть! Я говорила о дурныхъ вспрѣчахъ. Вы увидише какія бывають случаи! Подвиньше мою скамѣчку къ печкѣ; да подложинше лучинки, чшобъ посвѣплѣе горѣло!...Вошь, дѣши! жила нѣкогда добрая женщина, кошорая умерла во вдовспѣлѣ, оставя прехъ малолѣшныхъ дочерей. —

Бѣднымъ пришлось бы умереть съ голоду и спужи, если бы добрая бабушка не взяла ихъ къ себѣ. Она воспитала ихъ и выучила всякому рукодѣлю. Капя, Параша и Даша были бы изрядныя дѣвушки; но бабушка баловала ихъ, опъ чего, не приведи Богъ слышашъ, смѣялись онѣ надъ

нею, не слушали ея приказаній, со Ёповъ, и все въ домъ хошѣли дѣлашь посвоему. Бабушка видѣла эшо, но не во время ка-лять. Онѣ уже были на возрастѣ, а взро-щее дерево трудно выпрямить.—Спаруш-ка была слаба здоровьемъ—покричишь на нихъ и закашляется; а онѣ свое да свое, и всѣ слова и совѣты бабушки пропада-ли даромъ—хоть вичемъ Катя, Параша и Даша, повпорю я, были бы изрядныя дѣвушки. Къ пущей бѣдѣ бабушка была такъ глуха, что дѣвушки могли говоришь при ней что хошѣли.

Однажды она сказала имъ: “ну, дѣпки, завтра мои именины. Засвѣпише лампа-ду предъ образомъ.— Возьмише дрозжець на кулебяку, да надо пригоповишь гуся на жаркое, и двухъ поросятъ пожирнѣе. Скажише Филиппу: я просила къ себѣ на-шихъ добрыхъ сосѣдей, и мы справимъ праздникъ. Не долго пожипъ мнѣ на бѣ-ломъ свѣпѣ, недолго оспалось поглядѣшь на людей. Можешъ бышь въ послѣдній разъ справляю я именины: вопъ ужъ опживаю девяшой десятокъ, а въ шакіе годы не много повеселишься...Что же, внучки? Ни-чего не говорише? Видно слова мои не

по васъ? Одна качаешь головой, другая пожимаешь плечами...Видно у васъ нынчѣ не по на умѣ! Ахъ, да я вспомнила: сегодня мызникъ Лука звалъ на вечеринку.—О я не люблю эшаго мота Луку! Онъ разоряетъ мать свою, и бѣдная умретъ съ тоски.—Часшья пирушки переведушь полушки. И кого звалъ онъ на вечеринку? Негодяевъ да повѣсь, такихъ какъ онъ самъ: и никакая добрая дѣвушка пойми шуда не согласится.,—Но, бабушка, опвѣчала Даша, дѣвушки идутъ шуда больше съ опцами и съ маперьми.—“Да, съ опцами, которые ихъ балують, и съ маперьми, которья сами всему дурному пошашчицы!. Но! я думаю, что вы шуда не пойдете. Послушайте: одной изъ васъ шесшнадцашъ, другой семнадцашъ, а Дашѣ девашнадцашъ лѣтъ; въ эти лѣта дѣвушки должны бытъ оппорожны въ самыхъ малыхъ поступкахъ, если желаютъ себѣ счасшья. Да такіе праздники и опасны для добраго нрава. Нѣтъ, вы не ходите шуда; я запрещаю вамъ. Слышите ли вы? запрещаю вамъ.,,

Три дѣвушки, не опвѣчая ни слова, оптвернулись съ досадою.

Старушка, какъ бы не примѣчая того, пошому что никогда не смѣла ихъ хорошенько пожуришь, прибавила: “ну, Дашинька, не забудь же поснавинь опару, а ты, Параша, перемышь посуду, и приготовьте что надо къ завтраму. А мнѣ что-то нездоровится, шакъ я поранѣ лягу спать.

Три сесипры пошли, проворчавъ про себя: *спи себѣ!* И когда бабушки не было на глазахъ, Капля сказала: вошь еще что! намъ не йти на вечеринку, когда мы цѣлую недѣлю ждали этого дня, когда я приготовила для того шелковый голубый сарафанъ и новую атласную повязку!

Параша.

А я малиновый, а въ косу хопѣла вплесни алую леншу.

Даша.

А я приготовила розовый и янтарное ожерелье... Тамъ бы мы пѣли пѣсни, играли въ хороводы, а шеперь поди, снавь опару... Я низачшо не спану. — Лучше пойши, дѣвушки.

Параша.

Лучше пойми.

Катя.

Да какъ же мы сдѣлаемъ?

Даша.

А вошь какъ: бабушка скоро уснетъ, и тогда мы возьмемъ ключъ опъ калипки, опопремъ, возьмемъ съ собой, и пойдемъ на мызу, гдѣ и пробудемъ до упра.

Катя.

А ворошимся прежде, нежели бабушка проснется.

Даша.

Разумѣется.

И вошь при ппашечки одѣвающся — лишь только бабушка уснула, омѣ ужъ вспорхнули и — за ворошами.

Сентябрь былъ на исходѣ. Осеннія вечера спали долги и бабушка легла спать въ семь часовъ. Когда при сеспры вышли, то была уже ночь, а мадо было проходитьъ небольшую роцицу, и шамъ-по ожидала ихъ спрашная вспрѣча.

Надо знашь, что въ эпопѣ день проходили мимо лавки одного кушца, торгующаго плашьемъ, шрое незнакомыхъ; одинъ изъ нихъ махнулъ рукой и связка плашья очушилась у него въ рукахъ, а купецъ на другой день нашель на той полкѣ, гдѣ было плашье, мѣшокъ съ золою.

Едва только при сеспры вошли въ роцу, какъ при свѣпѣ луны увидѣли прехъ бѣгущихъ молодыхъ людей, одѣшныхъ какъ нельзя лучше. Одинъ передъ другимъ казался красавцемъ, и другъ друга хопѣли обогнашь.

Трешій изъ нихъ, пробѣгая мимо Дашы, слегка наспушилъ ей на ногу; она закричала. Онъ подходишь къ ней съ робкимъ видомъ, просишь прощенія, получаешь, благодаришь, и шакимъ образомъ вступаешь въ разговоръ съ Дашею; наконецъ учтиво подаешь ей руку и ведешь ее.

Двое другихъ незнакомыхъ между шемъ кланяюшся двумъ ея сеспрамъ, копорья счишая ихъ за благородныхъ господъ, не могушь насмотрѣшься на красавцевъ, и съ охолою соглашаюшся взяшь ихъ себѣ проводниками.

Говоряшь, смѣюшся, между шемъ и-

душъ. Незнакомые, узнавъ, что три сесшры приглашены на ближнюю мызу, гдѣ будетъ вечеринка, вызываюшся, что знаютъ мызника, и давно собирались его навѣсшить.

Въ это время набѣжала тучка и пошелъ дождь. Безразсудныя дѣвушки сѣли подъ дерево, а красавцы возлѣ нихъ, и и слово за слово, шушка за шушкой, незнакомцы поцѣловали прехъ сесшеръ.

Ночь спановилась темнѣй, но дождь пересталъ и они пошли далѣе.

Наконецъ у воротъ мызы: въ окошкахъ огонь, со двора слышна музыка. Три сесшры съ провожаемыми своими входяшъ; но вдругъ всѣ госши, смопря на нихъ, стали перешептываться, и смѣяться; дѣвушки думаютъ, что имъ недоспаешъ какого нибудь убора, но посмошрѣвъ другъ на друга, подбѣжали къ зеркалу, и увидѣли, что у каждой одна щека была какъ углемъ сожжена *). Онѣ берутъ плашки

---

*) Ништо! Зачемъ не послушались бабушки и цѣловались съ знакомыми! — Жаль, что нынѣ не повѣряшъ такимъ чудесамъ. Впрочемъ надобно принимашъ это въ алде-

спараются опширашь, но напрасно. Между шемь началась хороводная пляска, и незнакомцы, взявъ за руку шрехъ сесперь, вмѣшались въ хороводъ.

Но, спаси Господи! Даша примѣчаетъ, что у ея красавца не пальцы, а желѣзные когти, копорыми махая онъ гаситъ свѣчи. Въ шужь минушу перемѣняешся лице его и двухъ другихъ красавцовъ; изъ глазъ ихъ посыпались разноцвѣтныя искры, при ослѣпительномъ огнѣ копорыхъ видно было какъ у одного изъ нихъ спалъ рожъ вшрое болѣе и вмѣсто зубъ показались клыки. Другой изъ нихъ широкою ладонью раздробляетъ все, что ему ни попадепся, а прешій къ чему не прикаснешся, все горитъ, и весь домъ въ огнѣ.

Раздаются вопли. — Одинъ бѣжитъ спасшсь направо, другой налѣво: Скрыпачъ убѣжалъ въ погребъ и съ испуга бросился въ винную бочку. Посреди сего шума и спрашнаго смяшенія хохочущіе — наше мѣсно свяшо! — проваливаются сквозь землю въ дымъ и пламени! Три

горическомъ смыслѣ.—Щека не почернѣетъ, но почернѣетъ доброе имя.

безразсудныхъ сестры бѣгутъ безъ памяти, бѣгутъ куда глаза глядятъ, думая, что нечислая сила за ними гонится, и прибѣжавъ домой, не дожили до утра и всѣ вмѣстѣ похоронены на нашемъ кладбищѣ.

Вошь, дѣвицы, что случилось съ непослушными. Помните всегда, что лучше умереть, нежели забыть стыдъ. Во всякомъ случаѣ, надо слушать совѣта родныхъ, не вѣришь льстивымъ словамъ поспешныхъ, и не дѣлайте ничего, что производитъ стыдъ, и послѣ оставляетъ печаль и раскаяніе.

Б. Ф.

~~~~~

КАМОЕНСЪ.

(Изъ Опыта о Эпитетскихъ стихотворцахъ.)

Камоенсъ, современникъ Тасса, сполько прославился своею Поэмою: *Лузіадою*, что справедливо названъ отъ соотечественниковъ своихъ Виргиліемъ Португальскимъ. Содержаніе его Поэмы совершенно ново: онъ воспѣваетъ первое открытіе Западной Индіи Васкою де Гама. Таковое предприятие, само по себѣ блистательное, весьма занимало соотечественниковъ Ка-

моенса, шемъ болѣе, что общало Португаліи по уваженіе Европы, которое могла она приобрѣспъ своими неизчепными сокровищами.

Въ началѣ Поэмы Васко де Гама являешся со своимъ флопомъ въ проливѣ, раздѣляющемъ Евіопію ошъ острова Мадагаскара: послѣ многихъ покушеній взойши на берегъ, ибо онъ былъ встрѣченъ здѣсь многочисленными мѣлкими судами Марровъ, ошправляется въ Королевство Мелнду.—Еслибъ Камоенсъ хопѣлъ воспѣшь въ своей Поэмѣ одно шокмо плаваніе Гамы и ошкрытый имъ пущъ въ Индію, шогда бы сія Поэма была еще занимашельнѣе по описаніямъ сихъ странъ полудня и запада, шоль еще новыхъ и живописныхъ; но Поэшь, напрошивъ шого, хопѣлъ сыскашь средство заключишь въ шакон шѣсной рамѣ картину всей іспоріи своего ошечешва, представилъ ошромную галлерею поршрешовъ знаменишыхъ его Королей и геросовъ, всѣ подвиги рыцарей, шоль прославленныхъ шрубатурами; хопѣлъ представилъ всѣ послѣдующія происшешвія, всѣ побѣды. По сей причинѣ Сочинишель заспавляешъ

Васко де Гама, для удовлетворенія любопытства Короля Мелинды, рассказываешь исторію Португалліи со всею почностью и со всею прелестью Поэзіи: ибо въ первомъ случаѣ Камоенсъ не хотѣлъ подражать романамъ рыцарства, не хотѣлъ шворить героевъ, но слѣдоваль Виргилію, какъ лучшему образцу своему. Въ семь рассказѣ, который занимаешь при пѣсни, Гама заключаешь всѣ обстоятельства своего путешествія, до прибытія его въ Королевство Мелинду. Но Гама въ своемъ повѣствованіи слишкомъ уже выказываетъ себя знающимъ въ исторіи; часто говоритъ о Грекахъ и Римлянахъ, о которыхъ Царь Мавровъ не имѣлъ никакого понятія, равно какъ и о самой Европѣ.

Гама продолжаетъ свое путешествіе; бури и другія опасенія встрѣчаютъ его на пути—приходъ его въ Каликутъ; пребываніе въ ономъ, разныя приключенія, случившіяся съ нимъ въ Каликутъ, и наконецъ возвращеніе его въ Португаллію заключаются въ осмальныхъ пѣсняхъ Поэмы.

Планъ Лузіады настоящій эпическій. Между многими неровностями часто про-

глядывають черпы блистательныя и смѣлыя; а что касается до характеровъ, то Васко де Гама есть самое главное и опличительное лице въ цѣлой Поэмѣ.—

Чудесное Лузіады есть спранныя смѣсь христіанской Религіи съ блестящими вымыслами Миѳологіи, безъ всякаго взаимнаго отношенія, на примѣръ: боги держать совѣшь, въ копоромъ Юпитерь предсказываетъ паденіе Магомешанской вѣры! Гама, приплывъ къ берегамъ Момбаса, гдѣ ожидала его гибель, посылаетъ двухъ своихъ солдатъ на берегъ съ дарами къ Королю и приказываетъ имъ, какъ можно спарашься узнать нравы жителей. Бахусъ, желая заманишь Португальцевъ въ свои сѣпи и заспавить думать, будто въ Момбасѣ живутъ Христіане, принимаетъ съ честью сихъ посланныхъ Гамы въ домъ, украшенномъ на подобіе храма, съ изображеніями на алтаряхъ Дѣвы Маріи и Святаго Духа, и въ качествѣ священнослужителя совершаетъ обрядъ богослуженія. Здѣсь Бахусъ шоже самое, что Вельзевуль въ Тассѣ *).

*) Надобно замѣнить, что сей вымы-

Между шемъ Васко де Гама, ободренный своими посланными и Королемъ Монбасскимъ, рѣшается войши въ портъ съ первыми лучами солнца. Уже приближается онъ къ пому мѣсцу, гдѣ ожидала его гибель, какъ вдругъ восплаещъ ужасная буря. Прибѣгаетъ Венера и просишь Юпитера объ укрощеніи бури, а Нимфъ морей о спасеніи любезныхъ ей Португальцевъ. Божества морей повинуются: заслоняютъ дорогу кораблямъ, и сама Діана упираетъ нѣжную и бѣлую грудь свою въ носъ корабля Гамы и оппалкиваетъ его назадъ, несмотря на сильный противный вѣтеръ. Португальцы ужаснулись, видя надъ собой шакое чудо, и Мавры, перешедшіе между шемъ во множествѣ на корабли ихъ, полагая, что злоумышленіе ихъ обнаружилось, сами себя

сель имѣетъ основаніе историческое. Португальцы дѣйствительно нашли на оспровѣ Монбасѣ какихъ-шо Абиссинскихъ Христіанъ, коихъ вѣра, какъ полагаютъ, есть смѣсь исповѣданія Греческаго съ Іудейскимъ и которые имѣли въ домахъ своихъ жершвенники и образа христіанскіе.

изобличаютъ въ ономъ, кидаясь, для своего спасенія, въ волны океана. — Въ пятой пѣсни, Васко де Гама, повѣспвуя Королю Мелинды о трудностяхъ своего путешествія, рассказываетъ между прочимъ, что когда пришелъ онъ съ кораблями своими къ мысу Доброй Надежды, копорый до него никемъ еще не былъ посѣщаемъ, то увидѣлъ вдругъ посреди блеска молній возставшее на поверхности океана ужасное привидѣнiе, касающееся главою до небесъ. Сiе божество, или чудовище, было древнимъ спражемъ сего неизвѣснаго моря; говорило гласомъ, подобнымъ грому; укоряло въ дерзости Португальцевъ, пришедшихъ оспаривать у него владычество надъ сими морями, и предвѣщало имъ всѣ бѣдствія, копорыя они должны будутъ претерпѣть въ семъ пагубномъ предпріятіи. — Геній рѣки: Гангъ, являющійся во снѣ Королю Португальскому Еммануилу и предсказываетъ ему, что онъ опредѣленъ быть обладателемъ всѣхъ сокровищъ Воспока *). Мысль

*) Подобный сему вымыселъ находимъ у Виргилія: богъ рѣки Тибра являющійся во

прекрасная; но вымысловъ, подобныхъ первому, не много: онъ новъ, какъ и самое содержаніе Поэмы. Жаль только, что Поэтъ обезобразилъ оный, присовокупя шущъ неумѣстное повѣствованіе о какихъ-то любовныхъ приключеніяхъ сего морскаго исполина Адамаскара съ богинею Фепидою.

Между эпизодами самый прогашельнѣйшій естъ смерть Инесы де Каспро, супруги Короля Дона Педро *). Въ семь

онъ Енею и предсказываетъ ему, что въ городъ Албъ ожидаетъ его совершенное успокоеніе отъ всѣхъ прешерпѣнныхъ имъ бѣдсвѣй и совѣщаетъ искашь помощи у Евандра.

*) Сіе приключеніе Инесы весьма согласно съ историческою истиною. Извѣстно, что Инеса была соединена тайнымъ бракомъ съ Принцемъ Донъ Педромъ, отъ коего уже имѣла много дѣшей; враги Инесиной фамиліи оклеветали ее передъ Королемъ и сей тайный союзъ представили ему подъ видомъ злоумышленія. Ее лишили жизни—шакъ шочно, какъ описываетъ Камоенсъ въ своей Поэмѣ. Поступокъ конечно достойный грубости и варварства тогдаш-

ошпыркѣ, почишаемомъ лучшимъ во всей Поэмѣ, видна кисть Виргилія въ изліяніи вѣжныхъ чувствованій и въ самыхъ даже ошпынкахъ слога.

Камоенсъ, поставя Поэму свою на ряду со славнѣйшими произведеніями древности и время новѣйшихъ, доказалъ, что онъ былъ рожденъ съ воображеніемъ пылкимъ и изобрѣшательнымъ.

А. Н — б.

няго вѣка! Донъ Педро, возшедь на престоль, велѣлъ вынуть изъ гробницы шрупъ своей несчастной любовницы—супруги, и посадивъ ее на великолѣпный шронъ, повелѣлъ возложить на нее корону. Онъ клялся, что она была законная его супруга и приказалъ, что бы память ея была чшима какъ коронованной особы еще при жизни. Донъ Педро принудилъ знаннѣйшихъ вельможъ своего двора лобызать съ почшеніемъ сіи плачевные ошпышки обожаемой имъ Инесы.

В Е С Н А .

Прелестный Май, веселость міра!
 Не въ силахъ пѣшь неспройна лира
 Твои священны красоты! —
 Разсыпь, о Муза! здѣсь цвѣшты,
 Наспрой мнѣ лиру тихогласну,
 Воспѣшь природы дщерь прекрасну,
 Воспѣшь миръ, радость, тишину,
 Поля, лѣса, и скромны воды:
 Какъ въ древней Греціи народы,
 Я чшу, богошворю Весну.

*

Слѣшла съ горнихъ мѣстъ эфира
 На крыльяхъ легкаго Зефира
 Благоухающа Весна.—
 Воскресла ласпочка опъ сна,
 И вся природа пробудилась:
 Аврора въ пурпурѣ явилась;
 Вдругъ хоръ пернашыхъ загремѣлъ;
 Цвѣшущъ поля, цвѣшущъ долины,
 Каштаны, лиліи, жасмины,
 И надъ водой нарциссъ разцвѣлъ.

*

Весна въ порфирѣ изумруда—
 Рубины, яхонты, вокругъ:
 Здѣсь синій холмъ, шамъ пестрый лугъ,
 А шамъ изъ горнаго сосуда
 Журчишь, играя ручеёкъ;
 И съ цвѣшочка на цвѣшокъ

Нарядный, нѣжный мошылёчикъ
 Порхаешь здѣсь и тамъ рѣзвясь;
 Чувь пронешь листься вѣтерочикъ
 Средь шемной рощицы шаясь.

*

Я встрѣшилъ Май въ цвѣшущемъ полѣ;
 Чего желашь еще миѣ болѣ?
 Я первый шамъ сорвалъ цвѣшокъ,
 Прелесный, скромный василёкъ!
 Цѣлуя, бросилъ въ шиху Каю,
 Сказавъ: “я горешей не знаю.
 Такъ шихо жизнь моя печешь
 Блаженной родины подѣ кровомъ—
 И здѣсь въ краю глухомъ, суровомъ,
 Весна прелесная цвѣшешь. „

*

И здѣсь съ весельемъ воспѣваешь
 Денницу зябликъ на зарѣ;
 Въ шѣни густыхъ деревъ гуляешь
 Прелесна Флора по горѣ.
 Я зрю: извивисная Кая
 Течешь, въ шалинникъ убѣгая,
 Журчишь въ долину межъ цвѣшковъ;
 Вонъ песпры бабочки порхають;
 Фіалки милы взоръ плѣняють,
 Цвѣшущія у ручейковъ.

*

Въ кудрявыхъ яблоняхъ синицы,
 Дробясь, ліюшь согласну шрель;

И богъ любви игривый Лель —
 Въ объятіе своей десницы
 Природу нѣжно возпріядь —
 Олшаръ веселій возсіяль ...
 Повсюду пирь, вездѣ ушѣхи —
 Зефировъ рой, забавы смѣхи:
 Здѣсь бабочки на василькахъ ...
 Тамъ рыбки выюся въ ручейкахъ ...

*

Внимаю гласу въ опдаленьѣ,
 Въ спокойный вечеръ надъ рѣкой:
 Здѣсь громко жаворонка пѣнье;
 А шамъ малиновка съ поской,
 Узря на западѣ свѣшило,
 Лешя въ гнѣздо, поешъ уныло;
 Вдали веселый соловей,
 Во мракѣ ночи молчаливой,
 Поешъ одинъ свой вѣкъ счастливой
 Со всею нѣжностью своей.

*

Ему злапой лучъ солнца скажешъ:
 Пора немного опочишь,
 И вѣпочку ему покажешъ,
 Гдѣ носикъ въ крылья положишь. —
 Зрю темны роци, въ полдень знойный
 Гдѣ можно грошъ найди покойный.
 Цвѣшны прелесны въ муравахъ,
 Природу чшя благоухающъ;
 Ручьи по камушкамъ сверкающъ,
 Мѣлчашся, пѣняшся въ брегахъ. —

*

Пою тебя, Весна молодая!
 Ты юныхъ дней моихъ весна,
 Блаженный рай изображая,
 Для удовольствія дана.
 Веселій машь, ушѣха, радость,
 Ты дней моихъ швердишь мнѣ младость,
 Ты также юна, какъ и я,
 И такъ, какъ юность мила, нѣжна,
 Опъ хищной смерти неизбѣжна,
 И также крашка жизнь швоя!

*

Но ты лишь годъ и—воскресаешь—
 Увы! а младость никогда!—
 Ты съ каждымъ годомъ вновь сіяешь;
 А быспру жизнь, какъ челнъ вода
 Влечешь въ пучину океана,
 И онъ поплывешь средь шума!
 За жизнью всюду бродишь смерть.—
 Творецъ! опкрой мнѣ мысль сердечну:
 Зачемъ даль жизнь споль быспрошечну?
 Ужель на шо, чшобъ умереть?

*

Сспрадашь вѣкъ — сердце мнѣ вѣщаешь—
 Горѣшь огнемъ и не сгораешь.—
 Нѣшь! нѣшь!—мнѣ разумъ повшоряешь:
 Богъ милосердъ! — чшобъ восиріаешь
 Намъ лучшее еще блаженство:
 Веселье, радость, благоденство;
 Чшобъ больше знашь Его любовь

Къ неблагодарнымъ безконечну,
И чшобъ за злосшь, зря милосшь вѣчну,
Придши въ раскаяніе вновь! —

15 Мая 1825.

Иркутскѣ.

Степанѣ Разказовѣ.

~~~~~

Элегія.

Я помню первыя лобзанья,
Я помню звукъ швоихъ рѣчей,
И взоръ плѣнительныхъ очей,
И томныхъ персей шрепешанье,
И тѣ часы очарованья,
Когда съ тобою цѣль любовь,
Когда я жилъ для наслажденій,
Ты мяъ была и другъ и геній;
Но не воскресну къ счастью вновь:
Прошли забавы—и они,
Безпечныхъ лѣшъ веселы дни!
Прошла моя мгновенно младосшь,
Не буду я вкушашъ здѣсь радосшь.
Я одинокъ—тебя ужъ нѣшъ.
Не веселяшъ друзей собранья,
Красосшь плѣнительныхъ привѣдъ,
Обмаиы ихъ любви припшворной
И взоръ ихъ нѣжный, но укорной
Плѣняешъ всѣхъ, но не меня.
Прошли лѣша очарованья.

Давно, давно просился я
 Со днями пылкаго мечпанья;
 Такъ спану я въ побѣдный спрой
 И полечу на бой кровавой,
 Паду опъ пули роковой,
 Горя любовію и славой.

А. А—вб.

***

Посланіе къ . . . .

(Изъ Парижа.)

Какая скука, милый другъ,
 Жишь одному, среди забвенья,
 Гдѣ неизвѣстенъ шумный кругъ
 Любви, забавъ и наслажденья,
 Гдѣ все подвергнуто бѣдѣ,
 Гдѣ нѣтъ друзей, любимыхъ мною;
 Лишь злоба властвуетъ вездѣ,
 Здѣсь съ вѣроломной клеветною.
 Куда ни бросишь жадный взоръ,
 Вездѣ слѣды коварной лести,
 Красотъ продажныхъ и позоръ,
 И вѣроломство алчной мести!
 Здѣсь провожу я дни свои
 Безъ всякихъ радостей, забавы,
 Безъ тихихъ препенговъ любви,
 Въ дали опъ милой и опъ славы,
 Въ дали опъ родины драгой.
 Въ снѣгахъ огромныхъ столицъ

Лечу къ тебѣ, мой другъ, мечшой
 Съ разсвѣтомъ упренней денницы
 Туда, гдѣ черная рѣка
 Обишель мершвыхъ омываешъ,
 И пихій шумъ опъ челнока
 Могиль безмолье нарушаешъ.
 Тамъ, шамъ, любезный, милый другъ!
 Въ поляхъ воинскихъ упражненій
 Ты посвящаешъ свой досугъ.
 Для чаши полной наслажденій.
 Въ кругу забавъ, въ кругу друзей,
 Питомецъ юный алчной Гелы,
 Ты вспоминаешъ прежнихъ дней
 Въ спранѣ родной часы веселы,
 Часы досуга, милыхъ взоръ,
 Часы безопасности, желаній
 Невинной Л . . . . . укоръ,
 И пренепъ пламенныхъ лобзаній.
 А я шеперь, забывъ покой
 И злалоспруннуо цѣвницу,
 Клянупо, шоварицѣ милый мой,
 Прикошъ разврашностей—столицу.
 Наспанешъ скоро ли пошъ день
 Когда увижуся съ тобою,
 Когда придупъ подѣ мирну сѣнь
 Любовь съ безопасностью злашою,
 И дружба свой воздвигнешъ шронъ,
 И снова мы благополучны;
 Венера, Музы, Аполлонъ
 Пребудупъ съ нами неразлучны.

Прости, поварищъ дорогой!
 Не забывай поэта друга,
 И въ жизни празднои, кочевой
 Пиши ко мнѣ въ часы досуга.

Князь Ц—вб.

~~~~~

Къ Морфею.

Шуми, шуми въ рѣкѣ, волна,
 И очаруй мои надежды!
 Сомкни, сомкни въ объятяхъ сна
 Морфей, мои успалы вѣжды,
 Мои страданья успокой,
 Слепи ко мнѣ, о богъ мечпаній!
 Продли души моей покой,
 Продли часы очарованій.
 Минуши чувства оживи,
 Своей волшебною рукою
 Ты начертай привѣсь любви,
 Невинность съ дѣвственной красою;
 Представь взоръ сладостный очей...
 Какъ свѣзпльый лучъ злапой денницы
 И звукъ плѣнительныхъ рѣчей
 И жаръ ланишь—красы дѣвицы.
 И шакъ скорѣй ко мнѣ сойди,
 Морфей! осыпь меня цвѣшами,
 Мои печали услади,
 И ,обнови любовь мечшами.

А—вб.

~~~~~

Отъ Дочери къ Отцу *).

Въ странѣ, оупъ сѣверныхъ Бореевъ опдачен-
ной,

Природой щедрою роскошно одаренной,
Среди наукъ, искусствѣ проходитъ жизнь
моя;

Лишь правды, доброты примѣры вижу я.
Какимъ я счастіемъ, родителъ, наслажда-
юсь!

Нѣтъ, что сказала я? прости, я забываюсь:
Могу ли счастливимъ по время называешь,
Которое должна въ разлукѣ провождаешь
Съ родителемъ моимъ? Средь пышности со-
браній

Ты, ты одинъ предметъ моихъ воспомина-
ній!

. . . . .

Взгляну ли на подругъ, родители ихъ съ
ними;

Веселье и печаль, все дѣлится родными!
Но я несчастная! Ахъ, сердце! не ропщи
И въ благости Творца опрады ты ищи:
Молемя своего Всевышній не опринетъ
И дочь счастливая родителя обниметъ!

Стутгардтѣ, Юля 1825.

Е. Головлева.

лиллили

*) Произведеніе принадлежавшей дѣвицы, въ опечесива своего занимающейся опечесивенною Поэзією.

Выгодная невеста и смѣтливый женихъ.

У одного небогатаго крестьянина опъ семерыхъ дѣшей оспалась одна только дочь, и та съ преошврашительною наружностью. Думали и не безъ причины, что ему будешъ очень трудно приспроишь ее. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы захотѣлъ навязать себѣ на шею урода и притомъ безъ приданаго?—Но подождите немного и вспомните, что не всѣ женятся для хорошенькаго личика и для большаго приданаго.

Одинъ изъ тѣхъ полезныхъ промышленниковъ, которые водятъ на показъ медвѣдей, проходя чрезъ деревню, гдѣ жила обиженная природою дѣвушка, увидѣлъ ее и спалъ за нее сваташья. Опець ея былъ честный человекъ и сказалъ жениху:

“Поговоримъ опкровенно. Можешъ бышь ты не замѣшилъ, что дочь моя очень не пригожа и не знаешъ, что я ничего не могу дать за нею въ приданое.,,

—Эшо нимало не беспокоишь меня, дорогой шестюшка. —

“Но она горбата: одинъ горбъ спереди, а другой сзади.

—Эшо по мнѣ и надобно! —

“Все ея тѣло покрышо волосами.,,

—Очень радъ эшому! —

“У нее почи нѣшь носа.,,

—То-то и хорошо!—

“Роспомъ только въ при фуша.,,

—Еще лучше!—

“Ноги у нея пакъ кривы, какъ серпъ,
а пяшки выворотились наружу.,,

—Прекрасно!—

“Вижу, чѣко ничего не должно скрывать ошь себя; и пакъ знай, чѣко она и нѣма и глуха.,,

—Возможно ли? Какъ обрадовалъ пы меня! Долго искалъ я такой женщины, но нигдѣ не кадѣлся найти. Теперь же я счастливъ сверхъ моего ожиданія. Знаешь ли, чѣко дочь моя почно пошь образецъ совершенства, копорый давнымъ давно составилъ я въ головѣ своей, и чѣко такая невѣста есмь истинный для меня кладъ?—

“Но чѣко будемъ шѣ дѣлать съ женою споль безобразнаго, увѣчнаго, больнаго и копорая припомъ не принесеть ничего шѣ въ приданое?.,

—Чѣко буду дѣлать? Въдь я хожу изъ одного мѣста въ другое и доспаю себѣ хлѣбъ шѣмъ, чѣко показываю уродавъ: посажу дочку явою въ ящикъ, велю возить за собою и увѣренъ, чѣко скоро разбогашью.—

(Изъ Almanach des paysans.)

Книжныя Извѣстія.

І.

О продолженіи изданія Греческихъ Классиковъ на Русскомъ языкѣ.

Благодаря Бога, дарующаго силы и твердосць духа, я довершаю обязанность свою въ отношеніи къ прехгодичному изданію на Русскомъ языкѣ Греческихъ Классиковъ. Последняя книжка, въ коей заключаешся *Софоклова Трагедія: Электра*, согласно съ программой о семь изданіи, выйдеть въ концѣ текущаго года.

Нужно ли знать другимъ, чего стоило мнѣ пройти сіе тернистое поприще? Несмотря на незначительное число подписчиковъ, на скудосць собщвенныхъ средствъ, на разореніе, въ послѣдствіи времени прешерпѣнное мною ошъ незабвеннаго ужасами своими наводненія, убѣжденный душевно, что дѣлаю дѣло, бесполезное для моихъ соотечественниковъ, я не спрашился шруда и всешрно спарался удовлетворить ожданію почтенной Публики. Не скрываю чувствованій своихъ, что въ семь шрудѣ не мало одушевляли меня лестнѣйшіе о немъ письменные и словесные ошзывы особъ, заслуживающихъ всеобщее уваженіе

своими глубокими и основательными свѣдѣніями въ древней и новой Словесности.

Видя, что трудъ мой не лишенъ одобренія особъ, неимѣющихъ никакого побужденія льстить мнѣ, повинуюсь совѣшу и желанію ихъ, и, не считая нескромностію возвыситься надъ мѣлкими, могущими бытъ, пересудами, рѣшаюсь продолжашъ изданіе Греческихъ Классиковъ еще при года.

Съ 1826 года, въ печеніи трехъ лѣтъ я предполагаю издашъ переводъ свой: 1) *Олировой Одиссеи* въ чепырехъ часпяхъ; 2) *Твореній Пиндара*, въ двухъ часпяхъ; 3) *Исторіи Иродотовой*, въ пяти часпяхъ 4) *Сотиненія Лонгина о високолѣ*, впорымъ писненіемъ, въ одной книгѣ, и 5) *Анакреоновыхъ Одѣ*, впорымъ же писненіемъ и въ одной книгѣ.

Къ концу первой половины 1826 года оппечашаны будущъ: *I. часть Одиссеи*, содержащая въ себѣ шесць пѣсней, число коихъ соспавляшъ будешъ и каждую изъ слѣдующихъ часпей сей Поэмы; и *I. часть Иродота*, въ коей заключающся двѣ книги: *Кліо* и *Эверта*. Къ концу послѣдней половины того же года выйдунъ въ свѣшъ: *I. часть Пиндара*, заключающая въ себѣ *Олимпійскія* и *Пивійскія Оды* и *Лонгинѣ*.

Къ концу первой половины 1827 года изданы будунъ: *II. часть Пиндара*, содержа-

щая въ себѣ *Нелейскія* и *Исѣмитескія* *Оды*, и *II. часть Иродотовой Исторіи*, въ коей заключающся книги: *Фалія* и *Мельпомена*. Къ концу послѣдней половины сего года ошпечашаны будущъ: *II. т. Одиссеи* и *III. т. Иродота: Терсихора* и *Эрато*.

Къ концу первой половины 1828 года выйдешъ *IV. т. Иродота*, въ коей содержашся книги: *Полигимчія* и *Уранія*, и *III. т. Одиссеи*. Къ концу послѣдней половины года изданы будущъ *Анакреонъ*, *V. т. Иродота*, заключающая въ себѣ *Калліопу*, съ присовокупленіемъ *жизни Омира*—сочиненія, приписываемаго *Иродоту*, и *IV. часть Одиссеи*.

Всѣ сіи книги снабдѣны будущъ *Филологическихкими* и *Историческими* примѣчаніями и въ пошребныхъ мѣстахъ объясненіями, какъ выбранными изъ древнихъ и новѣйшихъ Писателей, такъ и моими собственными.—Примѣчанія на *Исторію Иродота*, коея достоверность совершенно подтверждается новѣйшими путешественниками, я старался сдѣлать сколько можно занимательнѣйшими; преимущественно же въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ онецъ *Исторіи* говоритъ о спранахъ, входящихъ въ предѣлы нынѣшней *Россіи*, и о народахъ, оныя населявшихъ въ древности.

Переводъ *Лонгина* разсужденія о *высоколѣ* явился съ значительными перемѣнами

сдѣланными мною для возможнаго усовершенія онаго. Примѣчанія, напечатанныя въ первомъ изданіи сей книги, частію перемѣнены, частію дополнены новыми. — Переводъ *Анакреона* — копорый, какъ извѣстно читавшимъ его въ первомъ изданіи, сдѣланъ бѣлыми стихами — почти весь мною передѣланъ; и сверхъ того къ нему присоединенъ будетъ переводъ прозою. Для любителей легкой Поезіи, сверхъ примѣчаній, я привожу подъ *Одами Анакреона* переводы, или подражанія *Ломоносова, Державина* и другихъ лучшихъ нашихъ Поешовъ, равно и иносѣранныхъ, древнихъ и новыхъ, съ Русскимъ переводомъ, и позволяю себѣ дѣлать между ними нѣкопорыя сравненія.

На изданіе сіе подписка принимается шроякимъ образомъ: 1) на каждаго Авшора порознь, со вносомъ денегъ за все сочиненіе впередъ единовременно, или въ началѣ каждаго года по разсчешу; 2) на всѣхъ Авшоровъ вмѣстѣ, со вносомъ денегъ за каждый годъ впередъ; и 3) на всѣхъ же Авшоровъ вмѣстѣ, со вносомъ впередъ денегъ за всѣ шри года.

Цѣна книгаль:

Съ Рус. перев. Греч.	Безъ Греч. подл.
подлин. и примѣчан.	съ примѣчан.
<i>Одиссея</i> въ IV. часпяхъ 60 р.	. . . 40 руб.
<i>Исторія Иродота</i> въ V ч. 60 —	. . . 40 —

<i>Пиндаръ</i>	въ двухъ част. 30 —	. 20 —
<i>Лонгинъ</i>	————— 10 —	. 8 —
<i>Анакреонъ</i>	————— 10 —	. 8 —

Подписывающіеся на всѣхъ Авшоровъ ежегодно, плащяшъ впередъ за каждый годъ:

Съ Греч. текстомъ по 50 руб., безъ Греч. по 35 руб. Желаящіе подписываться на всѣхъ Авшоровъ и на всѣ три года впередъ, вносятъ единовременно по 155 рублей за книги съ Греч. текстомъ, Русскимъ перев. и примѣчаніями; за книги безъ Греч. текста по 90 рублей.

За доставленіе книгъ къ Гг. подписавшимся плащы не назначается.

Объ ошпечашаніи каждой книги будетъ объявляемо чрезъ періодическіе листы, въ Имперіи издаваемые, и онѣ доставляемы будутъ подписавшимся на нихъ немедленно.

Форматъ книгъ и переплетъ остаешся прежній. Подписка принимается: въ Санктшпетербургѣ, въ книжныхъ лавкахъ *Леонтія Леонтьевича Свѣшникова*, *Якова Васильевича Сленина* въ госпиномъ дворѣ; и прешивъ Зеркальной линіи Г. д., въ книжной лавкѣ *Ивана Ивановича Заикина* и у меня. Въ Москвѣ у Коммисіонера памощняго Университета *Александра Сергѣевича Ширлева*.

Жителство мое на Васильевскомъ Островѣ, между 9 и 10 линиями, по Невѣ, въ домѣ купца Косиковскаго, подѣ № 82.

Дѣйствительный Статскій Советникъ Иванъ Мартыновъ.

Санктпетербургъ.

2.

Прислушая къ печатанію разсмотрѣнной Военно-Ученымъ Комитетомъ книги, подѣ названіемъ: ОПЫТЪ БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ВОЕННЫХЪ ЛЮДЕЙ, Издашеть ласкаетъ себя надеждою, что значительныя издержки, на сіе пошребныя, будутъ опчасши облегчены предварительною подпискою.

Слѣдующее подробное оглавленіе, въ которомъ поименованы всѣ предметы, входящія въ составъ сей книги, можетъ любителямъ Военнаго Искусства подать о ней доспапшочное понятіе и показатъ, что она не должна бытъ чужда ихъ любопытства.

I. Введеніе.

II. Военные писатели, греческіе и римскіе: Фукидидъ, Ксенофонтъ; Полибій; Цезарь; Саллустій; Корнелій Непощъ; Веллей Патеркуль; Арріанъ; Фроншинъ; Плутархъ; Эліенъ; Вегецій.

III. Обзорніе періода перваго :

1. Греки; ихъ оружіе; военныя машины; роды воинства; фаланга съ ся часплями; соспавъ и упошребишельнѣйшій боевой порядокъ греческой арміи; лагерь; разныя подробности.

2. Римляне; ихъ оружіе; военныя машины; роды воинства; обыкновенный легіонъ; раздѣленіе и дѣйствіе его; легіонъ Марія; конница; лагерь; Консульская армія; марши Римской арміи; быспроша боевыхъ построений; спрашегія Римлянъ.

3. Сравненіе греческой фаланги съ римскимъ легіономъ.

IV. Военные писатели съ начала XV до уничтоженія копій въ пѣхошѣ во вшорой половинѣ XVII вѣка:

Коминъ; Макиавель; Гвиччардини; Дюбеллей; Лану; Монлюкъ; Обинье; Брантомъ; Сюлли; Гусшавъ Адольфъ; Шиллеръ; Роганъ; Пюисегюръ; Тюренъ; Монтекукулли.

V. Обзорніе періода вшораго:

Упадокъ Военнаго Искусства; понятіе о временахъ варварскихъ и феодальныхъ; возрожденіе Военнаго Искусства; швейцарская пѣхота; составъ армій въ началѣ сего періода; введеніе огнеспрѣльнаго оружія

смѣщеніе онаго съ копьями въ пѣхошѣ; шакшика Гусшава Адольфа; пояшіе о военныхъ дѣйствіяхъ Тюреня и Моншекукулди. Аршиллерія и Форшификація. Нравственная польза ошъ огнеспрѣльнаго оружія.

VI. Военные писашели съ половины до до конца XVIII вѣка:

Вобанъ; Кашина; принць Евгений Виларъ; Бервикъ; Фекьеръ; Кенси; Санша-Крузъ; Сенъ-Симонъ; Буонамичи; Мельбуа; Маршаль Саксъ; Фридрихъ II; Мирабо; Лойдъ; Темпельгофъ; Бурсе; Гиберъ; Сильва; Мезеруа; Мениль-Дюранъ.

VII. Обозрѣніе періода прешьяго:

Изобрѣшеніе шпыка; перемѣны въ оружіи; поспроеніе войскъ; пояшіе о военномъ искусствѣ Французовъ при Людовикѣ XIV; улучшение шакшики Фридрихомъ II; сужденіе Наполеона о Лейшенскомъ сраженіи; косвенный боевой порядокъ; шакпическія ошкрышія російскихъ Полководцевъ; правило для лагерей. Аршиллерія и Форшификація. Сравненіе между древними и новыми народами въ военномъ опношеніи. Система Лойда.

VIII. Новѣйшіе военные писашели:

1. *Иностранные*: Дюмасть; Бершьє; Бюловъ; Серванъ; Тіебо; Шасселу; Гримоаръ; Жомини; Эрцгерцогъ Карлъ; Рокка; Ронья; Бошамъ; Кохъ; Борегаръ; Каріонъ-Низасъ.

2. *Рускіе*: Графъ Каменскій; Рахмановъ; Бушурлинъ; Давыдовъ; Сипягинъ; Глинка; Писаревъ; Окуневъ.

IX. Обзоръніе періода четвертаго:

1. Поняшіе о войнахъ сего періода; сославъ французскихъ дивизій; главныя правила для большихъ сраженій; жребій сраженій.

2. Главныя правила Военной Науки, объясненныя генераломъ Жомини.

3. Система Генерала Ронья, съ замѣчаніями на оную Наполеона.

X. Поняшіе о древнемъ всенномъ искусствѣ Россіянъ, въ разныя эпохи. Сраженіе на Куликовомъ полѣ и при Поклонной горѣ. Учрежденіе регулярной арміи; усовершенствованіе оной.

XI. О трехъ великихъ полководцахъ Россіи.

1. Генераль-Фельдмаршалъ Румянцовъ Задунайскій.

2. Генералиссимусъ Суворовъ.

3. Генераль-Фельдмаршалъ Купу- зовъ-Смоленскій.

Подписка на книгу: *Опытъ Библиотеки для военныхъ людей*, имѣющую выйши въ свѣтъ въ началѣ 1826 года, принимается въ Санктпешербургѣ, при Главномъ Шшабѣ Его Императорскаго Величества въ Военно-попографическомъ Депо; у книгопродавцевъ: А. Ф. Смирдина, И. В. Сленина, Г. Сень-Флорана и другихъ. При подпискѣ выдается билетъ, скрѣпленный Издашеlemъ. Цѣна экземпляру: на любской бумагѣ *десять* рублей, на веленовой и во Французскомъ переплетѣ *пятнадцать* рублей ассигнаціями. Иногородныя особы, съ пребываніями своими и приложеніемъ объявленной суммы, благоволяшъ опносисья прямо къ Издашелю, Надворному Совѣшнику Василью Ивановичу Соцу, служащему въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Издашель принимаетъ на себя непремѣнную обязанность доставить имъ экземпляры на свой счетъ и съ первою почшою, по оппечатаніи книги.

Имена особъ, удостоющихъ прежде 1 го Декабря сего года содѣйствовать подпискою изданію *Опыта Библиотеки для военныхъ людей*, будутъ припечатаны.

Благотворенія.

Издашель *Благонамѣреннаго* получилъ ошъ неизвѣспныхъ благошворипшелей для раздачи бѣднымъ по его усмошрѣнiю.

3	Юня	10р.
6	—— изъ <i>Казани</i> при запискѣ ошъ 25 го Маія ошъ <i>М.</i>	60—
24	Юля	10—
16	Сеншября	5—
17	————	10—
		95р.

Изъ нихъ роздано:

Вдовамб:

Капишаншъ	Сперской съ чешырьмя малолѣшными дѣшьми.	20 р.
Сiя несчастная женщина, заслуживающая всякое сосшраданiе, живешъ на Пескахъ, въ 6й Рожештвенской улицѣ въ домѣ Меникова по N ^o 192.		
Пресшарѣлой	Маiоршѣ Мачиной, живущей Лишейной часши въ 3мъ кварталѣ, въ домѣ Купца Денисова N ^o 346	10 —
Гринблашъ		10 —
Лаксманъ		5 —
Брандшъ		5 —
Увѣчной дѣвицѣ	Исаковой	5 —

Тремъ пожилымъ и больнымъ дѣвицамъ Михайловымъ.	15 р.
Бѣднѣйшему чиновнику Т, обременен- ному сѣмействомъ	10 —
Бѣдному больному иностранцу Д.	15 —
	95 р.

~~~~~

Анекдоты.

1.

Венгерець Баронъ Зай, любилъ поѣсть, но не любилъ чинать. Живучи на спароспи лѣшь въ Конспаншинополѣ, обѣдалъ онъ тамъ всегда у иностранныхъ Министровъ и за лакомымъ ихъ столомъ забывалъ всѣ свои несчастія. Бывшій при Оштоманской Поршѣ Посланникомъ Графъ Дезаллеръ (comte des Alleurs), ѣдучи однажды въ загородный свой домъ, увидѣлъ недалеко отъ дороги въ лѣсу сидящаго подъ деревомъ челоуѣка, съ книгою въ рукахъ и въ самомъ глубокомъ размышленіи. Узнавъ, что это былъ Баронъ Зай, Графъ выходитъ изъ кареты, бѣжитъ къ нему и спрашиваетъ, что побудило его заняться чпеніемъ въ столь уединенномъ мѣстѣ? — «Давно уже, ошвѣчалъ Баронъ, далъ мнѣ въ Парижѣ одинъ прияшель записку, какъ приготоуляшь грибной соусъ; я пошерялъ ее и смотрю

шеперь въ поваренной книгѣ (Le Cuisinier Francais) нѣшь ли эшаго рецепша.,,

2.

Старый, безобразный и изуродованный злою оспою Докшоръ Леру (Legoux), похвасался однажды за обѣдомъ въ респораціи передъ своими прияшелями, что молодая и милоеидная его жена чрезвычайно его любить.—“Полно правда ли эшо?,, спросилъ его Аббашъ Ванень (Vanin). — Развѣ не видалъ шы, какъ она ласкаетъ меня, какъ цѣлуетъ мои руки? — “Эшо еще не доказательство, сказалъ насмѣшливый Аббашъ: цѣлуешь она у шебя руки върояш о пошому, что не можешь рѣшиться поцѣловать шебя въ лице.,,

3.

Пошелъ дождь. Молодой щеголь, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, укрылся въ подъѣздѣ Луврскаго дворца. Черезъ нѣсколько минушъ, когда уже сдѣлались лужи, прибѣжалъ шуда же какой-шо человекъ, довольно дурно одѣшый, но съ предлинною шпагою, и забрызгалъ у щеголя чулки грязью. Тотъ разсердился и замахнулся палкою, что бы ударить виновашаго; а виновашый обнажилъ шпагу и вышибъ у него изъ рукъ палку. Потомъ, бросивъ ему нѣсколько мѣлкихъ денегъ, оказалъ: “возьмите эшо, за-

плашите за мышье вашихъ чулокъ. Если бы у меня было сто луидоровъ, то я убилъ бы васъ и ушелъ за границу., — При сихъ словахъ побѣжалъ опъ него опромешью прочь.

4.

Докторъ Гейлинъ, сочинилъ *Всеобщаго Землеописанія*, заблудилъся однажды въ лѣсу со своимъ слугою въ нѣсколькихъ миляхъ опъ собшвеннаго своего дома въ Гампширѣ. Наспунила уже ночь, а они не могли еще выбратъся на дорогу. — “Какъ же, сударь, сказалъ слуга, сдѣлали вы описаніе земнаго шара, когда не знаете опыскашь дороги въ шрехъ миляхъ опъ вашего дома?,,

5.

Въ одномъ собраніи липшператоровъ спросили ученаго Дасье: *кто лучше, Гомеръ или Виргилій?*—Фоншенель, не давъ времени переводчику *Иліады* опшѣчать, сказалъ: “Гомеръ лучше *цѣлыми двумя тысячами лѣтб.*,,

6.

Одинъ прагическій спихопворецъ, въ ожиданіи ренешіціи своей піэсы, расхаживалъ большими шагами по сценѣ и безпреспанно вкругъ себя озирался. — “Что шы дѣлаешь?,,—спросилъ его прияшель.—*Снимаю лѣрку съ новой Трагедіи*—опшѣчалъ онъ.

7.

Чекко и Дантѣ, современные писатели, часто спорили между собою о разныхъ философскихъ предметахъ. Однажды зашелъ у нихъ споръ о томъ: *сильнѣе ли искусство природы?* Дантѣ утверждалъ, что сильнѣе, а Чекко думалъ объ этомъ совсемъ иначе. Первый, въ подтвержденіе своего мнѣнія, приводилъ примѣръ коша, копораго приучалъ онъ, споя на заднихъ лапкахъ, держашъ передними свѣчу въ по время, когда самъ ужиналъ, или чиналъ. Чекко полюбопыпшвовалъ видѣль это, и Дантѣ на другой же день вечеромъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. Лишь только Чекко пришелъ къ нему, ученый кошъ, по повелѣнію хозяина, спалъ на заднія лапки и взялъ въ переднія свѣчу; но лукавый гость, принесшій съ собою въ плашкѣ двухъ мышей, выпустилъ ихъ на полъ—кошъ бросилъ свѣчу и побѣжалъ за ними. Дантѣ принужденъ былъ опшшупишься опъ своего мнѣнія и признашъ себя побѣжденнымъ.

8.

Одинъ Неаполишанскій дворянинъ выдержалъ четырнадцашъ поединковъ, утверждая, что Дантѣ лучше Аріоста. На послѣднемъ былъ онъ смершельно раненъ и признался передъ своею кончиною, что никогда не чинывалъ ни шого, ни другаго.

9.

Въ 1734 году представляли въ Парижѣ первый разъ Лабрюероу *) Комедию: *Недовольные*. Піеса оканчивалась диверсиссементомъ, для котораго сдѣлалъ музыку Муре (Mouret). Въ заключеніе всего пѣли остроумные и весьма извѣстные куплеты, въ коихъ послѣдніе стихи были слѣдующіе:

Et voila comme

L'homme

N'est jamais content **).

Славная Актриса дѣвица Данжевилъ, которая уже нѣсколько лѣтъ принята была на театрѣ, имѣла блистательную ролю въ этой піесѣ и очень много способствовала къ ея успѣху прекрасною своею игрою. Когда при концѣ представленія пропѣла она свой куплетъ, публика засмѣяла ее повспорить его. Нѣсколько молодыхъ шулуновъ хохотали было, что бы она пропѣла въ третій разъ и подняли преужасный шумъ. Умная и любезная актриса, обращаясь къ зрителямъ, пропѣла только послѣдніе три стиха:

Et voila comme

L'homme

N'est jamais content.

(Изъ разныхъ иностранныхъ Журналовъ.)

~~~~~

*) par la Bruere.

**) Вошь какъ люди никогда не бываютъ довольны!

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XXXIII и XXXIV.

МИЛЬТОНЪ .

Открывая *Потерянный Рай* Мильтона, мы чувствуемъ себя перенесенными вдругъ въ какой-то міръ невидимый, чувствуемъ себя окруженными существами небесными и адскими духами. Удивительно то, что Мильтонъ, воспользуясь нѣкоторыми случаями Св. Писанія, могъ составить столь правильную во всей полнотѣ своей Эпическую Поэму и вмѣстѣ сдѣлать ее столь разнообразною, умѣя всегда съ искусствомъ перемѣнять сцену дѣйствія, происходящую то на землѣ, то на небѣ, то въ пропасти ада.

Говоря о характерахъ, Аддисонъ утверждаетъ, что не надобно искажать героя въ *Потерянномъ Раѣ*. Предположеніе ложное: Эпопея не можетъ существовать безъ такого лица, къ которому бы не стремились всѣ обшпоятельствва, всѣ случаи Поэмы. И такое лицо представляешь Адамъ. Не прошивъ него ли вооружился

Адъ и Небо для защиты? Не въ судьбѣ ли Адама, чипашель беретъ участіе, ожидаешь съ неперпѣніемъ развязки и вмѣстѣ спрашишься скоро ее увидѣшь?

Сапана такъ же одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ *Потерянномъ Раѣ*. Высокомѣріемъ своимъ производилъ онъ въ продолженіи всей Поэмы удивительную прошивуположенность съ невинностью и чистотою нравовъ прародителей нашихъ. Характеръ Сапаны, равно какъ и характеры его сподвижниковъ, живѣе описованы въ ихъ рѣчахъ. Мильстонъ не слѣдовалъ общему понятію о духахъ адскихъ. Сапана мужественъ и вѣренъ своей дружинѣ; имѣетъ нѣкопорыя добрыя качества: ибо при видѣ сихъ невинныхъ созданій Адама и Евы, копорыя чрезъ нѣсколько времени сдѣлаюцца его жертвою, онъ соспрадаешь объ нихъ и оправдываетъ ихъ погибель собственнымъ своимъ положеніемъ *). Жаль, что мы не

---

*) Однако же надобно замѣпить, что самый характеръ Сапаны не вездѣ выдержанъ: онъ употребляетъ какія хипроспи, копорыя совершенно не свойственны его

находимъ таковаго разнообразія въ характерахъ Ангеловъ, хотя дѣйствующихъ всегда съ достоинствомъ. — Только нѣкоторыя изъ нихъ опшѣнены рѣзкими чертами. Намъ нравится крепость и повиновеніе Рафаила, величіе Михаила, и непоколебимая преданность Абдіила.

Какъ въ изображеніи адскихъ духовъ, такъ и въ изображеніи самаго Ада, Мильпонъ превзошелъ Гомера и Виргилія. Рѣка Леша, одинъ изъ прелестнѣйшихъ вымысловъ Мифологіи, дѣлается у Мильпона вымысломъ блистательнѣйшимъ. Сіи Ангелы возмутишели хотяшь испить изъ нее забвеніе прешерпѣнныхъ ими бѣдъ-

---

характеру, споль гордому и высококомѣрному: въ раю онъ дѣлается низкимъ шпіономъ. Не такъ дѣйствуетъ Армида въ Тассѣ: она хочеть привлечь къ себѣ знаменитыхъ христіанскихъ воиновъ, заманишь ихъ въ свои сѣти; но средствами, такъ сказать, благородными; нѣтъ ни одного поступка, ни одного движенія ея, которое бы можно было опорочить. Она вездѣ дѣйствуетъ сообразно со своимъ достоинствомъ, со своимъ назначеніемъ.

спивій; но волна бѣжитъ опъ ихъ воспла-
 мененныхъ успъ . Ужасный образъ про-
 шедшаго слѣдуетъ за ними и въ самое
 вѣчное ихъ жилище, и шемъ усугубляешъ
 ихъ мученія. Впрочемъ справедливо упре-
 кають Мильтона, что онъ предспавиль
 сихъ Ангеловъ возмущенелей въ счасп-
 ливомъ соединеніи, и Имперію Сашаны,
 какъ образецъ государспвамъ, сравнивая
 оную даже съ республикою пчель; но ка-
 жешся, какъ замѣчаютъ многіе криптики,
 онъ долженъ бы былъ предспавить ихъ
 раздираемыхъ междуусобіемъ, упрекаю-
 щихъ самихъ себя, обвиняющихъ другъ
 друга въ злодѣйствахъ и злополучіи, что
 дополнило бы каршину всѣхъ ужасовъ
 Ада *) .

---

*) Почему Мильтонъ не предспавиль
 ихъ, подобно Адаму и Еввѣ, послѣ ихъ па-
 денія; они обвиняють другъ друга: вошъ
 уже первое начало раздора, какъ слѣдствіе
 порока. Адамъ осыпаетъ упреками Евву, Евва
 упадаетъ къ ногамъ его; обнимаешъ его ко-
 лѣна, спараясь шемъ смягчить гнѣвъ раз-
 драженнаго супруга. Каршина умилишельная!
 Никогда еще раскаяніе и супружеская лю-
 бовъ не выражались столь прогашельнымъ
 и нѣжнымъ языкомъ.

Если говоришь о красопахъ, въ изобиліи находящихся въ *Потерянномъ Раѣ*, то одинъ опривокъ, въ копоромъ Адамъ рассказываетъ первыя ощущенія бытія, своего выше всякой похвалы. Адамъ пробуждается въ первый разъ, не зная откуда произошелъ, и въ какихъ мѣстахъ находишься; онъ бросаетъ взоръ свой на сводъ небесный, обращается ко всѣмъ существамъ его окружающимъ, спрашивая чьимъ могуществомъ, какою властію онъ созданъ? Мысль новая, оригинальная, досшойнаякиспи Мишель-Анжа и Корреджіо! Ева заснула на цвѣточномъ дернѣ; пробуждаясь, видитъ свой образъ въ прозрачной водѣ; упоенная воспоргомъ, думаетъ что нашла подобное себѣ существо. Конечно Мильпонъ подражалъ здѣсь Овидію, но соблюлъ болѣе правдоподобія. Ева обманулась, но она еще ничего не видала, и попому обманъ ея естешественнѣе, нежели Нарцисса у Овидія. Пѣвецъ *Потерянаго Рая* умѣлъ опшѣнить характеры обоихъ супруговъ: Ева одарена красотой, добродушіемъ; Адамъ — мужествомъ, силою, благородствомъ. Ева привлечена журчаніемъ свѣтлаго ручья.

Адамъ созерцаешь величество неба. Оба изгнанные изъ рая сохраняють поже различіе въ характерахъ. Ева, оставляя рощи Едема, сожалѣеть о брачномъ ложѣ и о цвѣтникахъ, собственными ея руками насажденныхъ; Адамъ соболѣзнуешь что лишень присущствія Бога. Всѣ почти Эпическіе стихотворцы изображали любовь, какъ спрашь — Мильшонъ изобразилъ ее, какъ добродѣтель. Какъ приятны и нѣжны разговоры сихъ первыхъ супруговъ! Ева видѣла сонъ, который приводитъ ее въ нѣкопорый ужась. Адамъ спараеися успокоить ее.—Не могу утерпѣть, что бы не выписашь сихъ прекрасныхъ стиховъ, въ превосходномъ переводѣ Г. Делиля :

A ces tendres accents de sa voix consolante
 Elle (Eve) sourit, mais laisse échapper de ses
 yeux
 Deux larmes qu'elle essuie avec ses beaux
 cheveux;
 Dans l'humide cristal de ses yeux pleins de
 charmes,
 Adam surprend encore deux précieuses larmes.
 Un baiser les arrête au moment de sortir
 Il recueille ses pleurs, doux fruits du repentir,

Interprets d'un coeur delicat et sublime ,
 Qui connaît le remords, sans connaître le crime.

Послѣдній стихъ удивительно какъ изображаетъ всю невинность и просо-душіе Еввы.

Главное достоинство Мильтона заключаеиъ въ высокости его мыслей: въ семь случаѣ онъ превосходитъ Виргилія и уступаетъ развѣ одному только Гомеру. Описаніе Ада, явленіе Сатаны, совѣщанія вождей адскихъ, бѣгство Сатаны чрезъ Хаосъ — суть картины смѣлыя и величественныя. Гомеръ, какъ замѣчаютъ нѣкоторыя крипики, увлекаетъ насъ силою мыслей своихъ; какое-то спокойное величіе царствуетъ въ Поэмѣ Мильтона. Высокое Гомера виднѣе въ изображеніи самыхъ дѣйствій; высокое Мильтона—въ предметахъ удивляющихъ воображеніе.

Нѣкто сравнилъ Поэму: *Потерянный Рай* Мильтона съ воспѣтымъ въ ней героемъ, который, имѣя образъ и подобіе Бога, въ то же время есть гнѣздилище спраспей и пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ Поэма сія, исполненная красотою не-

обыкновенными, имѣешь много недоспапковъ и вообще много погрѣшностей пропиву вкуса. Не говорю уже о компасѣ, которымъ Богъ означаешь окончности міра; не говорю и объ огнестрѣльныхъ орудяхъ *); но спрашиваю, какимъ образомъ бой Ангеловъ могъ бытъ до того сомнипелень, что надлежало явишься Сыну Божію, дабы низпровергнушь Сашану и его дружину? И какимъ образомъ Сашана, уже заключенный въ самыхъ кипящихъ пропастяхъ Ада, приходитъ въ Рай, обма-

---

*) Конечно сіе адское изобрѣшеніе можетъ бытъ приписываемо Сашанѣ; но неизвѣстность онаго болѣе произвела бы дѣйствія въ легіонахъ какихъ либо дикихъ народовъ, при открытіи и завоеваніи новаго свѣша, ибо сіи дикари, увидѣвши первый разъ корабли, несущіеся по волнамъ Океана, содрогнулись, думая, что къ нимъ лешашъ ужасныя пшицы, дошолъ имъ невѣдомыя и гошовыя поглотитъ ихъ. Какъ бы прекрасно ни было описано дѣйствіе мушекъ и удивленіе Ангеловъ; но всегда останешся страннымъ то, что сіи существа духовныя, безшѣлесныя, могли сражашься оружіями, употребляемыми простыми смертными.

нывается Ангела, спража онаго, и скрывается опъ него изъ виду?—Слогъ Мильтона вообще испещренъ словами, часно шехническими; уподобленіями, взяпыми всегда изъ Миѳологіи, изъ Исторіи, на примѣръ: когда Сатана льспивыми словами своими хочеть заманишь и прельспишь Евву, шо Спихопворецъ уподобляетъ его Цицерону и Демосѳену. Мильтонъ въ семь случаѣ пакже заплашилъ дань своему вѣку. Въ его время неумѣстное щегольство ученосшью считалось достоинствомъ въ сочиненіи, и пошому неудивительно, что мы часно видимъ въ нёмъ не поэта, но ученаго теолога, натуралиста, или физика.

Заклучимъ, что Гомеръ и Виргилій образовали Тасса; Мильтонъ же образовалъ самъ себя. Вотъ лучшая похвала, копорую можно ему сдѣлать!

А. Н—в.

~~~~~

ПРИВИДѢНІЯ.

Повѣсть.

Графъ Люневилль, старый драгунскій Капитанъ, посѣдѣвшій въ воинскомъ станѣ, безпрестанно спорилъ съ двоюроднымъ своимъ братомъ, Барономъ Никесомъ, который вѣрилъ мершвецамъ, утверждалъ даже, что видаль ихъ, и почиталъ за великій грѣхъ смѣяться надъ ними, что очень часто дѣлалъ почтеннѣйшій его братецъ. Графъ доказывалъ, что мершвые не могутъ выходить изъ могилъ; что онъ собственною своею рукою опровергалъ на погребъ свѣтъ нѣсколько неприятелей, во время войнъ Ганноверскихъ, и что ни одинъ изъ нихъ еще не приходилъ къ нему отомстить за свою смерть. Баронъ, воспитанный двумя суевѣрными пещушками въ отдаленной деревнѣ и переселившійся отъ нихъ въ собственный свой замокъ, отъ котораго не удалялся далѣе какъ на три мили въ окружности, вѣрилъ всѣмъ вздорнымъ сказкамъ, которыми набили ему въ малолѣтствѣ голову. Существованіе мершвецовъ казалось ему шемъ несомнѣннѣе, что не-

далеко отъ древняго его замка, находились еще развалины небольшой церкви, гдѣ по мнѣнію всѣхъ окрестныхъ поселянъ, въ такомъ множествѣ являлись духи, что никто не смѣлъ подойти къ этому мѣсту. Рассказывали сверхъ того, что какой-то иностранецъ, вздумавъ осмотрѣть эти развалины и дерзнувъ сойти въ погреба древней церкви, пропалъ безъ вѣсти. Эта молва утвердила Барона еще болѣе въ его мнѣніи. Онъ называлъ двоюроднаго своего брата нечестивцемъ, богоульникомъ, а Графъ еще пуще издѣвался надъ его легковѣріемъ. Сохраняя должное уваженіе къ мертвымъ и предметамъ священнымъ, Люневилль имѣлъ еще въ себѣ поэтъ отважный воинскій духъ, который любилъ забавляться вещами необыкновенными. Не ожидая, что бы съ нимъ случилась какая нибудь опасность при посѣщеніи развалинъ церкви, и желая доказать прусливому своему братцу, что шамъ нѣтъ мертвецовъ, захопѣлъ самъ осмотрѣть эти руины. Баронъ, какъ можно предсказать себѣ, во все не имѣлъ желанія сопровождать его; онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, что бы оп-

вращишь Графа опъ споль опважнаго предприяшя; но Люневилль не былъ изъ числа такихъ людей, кошорые легко перемѣняють свои намѣренія. Посмѣявшись довольно надъ прусоспью своего двоюроднаго бранца и сказавъ ему, что приѣхаль въ его замокъ на двѣ недѣли не для шого, что бы слушашь его поученія, а что бы прияшно провесипи время, опсправился одинъ къ церкви. Съ факеломъ въ рукѣ достигъ онъ, хопя и не безъ штруда, до входа въ погребъ, спуспился въ него по изломанной и вешхой лѣспницѣ и прошель шри пещеры. Въ послѣдней спояла спарая гробница; надъ нею, въ горизонтальномъ положеніи видна была обезображенная спашуя воина, а въ одномъ углу обширнаго эшаго подземелья было опшверспіе, кошораго Графъ сначала не замѣшилъ. Оно вело подъ большой сводъ, куда и направиль онъ шаги свои. Длинный, подземный ходъ оканчивался лѣспницею, ведущею къ двери: она не долго сопротивлялась усиліямъ Графа; предспавыше же его удивленіе, когда онъ очуспился въ сараѣ, примыкающемъ къ кухнѣ замка! Эшо опспкрышіе досспавило ему

шемъ болѣе удовольствія, что онъ гораздо скорѣе надѣялся преклонить брата, слѣдовавъ за нимъ въ погреба старой церкви и излѣчить его отъ страха, производимаго въ немъ привидѣніями.

Баронъ чрезмѣрно обрадовался, увидя Графа, котораго почиталъ уже погибшимъ. Съ величайшимъ вниманіемъ выслушалъ онъ повѣсть о подземномъ путешествіи и опасался, что бы мерзавцы не зашли къ нему изъ подземелья въ кухню. Люневилль успокоилъ его, приглашалъ идти вмѣстѣ съ собою въ пещеры и увѣрялъ, что послѣ двухъ, или трехъ подобныхъ путешествій, неосновательная его боязнь исчезнетъ. Баронъ пыпался было идти, но страхъ оспановилъ его.

Около этого времени умеръ главный лѣсничій Барона Никеса. На свободное и доходное послѣ него мѣсто было много охотниковъ. Оно сдѣлалось еще завиднѣе, когда узнали, что счастливый преемникъ лѣсничаго получитъ сверхъ того руку милой Лаурешты, дочери покойнаго и крестницы Барона, за которою даетъ онъ въ приданое тысячу ефимковъ. Изъ

многихъ искапелей, Лаурешша опличчала Виктора, сына Мапурина, богашаго арендашора. Но судьбѣ, копорой опредѣленія такъ часпо испытываюпть на себѣ любовники, угодно было, что бы шопъ, копорый пришелся сполько по мыслямъ Лаурешшы, не былъ способенъ для занятія ваканшнаго мѣсна. Для эшаго требовалось имѣть двадцать пять лѣтъ ошроду, а Виктору было не болѣе двадцати двухъ. Какое для него несчастіе и какъ преодолѣшь это запрудненіе! Увидимъ. Любовь такъ изобрѣшашельна на выдумки!

По спаринному обыкновенію, успановленному предками Барона, избраніе въ лѣсничіе зависѣло ошъ приговора прехъ спрогихъ судей, назначаемихъ владѣльцомъ изъ самыхъ спарыхъ арендашоровъ округа. Они разсашривали нравственый характеръ и способности кандидаша. Не возможно было ошмѣнить шопъ доспойный уваженія обычай; но Графъ Люневиль насшолялъ, что бы новый лѣсничій, сверхъ пребуемихъ ошъ него качесшвъ, имѣлъ также необходимо нужное для сей должносши мужесшво и прежде всего былъ въ ономъ испшпанъ. Какъ спарый служивый пре-

доспавиль онъ себѣ право сдѣлать въ эпюмъ каждому кандидату испытаніе. Новое условіе, при барабанномъ боѣ, объявлено во владѣніяхъ Барона. Робкіе искатели не пожелали извѣдать своего счастія; молва объ эпюмъ, переходя изъ устъ въ уста съ прибавленіемъ, возвѣстила, что они опказываючися опъ своихъ преребованій; явилось только прое охотниковъ. Одинъ ихъ нихъ Монсъ Гриппонно, старый придверникъ судейской камеры, опспавленный опъ мѣста, и нажившій при эпой невыгодной должности небольшой капиталъ и нѣсколько десятиинъ земли, думаль, что молодая, хорошенькая жена и тысяча ефимковъ могутъ украсить преклонныя его лѣта; онъ размышляль пакже о снранномъ испытаніи, кошорымъ угрожали соискателямъ. “Если эпо испытаніе, сказалъ онъ самъ себѣ, должно состоянъ въ нѣсколькихъ палочныхъ ударахъ.. правда, хуже эпого ничего не можеть бытъ; но... я уже привыкъ къ нимъ.. — Другой, извѣстный по своей неуспрашимости, былъ старый скряга, большой лихоимецъ и корчемникъ, оболащившійся продажею

дурнаго вина, особенно же процентами съ денегъ, дославшихся ему въ наслѣдство ошь прехъ покойныхъ его жень. Старый Ришардь (такъ называли его) хошѣль и въ четвершый разъ женишься не пошому однако же, что бы онъ плѣнился прекрасными глазками Лаурешшы, а для того, что бы присоедишшь тысячу ефимковъ къ своему капиталу, спрѣляшь по собственному произволу дичь въ лѣсахъ Барона и запрещашь, или позволяшь это за деньги другимъ. Блондинешъ, прешій состязашель, былъ простой чебошаръ, но въ деревнѣ выдавалъ себя за башмачника. Онъ имѣль собственный свой домикъ съ небольшимъ садомъ и нѣскольکو луговъ; но какъ ремесло его шло довольно плохо, шо и хошѣлось ему получить шакое мѣсто, кошорое обеспечивало бы его хошя небольшимъ, но вѣрнымъ доходомъ. Впрочемъ былъ онъ молодъ и живъ: пригожая и молодая невѣста шолько же ему нравилась, какъ и богатое ея приданое.

Каждому изъ сихъ прехъ состязашелей Графъ назначиль свиданіе съ собою въ саду, и когда пришель шуда старый

Ришардъ, шо онъ спросилъ его: “въ соспо-
 янїи ли ты перенести опасное испыта-
 ніе, для полученія руки Лаурешты?,, —
 Надѣюсь, Ваше Сіяшельство. Но въ чемъ
 дѣло? — “Знаешь ты развалины старой
 церкви, сзади, по лѣвую сторону замка?
 —Знаю, Ваше Сіяшельство.—“Ишакъ слу-
 шай: съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ,
 въ нарочно приготоленномъ мною для
 тебя плащѣ, ровно въ одиннадцать ча-
 совъ отправись ты къ развалинамъ; сой-
 дешь съ лѣспницы, и дошедши до прѣпѣ-
 ей пещеры, увидишь тамъ гробницу, на
 копорой лежишь старая шапуга; спи-
 хни ее съ памяшника и лягь самъ на ея
 мѣсто въ такомъ же почно положе-
 нїи, копорое далъ ей художникъ. Чув-
 ствуешь ли ты въ себѣ сколько муже-
 ства, что бы исполнишь мое прика-
 заніе и пролежашь на гробницѣ до раз-
 свѣта!,, —Если только въ этомъ дѣло, шо
 опивѣчаю за себя.—“Я долженъ однако же
 предупредить тебя, старый, Ришардъ, что
 шапуга, копорой мѣсто заспунишь ты,
 изображаетъ древняго обладателя замка,
 въ припадкѣ ревности заколовшаго жену
 свою., —Темъ хуже для него. Мнѣ же ка-

кая до эшаго нужда?—Конечно никакой; но увѣряюшь, что пѣнь эшой несчастной всякую ночь являешся въ пещерахъ и исполнешъ возлѣ гроба, заключающаго въ себѣ бранные остатки несправедливаго и безчеловѣчнаго супруга.,—Чоршь возьми! эшо ужь не шутка!...но такъ и бышь; иду.—“Твердо рѣшился шы?., — Въ одиннадцать часовъ непременно буду въ пещерахъ, и Ваше Сіятельство увидите, что я не трусливаго десяшка.—“Ипакъ въ одиннадцать часовъ? Прощай.,—Спарый Ришардъ удалился и чрезъ пять минутъ послѣ шого пришелъ Блондинешъ. Графъ Люневилль, такимъ же почно образомъ описавъ пещеры и эшому кандидашу, велѣль ему придти шуда въ одиннадцать часовъ съ половиною, въ назначенной для него бѣлой одеждѣ, и сказалъ, что бы въ эшомъ костюмѣ провелъ онъ всю ночь у гробницы, не показывая ни малѣйшаго страха. Смѣльчакъ согласился на все условія и раскланялся съ Графомъ, заблаговременно поздравляя себя со счастливымъ успѣхомъ. Мѣсто Блондинеша засшупилъ Монсъ Грипонно. Графъ увѣдомилъ его, что какая шо неизвѣстная

женщина, которую почитаютъ духомъ, всякую ночь проводишь въ пещерѣ церковной подлѣ гроба, гдѣ почиваюшь оспашки ея любовника; что испытаніе, которое хочешь онъ сдѣлать его мужеству, состоишь въ томъ, что бы ровно въ полночь сошелъ онъ въ погребъ, въ приготовленномъ для него спраннымъ нарядѣ, и оспался бы въ этомъ мрачномъ убѣжищѣ до разсвѣта, сохраняя хладнокровіе неуспрашаемаго человѣка. Грипонно на минуточку колебался; но тысяча ефимковъ и Лаурешша мелькнули въ его головѣ, и онъ обѣщаль все, чего требоваль отъ него Графъ. Нѣтъ нужды присовокуплять, что Люневилль взялъ съ каждаго изъ сослѣзашелей кляпшу, никому не открываешь предпринимаемаго ими тайнаго намѣренія. Лишь только ушелъ Монсъ Грипонно, какъ показался и Баронъ Никесь. Графъ сказалъ ему, что все идешь по ихъ желанію, что имъ оспашается теперь выпашить изъ кладовой часъ костюмовъ, служившихъ нѣкогда для представленія комедій въ замкѣ, и они немедленно опправились шуда, что бы сдѣлать необходимо нужныя при-

гоповленія къ спранному зрѣлищу, копорое обѣщало презабавную развязку.

Баронъ и Графъ, раздавъ костюмы и повшоривъ насшавленія премь соперникамъ, каждому особенно, около десяти часовъ вечера отправились въ пещеры, въ сопровожденіи спарыхъ арендашоровъ, копорые должны были произнести безприсраспный приговоръ о доспоинспвѣ кандидашовъ. Нѣскольго словъ заспавило ихъ почти догадаться, какого рода будетъ испытаніе. Что бы сдѣлаться невидимыми свидѣшелями пригоповленной сцены, Графъ помѣспился съ ними въ опверзспіе, копорое длиннымъ подземнымъ ходомъ вело къ сараю замка, и укывшись за спарыми ширмами, прежде шуда посшавленными, начали ожидать въ шемношѣ прибышя дѣйспвующихъ лицъ.

На башнѣ замка ударило одиннадцашь, и вдругъ внезапный свѣшъ показался при входѣ въ пещеры. Спарый Ришардъ, одѣшый въ шощь самый нарядъ, копорый служилъ нѣкогда Командору въ *Festin de Pige*, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ, шель медленными шагами. — Внимашельно, но

не безъ смущенія осмошрѣвъ это печальное жилище, приблизился онъ къ гробницѣ, обошелъ ее кругомъ и поставилъ факель на землю; потомъ, просянувъ шрепещущую руку къ спашуѣ и успокоясь ошъ перваго спраха, шолкнулъ ее: она полешѣла съ памятника. Послѣ этого подвига, взялъ онъ факель, бодро взлѣзь на гробницу, растянулся на ней, приноравливаясь, по возможности, къ положенію сверженной имъ фигуры и погася факель, бросилъ его въ уголь. До сихъ поръ шарый Ришардъ очень хорошо слѣдовалъ даннымъ ему наспавленіямъ; но чрезъ нѣсколько минушъ являешся Блондинешъ. Въ бѣломъ, женскомъ одѣяніи, съ предлиннымъ на лицѣ вуалемъ изъ рѣдкой кисеи и со скелетною своею шолщиною, походилъ онъ очень на привидѣніе. Въ двухъ шагахъ ошъ шого скрышнаго мѣста, гдѣ находились зришели, поставилъ онъ фонарь и положилъ какой-шо большой узель, о которомъ не было упомянушо Люневиллемъ, что и заспавило ихъ дѣлашъ догадки. Гробница находилась на другомъ концѣ пещеры и слабо освѣщалась фонаремъ, принесеннымъ Блонди-

непомь. Съ замѣпною боязнію направиль онь шаги свои къ ней; однако же имѣль еще столько силы, что два раза прошель подлѣ мавзолея, испуская тяжелые вздохи. Окончивъ эпомъ пятоспный шрудъ и почипая себя обезпеченнымъ въ успѣхѣ, возвратился онь на то мѣсто, гдѣ былъ фонарь. Тамъ лежали два большіе камня. Блондинешъ сѣль на одинъ изъ нихъ, а другой употребивъ вмѣсто спюла, положиль на него принесенный имъ узель и началъ его развязывашъ. Какъ судиль объ удивленіи Графа, Барона и арендашоровъ! Чипапели помняшъ, что Блондинешъ былъ башмачникъ. Для шого ли, что бы разсѣяшъ свой спрахъ, или чтобъ не пошеряшъ напрасно времени, вздумаль онь принести начашый имъ башмакъ, черный горшокъ, ремень, молококъ, однимъ словомъ: весь свой ремесленный скарбъ. Зришели едва могли удержашься ошъ смѣха, когда эпомъ чудакъ принялся за работу. Пока шло все очень хорошо; но вдругъ спарый Ришардъ, дрожа столько же ошъ холода, сколько и ошъ спраха, началъ громко кашляшъ. При эпомъ нечаянномъ шумѣ, ремень и шило

выпали изъ рукъ Блондинеша. Онъ обращаетъ взоры свои къ гробницѣ, внимательно слушаетъ — и ничего не слышитъ. Глубокая тишина ободряетъ его не много, и онъ начинаетъ уже думать, что слухъ обманулъ его, какъ на башнѣ ударило двѣнадцать. Въ ту же минушу послышался отдаленный шумъ шаговъ на лѣспницѣ. Блондинешу показалось, что хопящъ посмопрѣшь, шупъ ли онъ, а попому собравъ и закрывъ свои снаряды и погася фонарь, спалъ насупрошивъ мавзолея. Но какая перемѣна сцены! Огромной величины чоршъ, помахивая двумя зажженными факелами, съ грозными на лбу рогами и влача подлѣ себя длинную цѣпь, спрашнымъ образомъ началъ кричать въ пещерѣ: эшо былъ Монсъ Грипонно. При семъ зрѣлицѣ спарый Ришардъ запрепешалъ, а Блондинешъ думая, что уже пришелъ послѣдній его конецъ, внѣ себя отъ спрахъ отступилъ въ уголь. Но и Грипонно не болѣе имѣлъ мужешва; однако же, въ доказательство своей неуспрашимости, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Спарый Ришардъ уже не въ соспоянїи былъ пеперь пришворяться, и

забывъ роль свою, вспалъ и сѣлъ на гробницѣ. Грипонно думаетъ, что осквернилъ убѣжище мертвыхъ, ибо видитъ одного изъ нихъ воскресшимъ; Блондинетъ и старый Ришардъ видятъ также мертвеца и чорна со связками въ рукахъ: ужасъ былъ неописанный; всякій спарается искашь спасенія въ бѣгствѣ. Всѣ шрое бѣгутъ ко входу въ пещеры, шолкаютъ другъ друга и шеряютъ послѣдній умъ... Вдругъ послышался ударъ грома. Черное, огромное спрашилище, съ ужаснымъ и пылающимъ въ огнѣ лицомъ, явилось на сцену. Несчастные кандидаты почидаютъ себя совершенно погибшими, безъ памяти падаютъ на землю и шребуютъ помощи. Графъ Люневиль и его спутники, вовсе не ожидая такого явленія, выскочили изъ подъ свода; но привидѣнне мановеніемъ руки ошановило ихъ и наложило на нихъ молчаніе; попомъ обратясь къ шрепещущимъ соперникамъ, грозно сказало имъ: "Негодяи! въ наказаніе за вашу шрусость, мнѣ должно бы было всѣхъ васъ задушить; но я дарую вамъ жизнь на слѣдующихъ условіяхъ: во первыхъ признайтесь, что вы совершенные шрусы, а во вторыхъ,

дайте клятву, что навсегда опречаетесь
опъ руки Лаурешшы и опъ мѣста лѣс-
ничаго.,,

Монсъ Грипонно, Блондинетъ и спа-
рый Ришардъ, обѣщали все, что требова-
ло опъ нихъ спрашное привидѣніе; толь-
ко бы не сдѣлало оно имъ ни малѣйшаго
зла.—“Хорошо! вспанъше, прощаю васъ!,,
—опвѣчала грозная фигура. При сихъ
словахъ сбросила она съ себя прозрачную
маску и одѣжду, и всѣ узнали— Викшора.

Надобно шеперь сказаць, что случай
привель Викшора въ садъ, почно въ то
время, которое назначено было Графомъ
для свиданія со спарымъ Ришардомъ. Со-
крышый густошою древесныхъ лиспьевъ,
подслушалъ онъ весь разговоръ Графа съ
шремя своими соперниками и съ Баро-
номъ Никесомъ. Опъ эшаго родилась въ
немъ счастливая мысль; въ воспоргѣ по-
бѣжалъ онъ къ Лаурешшѣ и увѣдомилъ ее
о своемъ планѣ, кошорый, прибавя неожиданное
лице въ комедіи насшупавшей но-
чи, долженъ былъ разрушитъ всѣ препяш-
спвія, прощивополагаемыя его счастію.
Косшюмъ же взялъ онъ у деревенскаго
судьи.

Старые арендашоры не соглашались было признашь Виктора, по причинѣ его молодости, побѣдишелемъ; но присущіе его ума обворожило Графа: онъ настаивалъ, что бы молодому человѣку отдали преимущество, и эта забавная шутка доставила счастливому Виктору доходное мѣсто, тысячу ефимковъ и прекрасную жену, копорую любилъ онъ и копорую былъ любимъ взаимно.

Съ Франц.

Стансы Богу.

Къ Тебѣ, о Боже, возсылаю
Ошъ сердца благодарный гласъ;
Излишь всѣ чувшва я желаю
Въ сей для меня блаженный часъ.

*

Какъ цвѣшъ, росы благой лишенный,
Къ землѣ ошъ слабости припалъ:
Такъ я, болѣзнию изнуренный,
Полмершвыи на одрѣ лежалъ.

*

Въ болѣзни долго я помился,
Душей и тѣломъ я спрадалъ;
Я плакалъ, слабый, но молился ...
Тебя на помощь призывалъ.

*

Не тщетно возсылалъ моленье:
 Мой вопль услышалъ Ты съ небесъ;
 Послалъ мнѣ скоро исцѣленье —
 И я ошеръ пошоки слезъ.

*

О, какъ ничпоженъ предъ Тобою
 Добыча смерти — человекъ!
 Но правишь Ты его судьбою,
 Въ Твоемъ вѣльномъ крашкѣй вѣкъ.

*

Безумцы слабые! спрашишь
 На Всемогущаго ропшашъ;
 Его законамъ покорись —
 И вы не будете спрадашъ.

*

Господь насъ милуетъ, прощаетъ,
 Не помнишь нашихъ дѣлъ худыхъ;
 На всѣхъ щедроты изливаешь:
 На добрыхъ, равно и на злыхъ.

*

Но если вы въ умахъ надмѣнныхъ
 Иначе мыслише — и спрахъ
 Васъ не объемлешъ дерзновенныхъ,
 То вы исчезнете какъ прахъ!

Ив. Базилевскій.

Куплеты

на день тезоименитства ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, 5 Сентября 1825 года *).

Да здравствуетъ ЕЛИСАВЕТА,
Царица-ангелъ на земли!
Да здравствуетъ на многи лѣша!
ЕЕ, о Боже! исцѣли.

Моленію сердець внемли:
Царицу нашу исцѣли.

*

Да сильная ТВОЯ десница
Щишомъ въ пуши пребудеть ЕЙ!
Да возвратишя къ намъ Царица
Въ цвѣшущемъ здравіи скорѣй!

Моленье всѣхъ у алшаря:
“Спаси Царицу и Царя!”,

*

Спаси и весь домъ АВГУСТѢЙШІЙ,
РОМАНОВЫХЪ священну кровь:
Россіяне, народъ вѣрнѣйшій,
Храняшь къ Царямъ своимъ любовь.

Храни весь Царскій домъ, храни:
Блаженны будутъ наши дни.

И.

~~~~~

*) Пѣшы въ здѣшнемъ Бюргеръ-Клубѣ. См. *Сѣверную Пчелу*, № 109.

Ода Сафы.

Блаженъ кто близъ себя, кто дышетъ
лишь шобою,
 Кто съ восхищеніемъ шбой слышишь раз-
говоръ,
 Встрѣчаешь иногда улыбку, нѣжный взоръ.
 Возможно ли богамъ равняться съ нимъ
судьбою?

*

Я чувствую огонь по жиламъ пробѣгаешь,
 Объемлешь вдругъ меня, коль встрѣчусь я
съ шбой,
 И съ упоенною воспоргами душой
 Не нахожу я словъ и голосъ замираешь!

*

Туманъ въ глазахъ моихъ, я вся изнемогаю,
 Не слышу ничего и силъ не нахожу...
 Едва вздохнуть могу, блѣднѣю ... и дрожу...
 И чувствъ лишаяся—хладѣю—умираю!...

16 Сент. 1825.

Я..О..ій.

~~~~~

Весна.

Опять красотою весенней долины,
 Лѣса и дубравы цвѣтутъ ;
 Шумящія дръвь обновленныхъ вершины
 Подъ кровъ свой пришельца зовутъ ;
 Весеннее солнце въ лазури сіяетъ
 И юной природы красы освѣщаетъ.

*

Разрушивъ оковы дремавшаго воды,
 Плещая, чрезъ доли бѣгутъ ;
 Подъ тѣнью прохладной шумящъ хоромы
 И въ пѣсняхъ природу поютъ ;
 Веселія голосъ вездѣ раздается
 И радостный сердце печальное бѣжитъ.

*

Сижу здѣсь, внимая пошюка журчанью,
 Любуюсь весны красотою ;
 И дней пролетѣвшихъ давно воспоминаю
 Бесѣдуешь тайно со мной.
 Спокойно шѣ годы въ мечтахъ проше-
 кали:
 Ихъ счастья измѣны тогда не смущали.

*

Гдѣ свѣсплый источникъ чрезъ доли про-
 бѣгаетъ
 И сладко для сердца журчитъ,
 И тихимъ плесканьемъ свой берегъ ласкаетъ,
 И пушника взоры манишь,

Гдѣ холмъ средѣ долины спойшь оди-
нокой
И дубъ на вершинѣ чернѣешь высокой:

*

Тамъ нѣкогда въ дѣтствѣ, безопасно играя,
Я розовый кустъ посадилъ,
И съ каждой весною краснѣй разцвѣшая,
Онъ юноши взоръ веселилъ —
Свирѣпая буря его не сразила;
Въ залогъ воспоминанья шѣхъ дней со-
хранила.

*

Вотъ роща, гдѣ ранней скрываясь порою,
Я первую пѣснь воспѣвалъ,
Когда за далекой румяной горою
Свѣшилникъ свой день зажигалъ,
Туманы къ лазури когда ошлепали
И пѣсни перлашыхъ лѣса оглашали.

*

Здѣсь быспро промчались мои наслажденья,
Забавы младенческихъ лѣтъ;
Сокрылись надежды — души сновидѣнья,
Погасъ оболъшипельный свѣтъ —
Но сладко, на прахъ погибшихъ желаній,
Предашься спремленью унылыхъ мечтаній.

*

О рощи родныя! меня принимайте
Подъ кровъ сихъ зеленыхъ вѣшвей,
И мирною пѣнью пѣвца укрывайте

Опъ бури свирѣпой спраспей;
 Меня вдохновеньемъ крылашымъ дарите
 И дѣшснва забавъ вспомиананье храните.

А. Германъ.

~~~~~

Пѣсня.

1.

Другъ любезный, менаглядной,
 Радость сердца, свѣшь очей!
 Къ бѣдной, Дунѣ, безошрадной
 Возвратися поскорѣй.

2.

Безъ шебя она вздыхаетъ:
 Нѣшь покоя на часокъ!
 Какъ цвѣшочикъ увядаетъ
 И желѣшетъ какъ лисшокъ.

3.

Возвратись, дружекъ прекрасный!
 Безъ шебя мнѣ жизнь горька!
 Очи дѣвушки несчастной
 Опуманила шоска!

4.

Безъ шебя я сна не знаю:
 Лишь засну — и вмигъ проснусь!
 Въ самомъ снѣ одно мечтаю:
 Скороль милаго дождусь?

5.

Обливаюся слезами! ...
 Безъ дружка души моей
 Дни мнѣ кажутся годами
 И весна — зимы скучнѣй!

6.

Мѣсяць, мнишся мнѣ, безъ свѣща,
 Солнце будпо безъ лучей,
 Роца въ зелень не одѣша
 И безъ пѣсень соловей!

7.

Въ люпой гореспи, всечасной—
 Друга жду, его зову:
 Возвращися, мой прекрасный!
 Возвращись — я оживу!

8.

И лице мое, другъ милой!
 Прежней краской разцвѣшешь,
 И слеза любви счастливой
 На швою грудь упадешь.

Оренбургъ.

П. Кудряшевъ.

Брату А. П. Б.

Проспи невольное души моей сомнѣнье:
 Увы! мой милый братъ! убишому судьбой
 Во всемя мечпашся холодное презрѣнье,
 Гоненіе и гнѣвъ судьбины роковой.
 Во цвѣтѣ дней моихъ, во цвѣтѣ наслажденья,
 Проспился я со всемя, чпо жизни можешь
 льспишь,
 И юности злошой блестящія видѣнья,
 Крыломъ своимъ меня не могушь осѣнишь.
 Ярмо, несомое спрададьцемъ съ колыбеля,
 Грузъ люшой гореспи, съ мученіемъ борьба
 Все уничтожили! и рано улешѣли
 Надежды милыя и милыя мечша.
 Скажи же, послѣ сихъ превращеностей же-
 спокихъ,
 И бывъ игралищемъ карающей судьбы,
 Проспишельно ли мнѣ, средь безднъ и рвовъ
 глубокихъ,
 Бояшься и мечпашь, чпо мнѣ невѣренъ шы?
 Но безыскусшвеннымъ и искреннимъ учасшь-
 емъ,
 Въ моихъ болѣзненныхъ волненіяхъ души,
 Ты силы мнѣ даешь веспи войну съ не-
 счасшьемъ,
 И безъ ропшанія я слезы лью въ пиши.

И. Балле.

Прощаніе съ сестрою.

Прощай, сестра!
 Въ пиши покойся
 Ты до утра:
 Мечшы не бойся.
 Забошы прочь
 Пусть удалишь
 Хаоса дочь;
 Пусть усладишь
 Твой крѣпкій сонъ,
 И долго, долго
 Пусть длился онъ.
 Когдажь надъ Волгой
 Начнешь блиспашь
 Лучь солнца ясной,
 Въ струѣ прекрасной
 Начнешь играшь—
 Свѣжа, здорова
 Ты пробудись
 И къ жизни новой
 Цвѣшкомъ явись.

И. Мезь.

ВЕЧЕРЬ У АРМЕЙСКАГО ПОРУЧИКА.

Быль.

Собравшись въ кружокъ на кварширѣ у Поручика К., сидѣли предъ пылающимъ каминомъ шесть молодыхъ офицеровъ и спаканами чаю запивали походные пруды.—Дымъ ошъ прубокъ, мѣшаясь съ паромъ ошъ самовара, какъ густый вечерній шумань, носился подъ пополкомъ и закрывалъ полупрозрачною пеленою лица гостей. Громъ рокошалъ, вѣперъ шумѣлъ и спекла пряслись; змѣями вилаась молнія на мрачномъ небѣ и изрѣдка освѣщала каршину осенней ночи. Дождь лился ручьями и спучалъ о вешкую кровлю.

“Вошъ насшоящая Радклифская ночь!”, — сказалъ молодой Ропмиспръ, смопря въ окно.

— Споишъ только вообразишь эшу комнашу — длинною галлереею со спольбами и фамильными поршрешами и эшу свѣчу — слабо - мерцающею лампадою — прибавиль М*. —

И еще къ дополненію каршины, подхвашиль Подпоручикъ засмѣявшись, при-

бавишь въ углу длинное привидѣнiе, въ длинномъ саванѣ, и вообразишь, что мы попали въ вертепъ разбойниковъ., —

— Смѣйтесь, друзья мои, прервалъ важно Поручикъ: случись въ самомъ дѣлѣ попасшь къ разбойникамъ, то я готовъ прозакладывашь своего Англинскаго жеребца, что всѣ вы дрожали бы, какъ листья, и никому бы не пришло въ голову засмѣяться. —

— “Вошь новоспъ, вскричалъ Реп-миспръ. Какъ, господинъ Поручикъ? Такой храбрый Офицеръ, копорый споинъ швердо и не блѣднѣя при громѣ пушекъ и при свиспяхъ пуляхъ надъ его головою, копорый видѣлъ смерть въ лице и не ужасался — и эшошь человекъ боишся разбойниковъ!.,

— Говорите, что вамъ угодно, господа, продолжалъ Поручикъ, бывающъ въ жизни весьма спранные случаи, и шемъ болѣе ужасные, чемъ они неожиданныѣ. — Мое сердце ничушь не сильнѣе бѣепся въ сраженiи — какъ и за чайнымъ сподикомъ; но когда я попался однажды къ

ужаснымъ разбойникамъ, по моему безспра-
шюе измѣнило мнѣ.—

“Гдѣ? — Какъ?,, посыпалось со всѣхъ
сторонъ — и Поручикъ принужденъ былъ
разсказать свое приключеніе. —

— Вы помните, началъ К., что я въ
прошломъ году ѣздилъ на родину.—

“Въ то время, какъ мы спояли на
Прусскихъ границахъ, возвратившись изъ
Парижа?,,—прервалъ Ротмистръ, вычищая
шрубку. —

— До самаго уѣзда Л, въ которомъ
наше сельцо, путь мой былъ очень при-
шенъ и ничего особеннаго не случилось.—

“А въ какой Губерніи?,, спросилъ Под-
поручикъ, подвигая свой спуль ближе къ
камину.

Да это все равно для тебя, вскри-
чалъ неперпѣливый Н.

— Въ Коспромской, отвѣчалъ Пору-
чикъ К. Вспунивъ въ помѣшья моей ма-
шущки, я оспановился въ деревнѣ предъ
однимъ домикомъ — закуришь шрубку.—

“Далеко ли до сельца Михайлова?,, спро-
силъ я у крестьянина? — Пятнадцатъ
верспъ полько, отвѣчалъ онъ, но стоящъ

придцати. — “Почему же шакъ?,” — Не-
 смирно, баринъ : въ окрешносняхъ хо-
 дить по лѣсамъ высокій разбойникъ и
 нападаетъ на проѣзжихъ; еще вчера на-
 шли шѣло убитаго дорожнаго; счастье
 ваше, что вы придете засвѣшло, а не
 шо, сохрани Боже! Мы обыкновенно удер-
 живаемъ ночевашъ запоздалыхъ ѣздаковъ.
 — Слова хозяина не произвели во мнѣ ни
 малѣйшаго впечатлѣнїя, да сверхъ того я
 очень надѣялся на свой пистолець и са-
 блю.—Пропушивъ все мимо ушей, заку-
 рить я трубку, завернулъ въ свой до-
 рожный плащъ, сѣлъ въ кибитку и поско-
 калъ.

Дорогою воображалъ я радость при
 моемъ появленїи. “Никшо меня не ожида-
 ешь: мапущка все еще думаетъ, что я
 на самомъ дальнемъ концѣ Европы; а
 брашь хощя и знаетъ, что я на границахъ
 Россїи; но ему и въ умъ не придетъ, что
 бы я шакъ скоро прикашилъ на родимую
 сторону—всѣ не думаютъ, не гадаютъ; а
 я, какъ духъ, явлюсь съ задняго крыльца.,,
 —Такъ мечшалъ я, вступая въ мѣста, быв-
 шїя колыбелью моего младенчества. —
 Какъ билось мое сердце при видѣ род-

ныхъ полей и роцей! Какъ сладко пѣли пшички въ милой опчизнѣ, и соловей свисталъ нрияпиѣ Дунайскаго. — Вошь деревня, куда хаживалъ я къ дряхлomu старичку; живѣ ли онъ? Какъ будешь радъ, я думаю, когда увидишь меня въ полномъ цвѣтѣ юности; вошь вдали показалась кровля, подъ копорою я увидѣлъ первый свѣтъ. —

Тихо было въ природѣ и въ моей душѣ; солнце кашилось къ западу; легкой сумракъ одѣлъ и луга и долины; опъ деревъ ложились длинныя тѣни. — Ожиданіе счастливой минушы свиданія наполняло мое сердце какимъ-то неизъяснимымъ восшоргомъ. Я хопѣлъ явишься неожиданно, поразить удивленіемъ и увеличить радощь; но при дневномъ свѣтѣ, по какому-то тайному влеченію и предчувствію, узнали бы меня служители и разстроили бы весь мой планъ внезапнаго явленія. Я ожидалъ сумерекъ. —

“Иванъ! — сказалъ я, выѣзая изъ повозки — поѣзжай ты напередъ и ошпановись на поспояломъ дворѣ; обо мнѣ ни слова, а если кто спросишь кто я, скажи, что Офицеръ ѣдетъ по дѣламъ въ

Казань. Смопри же непремѣнно; я самъ скоро приду и тогда дѣлай, что хочешь. — Понозка скрылась, и я шпихо побрель по дорогѣ.

Домъ моей машушки ошсшояль еще верспы на шпри, и я предполагаль прибышь шуда съ закашомъ солнца. — Въперъ не колыхаль вершинами деревъ и шолько шопонъ лисшьевь въ родимой роцѣ прерываль спокойшвие вечера и слышно было журчаніе знакомага ручья, капящагося по камнямъ. — Приапная прохлада лѣса манила меня къ себѣ. — Пѣснь соловья раздавалась въ густопѣ деревъ и вливала сладость въ мое сердце.

Я потруженъ былъ въ приятную задумчивость и мысленно уже обнималь милыхъ сердцу. Вдругъ лай собаки прерваль мои сладкія мечпанія. — “Сшой!,, закричалъ кпо-шо грознымъ голосомъ, схващивъ меня за ворошъ. — Я подняль глаза и высокой мужчина, въ сѣромъ кафшанѣ, спояль передо мною; на лицѣ его написано было звѣршво, напереди у него не было совсемъ волосъ, и лице было обезображено глубокими морщина-

ми.—Кафтанъ его былъ забрызганъ све-
жею кровью и на рукахъ видны были
слѣды смертоубійства; за кожанымъ по-
ясомъ висѣлъ широкій ножъ, омоченный
въ крови, еще дымящейся.

При внезапномъ появленіи этого чу-
довища я невольно вздрогнулъ и морозъ
пробѣжалъ по моему шѣлу. Онъ присна-
вилъ спрашнѣй ножъ къ моей груди,
крѣпко держа за ворошъ и требовалъ де-
негъ. — Я опустилъ руку въ боковой кар-
манъ и опдалъ кошелекъ съ мѣлкимъ сѣ-
ребромъ -- все что было со мною. Онъ
посмотрѣлъ на него съ адскою улыбкою,
свиснулъ и голосомъ, спрашнѣйшимъ
прежняго, требовалъ всего, что у меня
есть. — Я клялся ему всѣми святыми,
что у меня болѣе нѣтъ ничего; но онъ
не хотѣлъ вѣрить словамъ моимъ—и уже
широкій ножъ коснулся моего шѣла — я
прощался съ жизнью; вдругъ опчаяніе воз-
вращило мнѣ присущствіе духа. — “По-
стой!”, закричалъ я въ изступленіи — и
ножъ, гоповый погрузился въ грудь мою,
опдалился опъ нея—я разсегнулъ сер-
пукъ, выхватилъ изъ кармана пистолешъ,
кошорый всегда носилъ при себѣ — ку-

рокъ спустился и разбойникъ упалъ на праву.—Кровь текла ручьями изъ его головы; онъ еще напрягалъ свои силы пронзить меня ножемъ, приподнялся и упалъ назадъ; смерть сомкнула ему глаза и убійственный ножъ выпалъ изъ рукъ злодѣя.

Собака лизала ему рану, старалась ошановить текущую кровь и возвращать хозяина къ жизни. Я бросился въ лѣсъ и боялся попасться въ руки его шоварищей, которые вѣроятно были гдѣ нибудь вблизи, потому что онъ призывалъ ихъ свистомъ. — Собака бѣжала за мною и громкимъ лаемъ оглашала безмолвіе лѣса; она визжала, рвала меня за полу; ужасъ мой постепенно увеличивался—я ударилъ ее ногою, и она съ визгомъ побѣжала назадъ.

Вопль блеснулъ вдали огонекъ между деревьевъ; страхъ и надежда придавали скорости моимъ ногамъ — и черезъ нѣсколько минутъ я очутился предъ уединенною хижиною и пороливо постучалъ въ окно.

“Кто тамъ?,” — раздался голосъ старухи. — Я заблудившійся въ лѣсу, ограбленный разбойниками, укройте меня шем-

ной ночи. — Спустия нѣсколько минушь заскрыпѣли задвижки, дверь опворилась и спаруха съ лучиною въ рукѣ вспрѣпила меня.—“Милоспи просимъ, баринь!,,— сказала она и ввела меня въ крышый дворъ. — По вешхимъ ступенямъ крыльца вошелъ я въ дымную избу. Въ одномъ углу лежала куча глины; впереди на подспавкѣ горѣла лучина; шрое дородныхъ мужчинъ сидѣли на лавкѣ въ рубашкахъ. Не знаю что-шо при первомъ взглядѣ не понравились мнѣ ихъ лица, на кошорыхъ изображалось нѣчто опврапительное. Одинъ изъ нихъ, въ шемномъ углу, вертѣлъ глину на спанкѣ; изъ его шѣлодвиженій можно было замѣпитъ, что онъ принялся за работу при моемъ приходѣ; другой, пошупивъ суровые глаза, щепаль лучину; а шрешій шоропливо сунуль что-шо подъ лавку.

— “Здравспвуйше, хозяева!,, привѣщспивоваль я, озираясь.—Добро пожаловашъ —сказали всѣ въ одинъ голосъ, низко поклонившись. — “Слава Богу, что нашель я вашу хижину,, — продолжалъ я, положивъ на споль свою саблю. “Вы здѣсь одни живеше въ глуши лѣса; я думаю вамъ

очень спрашно!,, — Мы уже привыкли, да сверхъ того съ насъ разбойникамъ взять нечего: мы бѣдные горшечники; доспаемъ глину въ ссѣдномъ пригоркѣ, занимаемся своею работою, никого не прогаемъ и насъ никто не прогаемъ. — “Доброе дѣло, продолжалъ я: не уже ли не обижаешь васъ эшошь ужасный разбойникъ, копораго шакъ боишься вся округа?,, — Мы не видали его ни разу; да онъ, можешь бышь, нападаетъ только на богатыхъ, а мы бѣдны! — “Теперь уже онъ не будешь убивашъ проѣзжихъ и пудашъ бѣдныхъ кресьянъ — его уже нѣшь на свѣшъ!,, — Какъ? спросила хозяйка со вздохомъ спраха и изумленія. — Этому нельзя спашься? — “Нѣшь эшо очень вѣрно, опвѣчалъ я: пуля раздробила ему голову и...,,

Вдругъ послышался у воротъ визгъ знакомой мнѣ собаки; шаруха впустила ее. Собака бросилась къ ногамъ хозяевъ, ласкалась и жалобно визжала: мрачное предчувствіе овладѣло мною; я смолрѣлъ на ужасныя лица хозяевъ и въ ихъ взорахъ чиналъ свою погибель. — Собака съ громкимъ лаемъ прибѣжала ко мнѣ, бросалась на меня, кусала за ноги. — “Эшо

онъ!,, загремѣли ужасные голоса — и всё шрое, съ грозными шѣлодвиженіями, устремились на меня. — Я схватилъ пистолешъ; но онъ уже былъ разряженъ первымъ выспрѣломъ въ лѣсу; курокъ опустился и только одна искра опдѣлилась опъ кремня. — Съ остервененіемъ бросились они на меня, ударили объ полъ, крѣпко спянули назадъ мнѣ руки и поволокли въ заднюю избу.

Хотя я оглашенъ былъ сильнымъ ударомъ, однакожь не могъ не примѣшншь необыкновеннаго смяпенія во всемъ домѣ. Я слышалъ какъ задвигались запоры моей шемницы, хлопали ставнями, запирали ворота.—Наконецъ все успокоилось, и могильная шишина воцарилась во всемъ домѣ, шакъ, что я слышалъ препешаніе сердца въ груди моей. — Вокругъ меня шакъ было шемно, что я не могъ видѣшь опъ себя на вершокъ, непришный запахъ спѣснялъ мое дыханіе; руки мои были крѣпко связаны; я не могъ пошевелишья; къ счастью разбойники въ порняхъ оставили мои ноги свободными

и я, поворачивая ихъ вокругъ себя, узнавала окружающіе предметы.

Я лежалъ подъ лавкою, подлѣ кошорой спялъ небольшой споль. Съ шрѣдомъ передвигаясь, наскнулъ я головою на что-то мягкое...повернувъ свое лице я ошупалъ...человѣческую голову, холодную какъ ледъ. — Съ ужасомъ отодвинулся я назадъ; споль уналь съ великимъ шумомъ. — Теперь я почиалъ гибель свою неизбѣжную; шрѣвъ еспѣ конечно, какъ и я, несчастная жертва варварства; убишый мною разбойникъ еспѣ безъ сомнѣнія опецъ сѣмейства и за смерть его гошоващя мнѣ ужасныя муки. — Я видѣлъ смерть на бранномъ полѣ и она не была мнѣ спрашна; но умереть ошѣ руки злодѣя—о! эшо ужасно! — Ошчаянїе терзало мою душу, и я каждую минушу ожидалъ возвращенія своихъ палачей, гошовившихся разшрзатъ меня; я слышалъ, казалось, въ ошдаленїи голоса ихъ и шоподѣ лошадей; но эшо были порывы вѣшра, качающаго кровлю.

Мрачныя мысли гнѣздились въ моемъ разшпроенномъ умѣ и штысячи спрашныхъ смершей представлялись разгоря-

ченному воображенію. Холодный пошъ покрываль лице мое и волосы стояли дыбомъ—все происшедшее предспавлялось мифъ, какъ бы сквозь шумань.

Я напрягалъ всѣ силы, какія шолько можешъ придашь опчаяніе — разорванъ свои веревки; но онѣ были крѣпки, какъ желѣзныя цѣни заключеннаго.

Находясь долго между жизнию и смертію, наконецъ ошупаль я нѣчто подъ своею рукою...о радость!—эшо—большой ножъ, выпавшій изъ спола. Съ восхищеніемъ схваниль я его и увидѣль, что рука еще можешъ владѣть имъ. — Съ шрудомъ я прикасался ошпреёмъ до веревки, передвигаль и взадъ и впередъ; но она все пакже крѣпко спягивала мои руки, какъ и прежде. — Я пилилъ неушомимо; наконецъ, послѣ долгихъ усилій, веревка лопнула и—я былъ на свободѣ.

Колѣна мои пряслись, и я съ шрудомъ могъ всшашъ на ноги. — Первымъ движеніемъ было уйши изъ эшаго адскаго жилища; я бросилъ къ двери, но она была заложена; побѣжалъ къ окну, оно

было также закрыто ставнями и не было столь широко, что бы можно было пролѣзть въ него. Я ощупывалъ всѣ углы и вездѣ встрѣчалъ голыя стѣны; настоящее мое состояніе было не менѣе ужасно! Я не зналъ, что начашь — въ эпомъ смяшеніи ударился я объ круглое пѣло-это былъ опрубокъ дерева *).—Съ изсшупленіемъ схватилъ я его и изо всей силы ударилъ въ дверь; но она успояла.

Вообразите себѣ мое положеніе! Въ это время я услышалъ попошъ и голоса многихъ людей—это конечно были возвращающіеся разбойники; болѣе и болѣе приближались они и попрысали всѣ мои сосавы. Въ опчаяніи я нанесъ ударъ, сильнѣйшій прежняго, и запоры съ прескомъ опскочили.—

Первое явленіе, представившееся мнѣ въ сѣняхъ — была старуха; она вышла опсвѣдомисься о причинѣ спуга, и когда увидѣла разбишую дверь, свою добычу на свободѣ; шо глаза ея, померкшіе опъ староспи, засверкали злобою; она закрича-

---

*) Упопреляешся въ деревняхъ вмѣсто шула.

ла голосомъ адской Фуріи—вопкнула въ спѣху лучину, копорая попчасть попухла, и изсохшими, коспяными руками схватила меня за плашье.—Голоса приближающихся были еще вняшнѣе, медлишь было нечего—я сильно толкнуль спаруку въ грудь, и она упала, испуская ужасный крикъ и все еще не выпуская изъ рукъ моей полы. — Я сбросилъ съ себя сершукъ и побѣжалъ самъ, не зная куда черезъ дворъ—все равно идиши на вѣрную смерть; попомо что попадешься въ руки разбойниковъ. — Я бѣгалъ изъ одного конца къ другому, наконецъ очушилъ на лѣспницѣ и чрезъ минушу былъ на чердакѣ подь песовою кровлею. — Между шемъ вороша со скрипомъ опворились и толпа съ адскою злобою и крикомъ възжала на дворъ; эпошь шумъ, мѣшаясь со спонами полумершвой спарухи, занималъ у меня дыханіе. Въ сѣняхъ раздавался лай собаки; вѣрояшно она опкрыла мой слѣдъ—еще минуша, и я былъ бы въ челюстяхъ мучительной смерти. — Въ углу чердака я увидѣлъ мелькающія звѣзды на безоблачномъ небѣ... эщо слуховое окно.

Съ воспоргомъ, какой чувствуетъ осужденный на мучительную смерть при внезапномъ словѣ: *прощеніе*—бросился я на землю; однимъ плечомъ ударился о бревно и кровь брызнула изъ широкой раны, глаза засыпались пескомъ и я долго не могъ ихъ опкрышь; наконецъ вспалъ и побѣжалъ сколько позволяли изнуренныя силы—черезъ поле, холмы и кустарники въ густой лѣсъ.

Быспро мелькали мимо меня страшныя пѣни высокихъ сосенъ, подъ вѣпьями кошорыхъ я воображалъ убійцу, гошоваго пронзишь меня. Вдали раздавался лай собаки и ржаніе лошадей, дикіе голоса разъяренныхъ разбойниковъ: они узнали о моемъ побѣгѣ. — Ярко пылали пуки зажженной лучины; быспро двигались они по разнымъ направлениамъ и исчезали въ лѣсу. —

Вопъ видна слабо мерцающая искра — прибѣгаю и вижу паспушій шалашъ; но бѣдствія научили меня бышь оспорожнымъ. Тихо подкрался я къ ошверзшю: посреди былъ разложенъ огонекъ и подлѣ спѣны лежалъ большой мужчина. Слышу его глухіе споны; по звѣрскимъ

чершамъ лица, по сѣрому кафшану съ кожанымъ поясомъ, узнаю въ немъ спрашнаго ашамана, котораго я заспрѣлилъ. Передъ нимъ сидѣлъ одинъ изъ его сыновей и перевязывалъ окровавленную голову. — Я содрогнулся при семъ зрѣлищѣ, и, едва переводя дыханіе, удалился опъ жилища спрашнаго злодѣя.

Когда я увидѣлъ за собою шалашъ, по опяшь пустился бѣжашъ изо всей силы перепрыгивашъ ручьи и куспарники; часто въ шемношѣ ударялся объ сшволы деревъ; плашье мое было изодрано и вѣшьви царапали до крови лице и руки. — Наконецъ, къ неописанной радости, выбѣжалъ я на дорогу.

Ноги, изнуренныя успалоспшю и изъявленныя, опказывались служшшь мнѣ; кровь лилась ручьями изъ головы и рукъ, изцарапанныхъ сучьями, и во всемъ шѣлѣ чувствовалъ я крайнее изнеможеніе — и гошовъ былъ упасшъ. Вдругъ услышалъ вдали громовые голоса: *вотъ онъ! вотъ онъ!* — Страхъ, опчаяніе и все, что шолько есть ужаснаго, попрысли мою душу; пронзительный лай собаки раздавался не въ дальнемъ разшояніи. Я собралъ по-

слѣднія силы и побѣжалъ сколько позволили мнѣ умирающіе члены.—Собака хвапаетъ меня за полу, я падаю....опяшь встаю...бѣгу—уже я чувствовалъ препенаніе земли ошъ ударовъ копышь ихъ лошадей; въ безпамятствѣ сворачиваю въ сторону, обрываясь перелѣзаю чрезъ деревянный заборъ сада и исчезаю ошъ глазъ преслѣдователей.

Едва передвигая ноги побрель я изъ калишки на заднее крыльцо; эшо домъ моей машушки, эшо крыльцо въ кабинетъ моего брата! Но сердце не чувствовало радости при семъ счастливомъ отккрыши, и я, какъ бы сквозь сонъ, помню, что прошелъ въ переднюю, въ которой шускло горѣла свѣча и слуга дремалъ на стулѣ. Съ шрудомъ дошацился я до кабинета, отворилъ дверь и первый предметъ, попавшійся мнѣ на глаза — былъ брашъ мой.— Онъ сидѣлъ въ халашѣ за столикомъ и казалось былъ очень занятъ, потому что не слышалъ моего прихода.

Изнеможенный, облокопился я на каминъ. Сшоны мои вывели его изъ задум-

чивости; онъ обернулся, вскочилъ со стула, схватилъ на спѣнѣ висѣвшую саблю, обнаживъ ее приблизился ко мнѣ и грозно закричалъ: “кто ты? и что тебѣ надобно—говори, или сей часъ изрублю въ куски!,,

Волосы мои были въ безпорядкѣ; руки и лице все обрызгано кровью; а изъ свѣжей раны на плечѣ кровь еще текла ручьемъ; примѣшно было судорожное дрожаніе моего тѣла; изорванная одежда, пистолеть за поясомъ, шаинспвенный приходъ и ужасная блѣдность, все это дѣлало меня подобнымъ спрашной тѣни, или разбойнику; по этому и не мудрено, что мой братъ принялъ меня не шакъ ласково какъ я ожидалъ. “Любезный братъ, помоги! я умираю!,, сказалъ я слабымъ голосомъ и упалъ безъ чувствъ.—

Не знаю, что со мною послѣ происходило. Слова: *эй! уже полдень, пора вставать!* разбудили меня. Я открылъ глаза, увидѣлъ себя въ хорошо убранной комнатѣ; передо мною споялъ братъ мой. — Холодный потъ градомъ капился по мо-

ему лицу; я чувствовалъ сильное бѣненіе сердца; приподнялся, оцупалъ руку, голову, все тѣло было совершенно невредимо.—Это сонныя грѣзы! Съ какою радостію наслаждался я эцимъ счастливымъ пробужденіемъ. — Но знаете ли какъ это случилось? сказалъ, засмѣявшись Поручикъ. Въ ночь, предъ приѣздомъ, я совсемъ не спалъ по причинѣ безпокойствъ въ дорогѣ и приближаясь къ цѣли моихъ желаній, заснулъ въ кибикѣ крѣпкимъ, но ужаснымъ сномъ. Повозка подѣхала ко крыльцу роднаго дома; меня не хопѣли разбудить и соннаго внесли на покойную постелю. О! никогда не забуду я эшаго радостнаго пробужденія! —

“Браво! браво!”, закричали всѣ въ одинъ голосъ, и въ восторгѣ вскочили со своихъ мѣсць — раздались громкія рукоплесканія. —

Ротлистрѣ: Ну, брашь, какъ славно обмануль ты насъ! Я того и ожидалъ, что тебя убьюшь, и мнѣ, признашься было бы жалко, если бы шакой храбрый офицеръ кончилъ жизнь опъ ножа разбойничьяго. Выпьемъ же за счастливое пробужденіе по покалу Шампанскаго.

Трубки сильнѣе задымились, вино за-
пѣнилось и разлило новую радость въ
сердца шумныхъ госпѣй. —

В. Троицкій.

~~~~~

Анекдоты.

І.

Несчастный молодой авторъ, котораго
новое и едва ли еще не самое первое сочи-
неніе разкришиковалъ немилосердый жур-
налистъ, пришелъ къ Фоншенелю посоветъ-
совашьяся, какъ поступить ему съ врагомъ
своимъ. — “Опмщю, опмщю ему, повпорялъ
онъ въ гнѣвѣ: буду ему опвѣчать., — Оп-
мспшите, опвѣчайте — сказалъ съ величай-
шимъ хладнокровіемъ Фоншенель. — “На-
пишу авшикришику., — Напишите.—Черезъ
нѣсколько времени, какъ молодой, разкри-
шикованный сочинитель успокоился и при-
шелъ въ разсудокъ, сказалъ онъ Фоншенелю:
“вы совѣшаете мнѣ опвѣчать; но сами вы
не опвѣчали ни на одну кришику.,—О, это
совсемъ другое дѣло: я никогда не былъ
сполько, какъ вы, увѣренъ въ достоинствѣ
своихъ сочиненій.

2.

Къ одному Почтмейстеру пришла въ контору молоденькая, хорошенькая дѣвушка и подавая ему письмо, просила опправить его поскорѣе и повѣриѣе. — “Да къ кому же?,” спросилъ Почтмейстеръ, увидя, что на конвертѣ не было адреса. — Нельзя сказать, сударь — опвѣчала дѣвушка, за-краснѣвшись. — “Такъ нельзя принять и письма.,” — Сдѣлайте милость примите и опправьте. — “Да скажи куда и къ кому?,” — Въ Петербургъ, сударь. — “А къ кому?,” — Вотъ эшого-шо ужь ни зачшо не скажу. — Почтмейстеръ никакъ не могъ вразумить ее, и скромница, со слезами на глазахъ и съ письмомъ безъ адреса, пошла изъ конторы, не опкрывъ имени того, къ кому оно было написано.

3.

Разсѣянный, пришедши въ почтамтъ, спросилъ: нѣшь ли къ нему писемъ? — А его спросили: какъ ваша фамилія? — Къ несчастію на эшопъ разъ забылъ онъ ее и никакъ не могъ вспомнить, пока не пришелъ шуда одинъ его знакомый, копорый вывелъ его изъ шоль затруднительнаго и необыкновеннаго положенія.

4.

Старая крестьянка, увидѣвъ, что госпожа ея, прочитавъ принесенное къ ней письмо, хотѣла разорвать его и бросить; сказала: “не рви, мапушка, а ошдай лучше мнѣ: сынъ мой, какъ взяли его въ солдаты, просилъ меня, что бы я прислала къ нему письмо; пожалуй же мнѣ свое письмецо, шакъ я и пошлю его къ сыну.,,

5.

Старичку одному дали при опшпавкѣ чинъ, котораго съ нешерпѣніемъ онъ ожидалъ. Приѣхаль къ нему приятель поздравить. Обнялись, поцѣловались, сѣли. — “Малой! закричалъ хозяинъ, подай скорѣ... знаешь?,, — Госпъ думаль, что подадутъ Шампанскаго; но какъ же удивилсѧ онъ, когда человекъ подалъ хозяину календаръ и шопъ началъ что-то писать въ немъ. — Что вы эшо дѣлаеще? — “Ошмѣчаю, братецъ, всѣхъ, кто приѣзжалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ, или присылалъ поздравляшь.,, Да для чего же эшо? — “Для шого, что когда умру, шакъ бы знали къ кому послать похоронные билеты.,,

И.

Могиленные лампы.

Суещность человека переживаетъ иногда его угасшій пепель. Были богатые люди въ древности, которые по духовнымъ за-вѣщаніямъ приказывали хранишь шѣла свои и содержать зажженные лампы въ ихъ гробницахъ. Обыкновеніе спавишь свѣшильники въ обители мертвыхъ было почти общее. Когда зарывали живую Веспалку за нарушение обѣщовъ непорочности, то также спавили въ ея гробницу большую зажженную лампаду. По сему - то и находясь не рѣдко въ землѣ, близъ древнихъ гробницъ, урны, на подобіе лампадъ сдѣланныя, которые содержали въ себѣ зажженные вещества, какъ бы изъ почтенія къ душѣ усопшаго, или къ памяти невинной жертвы. Разглашали множество басень о сихъ подземныхъ свѣшильникахъ; полагали, будто они горѣли безпрестанно безъ всякой помощи, то есть безъ возобновленія горячаго вещества, и въ мѣстахъ сокрытыхъ отъ вліянія воздуха. Поводомъ къ сей баснѣ служила пещера въ Крыму, на двадцать футовъ въ глубинѣ скалы находящаяся, куда однакожь досягаетъ воздухъ и гдѣ каменное масло, или нефть, испекается безпрестанно въ лампаду, въ коей зажженная свѣшильня состоишь изъ волокъ каменнаго

льна, какъ извѣстно, несгораемаго. По разсказамъ землекопателей нѣкопорые думали, что сіи подземные свѣшильники давали безпрерывный свѣшъ и угасали тогда только, когда досягали до нихъ воздухъ. Фосфорическое горючее вещество, подобное тому, которое примѣчается иногда на кладбищахъ, могло загорѣться, выходя изъ сихъ пещеръ и казаться имъ угасающимъ свѣшомъ. Простѣйшія познанія Физики показываютъ, что огонь безъ непреспанной пищи существовать не можетъ. Впрочемъ, сіи неугасающія, или могильныя лампы, нѣкопорыми писателями столь прославленныя, а другими опровергаемыя, сдѣлали вновь правдоподобными Принцъ Сан-Северо, въ Неаполѣ, 1756 года.

Не сомнѣваюсь, что много есть искашелей неугасающихъ свѣшильниковъ, желающихъ отккрыть шайну философскаго камня.

Съ Франц. Я...О...ій,

ОБЪЯВЛЕНИЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ РУСКАГО ИНВАЛИДА
НА БУДУЩІЙ 1826Й ГОДЪ.

Съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, Коллежскій Совѣшникъ *Воейковъ* будещъ продолжашъ изданіе выходящей *ежедневно* въ свѣсь Газеты: *Рускій Инвалидъ* или *Военныя Вѣдомости*, и на будущій 1826-й годъ. Въ сей газетѣ помѣщаются:

I. Высочайшіе Приказы по сухопутнымъ Арміямъ и Флотамъ.

(Высочайшіе Приказы ни въ какихъ Вѣдомостяхъ, кромѣ *Инвалида*, не печатаются.)

II. Извѣстія о Всемилоспивиѣйше пожалованныхъ чинами Военными и Спашскими, Кавалерскими Орденами, другимъ знаками ошличія и награжденіями; шакже объ опредѣленіи Чиновниковъ къ мѣшамъ, ошставкѣ, пожалованіи пенсіоновъ и перемѣщеніи ихъ изъ одного мѣша въ другое.

(Почтенные Чашашели, Инвалида, безъ сомнѣнія, замѣшили *скорость*, съ каковою всегда сіи Вишпреннія извѣстія сообщаемы были въ Военныхъ Вѣдомостяхъ.)

III. Топографическія, Спашшическія и Ишпорическія описанія разныхъ часшей

Россіи и другихъ Государствъ , особливо смежныхъ съ Россіею, и преимущественно въ Спрашегическомъ отношеніи; описанія крѣпостей, походовъ, сраженій, осадъ и всего, что служило къ распространенію познаній по части Военныхъ Наукъ.

IV. Библиографія и краткій разборъ лучшихъ вновь выходящихъ на опечеслвенномъ языкѣ книгъ.

V. Открытія по части Наукъ, Искусствъ и Художествъ, и въ особенности относящихся къ военному званію.

VI. Путешествія, ш. е. краткія выписки изъ писемъ Рускихъ путешественниковъ о Россіи и о чужихъ краяхъ; извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ путешествующихъ вокругъ Свѣша; также замѣчанія о разныхъ справахъ Европы и другихъ частей Свѣша.

VII. Любопытныя отрывки изъ Исторіи, особливо опечеслвенной, какъ-то: повѣствованія о важныхъ случаяхъ, преимущественно по военной части; Біографіи знаменитыхъ Россійскихъ Полководцевъ и воиновъ; военные анекдоты, изображающіе опличныя черты неуспрашимости и великодушія.

VIII. Новѣйшія внушрenniа и заграничныя извѣстія.

IX. Благошворенія,

X. Смѣсь: замѣчанія, переписка, объявленія, и проч.

XI. Каждый мѣсяцъ будетъ выходить книжка *Прибавленій къ Инвалиду*, п. е. въ годъ двенадцать книжекъ. Онѣ въ особеннoсти посвящаются избраннымъ новостямъ Литшературы, по еспѣ небольшимъ Спихошвореніямъ и прозаическимъ сочиненіямъ и переводамъ.

Примѣчаніе: Подписка на Журналь: *Новости Литтературы*, принимается и особо: цѣна годовому изданію или XII книжкамъ здѣсь въ С. Пешербургѣ 15 руб., а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 20 рублей. Съ каждаго экземпляра сего Журнала вносятся пять рублей въ пользу Инвалидовъ. Особамъ, подписавшимся на *Инвалидѣ*, Журналь: *Новости Литтературы*, раздается безденежно.

Прибавленія на 1822-й годъ составляютъ двѣ часши; на 1823-й, 1824-й и 1825-й годы по *четыре* часши; на будущій же 1826-й годъ составятъ также *четыре* часши. Число листовъ не назначается; но каждая книжка будетъ содержать въ себѣ ошъ *трехѣ* до пяти печатныхъ листовъ. Въ вышедшихъ въ свѣтъ книжкахъ *Новостей Литтературы* въ текущемъ году, съ 1-го Января по 1-е Октябля, напечатано 98 спихошвореній. Въ 1822, 1823 и 1824 годахъ помѣщено до 300 спихошвореній. Просвѣщенные Чипашели нашли между ними по большой ча-

еши сочиненія извѣстнѣйшихъ Россійскихъ Поэтовъ, какъ-то: Князя И. М. Долгорукаго, Капниста, Жуковскаго, Князя Вяземскаго, А. С. Пушкина, Баратынскаго, И. И. Козлова, Рылѣва, Плетнева, Ф. Н. Глинки, Барона Дельвига, Языкова, Лобанова, Князя Шаликова, Олина, Буниной, Остолопова, Ивантина-Писарева, Норова, Туланскаго, Дм. Глѣбова, Б. М. Федорова, Коншина, Писарева, Полеваго, Ободовскаго, Загорскаго, Родзянки, Орлова, Зайтеевскаго, и другихъ. Многіе молодые отечественные Поэты, въ семь Журналѣ, въ первой разъ выступили на поприще: Масальскій, А. Шишковъ, Александръ Глѣбовъ, А. Яковлевъ, Князь Дмитрій Долгорукій, Милашевичъ, Шишковъ, Маркевичъ, Карль-гофъ, Тепляковъ, Вороновъ, Трубишковъ, Тиловѣевъ и другіе.

Въ 9 книжкахъ текущаго 1825 года помѣщено много оригинальныхъ Русскихъ сочиненій въ прозѣ: 1) Царицыно; 2) Опытокъ изъ путешествія А. С. Норова по Сициліи; 3) Лафершовская Маковница, Русская народная повѣсть; 4) Воспоминанія о селѣ Савинскомъ; 5) Мысли Ф. Н. Глинки; 6) Мысли В. Н. Олина; 7) Рѣчь, говоренная по случаю годичнаго воспоминанія о взятіи Парижа; 8) Оборощень, или Старуха - красавица, народная Русская сказка; 9) Екашерингофъ; 10) Екашеринославъ.

Нынѣшній Издашель *Инвалида* почпешть себя счасливымъ, если успѣешть сохранишь израненнымъ на полѣ брани воинамъ хоща часть суммъ, кои собираемы были въ ихъ пользу ошъ изданія сей Газеты, и поддержашъ лестное благоволеніе почтеннѣйшей Публики, копорымъ онъ чешыре года уже пользовался.

Редакція получаешть многія иносстранныя Вѣдомоспи, Журналы и новѣйшія кники; шакже имѣешть Корреспонденшовъ въ знатнѣйшихъ городахъ Россіи и Европы.

Каждый день, кромѣ воскресныхъ и годовыхъ праздниковъ, будешть выходишь по прежнему поллишта печашныхъ, а иногда и болѣе; чшо сосшавишь 153 печашныхъ листа, или 306 номеровъ.

Цѣна годовому изданію здѣсь въ С. Петербургѣ 35, съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 42 руб.; полугодовому же (съ 1-го Января по 1-е Іюля) въ С. Петербургѣ 20, съ пересылкою 23 руб. 50 коп. За досшавленіе въ дома прилагается въ годъ по 10 руб., въ полгода по 5 рублей.

Подписка ошъ жипелей С. Петербурга принимается въ магазинѣ Коммиссіонера

Редакціи, И. В. Сленина, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Кусовникова, прошивъ Казанскаго Собора *), а оупь иногородныхъ въ Почшовыхъ Коншпорахъ и Экспедиціяхъ.

*) У негожь Г. Сленина можно подпісывапсья на всѣ какъ С. Пешербургскіе, шакъ и Московскіе Журналы на будущій 1826-й годъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XXXV и XXXVI.

ТАССЪ.

(Изъ Опыта о Эпическихъ Стихотворцахъ.)

Поэма: *Освобожденный Иерусалимъ* Тасса появилась въ 1574 году. Выборъ содержания, благородство чувствованій, обиліе въ изобрѣшеніяхъ, точное и живое изображеніе характеровъ, богатство описаній и красота слога — вопль пѣ достоинства, копорыя поставили Тасса, вопреки мнѣнія Боало и другихъ Французскихъ криптиковъ, наряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ. Это Поэма воиновъ, сказала весьма справедливо Шапобрианъ: она дышетъ славою и мужествомъ; она, кажется, писана была на щипѣ среди военнаго спана.

Какой подвигъ, какое происшествіе можно было выбрать изъ всѣхъ лѣтописей міра, копорое бы споль приличествовало важности содержания Эпопеи? Цѣлые народы Европы, цѣлые легіоны

героизмъ, подъ предводительствомъ вождя мудраго, благочестиваго, пришли освободить отъ ига невѣрныхъ землю, освященную рожденіемъ и смертію Спасителя. Азія и Африка со своей стороны посылаютъ въ защиту Іерусалима воиновъ различныхъ нравами, одеждой и языкомъ. Какое сокровище для Поэта! Какую разительную противоположность представляють они съ Христіанами! — Припомъ какъ искусно умѣлъ Тассъ расположить цѣпы, подобравъ шѣни! То переноситъ онъ чинашеля изъ шума оружія и военныхъ ужасовъ къ предметамъ прогашельнымъ и приятнымъ; попеременно представляешь намъ по обряды богослуженія, по прелестную картину паспущеской жизни; и несмотря на разнообразіе и многосложность частей, единство плана вездѣ строго поддерживается: ибо части онаго всѣ между собою соединены, всѣ стремятся къ одной цѣли.

Тассъ прославился наиболее въ изображеніи характеровъ; и въ семъ отношеніи превосходитъ онъ всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ Спихопворцевъ. Годофредъ

мудръ, благочестивъ и мужественъ; *) Аладинъ - полиптикъ ненавистный. Влюбленный, великодушный и спремипельный Танкредъ представляет удивительную прошивуположность съ характеромъ Артанша - Артанша жестокаго, кровожаднаго, непоколебимаго. Въ Ринальдѣ видѣнь духъ Ахилла; но прощупки Ринальда извинительнѣе, характеръ его привлекающѣнѣе. Герой Гомеровъ поражаетъ насъ; Герой Тасса пленяетъ. Далѣе: гордый, храбрый, могучій Солиманъ, нѣжная Ерминія, хитрая и вѣроломная Армида, мужественная Клоринда сушь лица, начертанныя пламенною кистью художника.

*) Годофредъ, какъ увѣряють иные, есть сколокъ съ характера Агамемнона; но между ними всякой увидитъ великое различіе. Агамемнонь Царь высокоумный, властолюбивый, оскорбляетъ чувствительно пылаго Ахилла. Ахиллъ удаляется; Агамемнонь вскорѣ, видя въ опасности себя и войсство, созываетъ совѣтъ и предлагаетъ бѣгство. Спрашиваю: чемъ можетъ онъ оправдаться въ семъ случаѣ, какими хитрыми уклоненіями можно прикрыть столь постыдный поступокъ?

Справедливо иные укоряють Тасса за то, что онъ придавъ Поэмѣ своей образъ романической. Но онъ въ семь случаевъ заплашилъ дань своему вѣку. *Non vitia hominis sed vitia saeculi*, сказалъ Цицеронъ. Конечно, Тассъ иногда и напрасно подражалъ Аріосту, напримѣръ въ изображеніи Клоринды; ибо таковыя Героини болѣе приличествуютъ романамъ рыцарства; нежели Эпосеи, гдѣ болѣе требуется правдоподобія. Извѣстно, что на Востоцкѣ никогда не существовало таковаго обычая, который бы позволялъ женщинѣ явиться въ воинскій станъ вооруженною. Тассъ, желая показать человеколюбіе и великодушіе Клоринды (иначе своимъ характеромъ слишкомъ бы близко подошла она къ жестокосердому Арганшу) погрѣшаетъ вновь, приводя для того неуспѣшный эпизодъ Олинды и Софроніи.

Теперь перейдемъ къ чудесному. Подвигъ, воспѣтый Тассомъ, мотъ весьма хорошо быль возвышенъ вымыслами. Описание Ада, явленіе Сашаны, и рѣчь его въ началѣ IV пѣсни, суть опрывки красоты необыкновенной. Но сіи адскіе духи, сіи волшебники, безпреспанно появля-

ющіеся въ *Освобожденноиъ Іерусалимѣ*, наводяшъ какую-то тѣмноту на происшествія и не сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Очарованный лѣсъ, вѣспѣники, посланные къ Ринальду, пустынный дающій имъ чудесную вѣзвь и щипъ, странное ихъ путешествіе, коія представляютъ дѣйствія "занимательныя" и коія украшены всеми цвѣтами Поэзіи; но при всемъ томъ, надобно согласишься, что Тассъ простеръ чудесное свое до невѣроятія *).

Что касается до описаній, то и здѣсь Стихотворецъ являетъ великіи, всеобъемлющій свой гений. Шапобрианъ говоритъ, что онъ, читая предъ стихами Іе-

*) Впрочемъ во времена Тасса Итальянцы вѣрили волшебству, и нелѣпыя басни какъ то: герои, превращенные въ рыбы и въ попугаевъ, занимали не однихъ только дѣшей. Но созданный любовью очарованный замокъ Армиды, сполько драгоценный для нея, доволъ Ринальдъ обиталъ въ немъ и преданный огню по его удаленіи оттуда: — вотъ гдѣ надобно удивляться таланту Тасса! —

русалима, нѣкоторыя ошривки изъ Поэмы Тасса, былъ пораженъ точностію описанія онаго. — Самый лѣсъ, откуда крестоносцы брали деревья для сѣбнобашныхъ своихъ орудій и гдѣ чародѣй Исмень производилъ свои волхвованья, и шеперь находится близъ города. Еще видна та башня, на которой сидѣлъ Аладинъ и Ерминія; даже замѣтны шропички, ознаменованныя приходомъ Армиды, бѣгствомъ Ерминіи и единоборствомъ Клоринды. Сія - то точностію придаетъ еще болѣе цѣны достоинству Тасса, и первый крестовый походъ долженъ слиться съ именемъ пѣвца, толико оный прославившаго.

А. Н — 3.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛАГЕРЯ НА ВОЛКОВОМЪ
ПОЛѢ.

Не среди знойныхъ степей Аравійскихъ, не на обширныхъ равнинахъ Бессарабскихъ; а на эласпическомъ Волковомъ полѣ кочуетъ шоварищъ вашего дѣшства. Онъ пишетъ къ вамъ изъ лагеря въ надеждѣ, что вы позволите сказать ему то, что чувствуетъ и что дѣлаетъ. Онъ беретъ почти все изчиненное, расколошое перо—беретъ почти засохшія чернила и царапаемъ на лоскункѣ сахарной бумаги. Вы удивляетесь; но напрасно. Военному человѣку въ походное время трудно достать письменныхъ припасовъ. Слово и дѣло—вошь двѣ вещи, ему необходимыя.

Благословясь! — Въ 6 часовъ вечера 4 ч. сего Іюля представился намъ зеленый коверъ болошиспато поля. Ряды палатокъ, какъ стаи лебедей, то скрывались, то показывались изъ за холмовъ. Скороимъ шагомъ приближались мы къ лагерю.—Вступили въ него. Команда: *по палаткамъ марш!* назначила намъ квартиры, не говорю какимъ образомъ—впрочемъ придерживаясь пословицы: *кто пер-*

вый взялъ, тотъ и капралъ, мы помѣспились.

Не скажу вамъ ничего о живущихъ со мною: они, какъ и я, военные люди, слѣдовательно похожи на вашего приятеля. Два дни дали намъ для отдыха, и въ это время мы укрѣпляли каждый свой шашеръ отъ нападенія бурныхъ силхій, коихъ надобно было ожидать — и въ скоромъ времени. А потому, кто уже былъ въ лагеряхъ и мокъ отъ дождя, не трудно воспользоваться опытностію. Сдѣлано, слажено, и палатка наша напаянута крѣпко, обложена дерномъ — однимъ словомъ ни Александръ Великій, ни Дарій не имѣли лучшихъ шашеровъ — по крайней мѣрѣ такъ казалось намъ. День прошелъ, мы заснули въ увѣренности, что насъ не пробьетъ никакой дождь, даже и золотой Юшипера, отъ котораго впрочемъ мы бы не отказались. Прошелъ и отдыхъ, и сыны нѣги и покоя поднялись уже не въ десять часовъ, а въ пять. Шумъ барабана пригласилъ къ учебному шагу. Вы не знаете его, о это самый лучший лѣкаръ! Но не одинъ онъ укрѣпляетъ наше здоровье: сладкій, ароматическій порохо-

вый дымъ прельщаетъ зрѣніе, вкусъ и обоняніе наше, а помные удары золотыхъ пушекъ звѣняшъ въ ушахъ нашихъ какъ гармоническіе колокольчики. Такъ нѣжась чувствуя аршиллерисповъ! Ученъе кончилось; мы возвращаемся въ палатки и садимся за чай. Не дрогнешъ рука при выспрѣлѣ, не забьется сердце при шрескѣ Конгревовой ракеты — она шумишъ, но все не пакъ, какъ мы, при сборищѣ друзей въ дымной палаткѣ.

Нерѣдко здѣсь, при мяшежныхъ кликахъ молодосши, вспоминаю я объ васъ и желаю душевно, что бы возвратились времена протекшія *Веселье веселитъ, когда его дѣлишь!* Правда, но еще болѣе бы веселило, если бы вы, милые моему сердцу, раздѣляли со мною часы минушнихъ радостей и на легкихъ крыльяхъ примчались бы къ вашему другу.

Скажу вамъ о дневныхъ нашихъ занятіяхъ: иногда ѣздимъ верхомъ на деревенскихъ лошадяхъ; но не смѣйпесь. Они не хуже многихъ Пегасовъ, копорые на каждомъ шагу сполыкаюшся подъ своими вдохновенными ѣздоками; а наши репивые кони несущся во всю прышь до у-

спалости, и едва пересступая, являюся предъ своими хозяевами крестьянами, кошорые не сожалѣють о измученныхъ лошадяхъ своихъ; но радуюся полученнымъ за пруды ихъ деньгамъ.

Въ жаркіе дни купаемся въ Лиговскомъ каналѣ и желая омыться его струями, болѣе еще пачкаемся въ шинистой влагѣ. Изрѣдка ходимъ обкуривать шабачкомъ расколѣниковъ и приучаемъ ихъ къ терпѣнію. Несчастливые не смѣють бояться дыма, и только изъ подпашка зажимають носъ и просебя чашають молишвы прошивъ своихъ гонимелей.

Но не всёгда безумныя удовольствія юныхъ дней нашихъ кружатся предъ своими власпелинами; не всегда думы веселыя гнѣздящая въ головахъ нашихъ, или по крайней мѣрѣ въ моей, и какъ спрашники въ моряхъ дальнихъ и бурныхъ спрашались погибнуть, шакъ и мы, думая объ экзаменѣ, спрашимся чего-шо. Учимся у Эйлера, у Гиббона и почерпаемъ изъ кладезя ихъ познаній бальзамъ для своего разума. Не рѣдко вечеромъ, кладбище — мирная обитель почившихъ, заманиваетъ насъ къ себѣ и напоминаетъ намъ о

краскостии и суепности жизни. Какъ прияшно подѣ тѣнью вѣшвистой липы внимаешь пѣснямъ перелесныхъ малиновокъ, и смотря на хладный, гордый мраморъ, на дерновый холмъ воображаешь о ничпожномъ величии! — Но, друзья мои! не слушайте мечтаній: они прияшны лишь для меня, но пягоспны для васъ. Даль родины перемѣнила вашего друга. Сердце всякую минушу напоминаешь о васъ, мои родные! Но я и забылъ разскажать, какъ поварищъ вашъ вмѣспѣ съ другими, плавалъ въ водѣ. Ахъ! смѣшно, жалко и прияшно — вы узнаете почему. Ввечеру на 30 число громоноснаго Юля показались синія пучи на горизонтѣ со спороны полудня. У насъ принялись за работу, обшили, ушянули палашки и ожидали незванной гостыи бури. — Но не такъ уже спали мы надѣяшся на прочностъ своихъ юрищъ, когда мѣлкя брызги начали орошашъ насъ прохладною влагою. Не спорю, что это все хорошо въ свое время, а шеперь — признаюсь! Да къ помужь и бездушный вѣперъ нашель для себя входы и выходы и выль со всѣхъ споронъ. Молня огненнымъ океаномъ

разливалась по блестящему дождю; громъ грохоталъ погромче нашихъ морширь, и въ городѣ, какъ мы послѣ узнали, причинилъ довольно вреда. Мы же, покрывшись халатами, шинелями, засыпали до первыхъ ударовъ грома при сладостномъ и горестномъ для насъ шумѣ дождя, который крупными каплями спучалъ въ палашки. Два часа непрерывно лились дождевыя рѣки и не мимо нашихъ палашокъ; наконецъ нѣкоторыя были затоплены фуша на два. Линейки покрылись водою и съ Черною рѣчкою составили нѣсколько рѣкъ и окружили нашъ островъ. Дождь ушихъ. Никто еще не показывался изъ палашокъ. Почему? — спрошу я васъ. Вы скажете: или попому, что не можно было выходитьъ, или что напуганные дождемъ, мы прибирали подальше вещи; но догадки исчезнушь, когда я вамъ скажу, что каждый изъ насъ выливалъ воду чемъ ни попало. Мокнушь, шакъ мокнушь; мы и вооружились всѣми силами пропивъ своего неприятеля, и какъ Француза изъ Москвы, вышѣснили его изъ предѣловъ нашего владѣнія. Рабочіе солдаты присланы, и съ помощію ихъ мы совершенно

управились, упѣшаясь шемъ, что служимъ Опечесшву и Государю. За нихъ поварищъ вашъ готовъ пысячу разъ мокнуть, пысячу разъ горѣшь, если уцѣлѣшь въ первый разъ ошъ пламени, и пысячу разъ бышь убишымъ, если послѣ первой радоспной смертши на полѣ кровавомъ можно ожишь подобно фениксу.

И. Меть.

~~~~~

ДИЛИЖАНСЪ.

Повѣсть.

Карль и Августъ Вермоншы въ самыхъ юныхъ лѣтахъ осшались сиротами. Доспигнувъ совершеннаго возраста, спаршій поѣхаль въ Амспердамъ, куда призывала его склонность къ шорговлѣ и коропкая дружба съ однимъ Голландскимъ сѣмейспвомъ; а младшій опредѣлился въ военную службу — наконецъ наскучивъ ею, продалъ свою роту и женился въ споллицѣ по любви.

Своенравная форшуна, поспавляя неравенство шамъ, гдѣ природа пребуешъ совершенно прощивнаго, обошла съ

брашьями различнымъ образомъ. Нѣсколь-
ко удачныхъ предпріяній въ шорговлѣ,
увеличили богатство Карла, тогда, какъ
Августъ, находясь подъ властію жены
распостишальной и кокетки, пришелъ по-
чти въ зашруднительное положеніе. Лег-
ко бы могъ онъ приняться за спекуляцію,
войти въ подряды, и поправитъ чрезъ то
свое состояніе, но въ шакомъ случаѣ на-
добно было, что бы брашъ сдѣлалъ ему
пособіе, а чрезмѣрная гордость Августа
опвергала это средство. Ипакъ рѣшился
онъ занять одну довольно прибыльную
должность, которая доспашочна была
для того, что бы семейству его жить
приличнымъ образомъ.

У Августа Вермонта было только
двое дѣтей: сынъ и дочь. Лишась супру-
ги, которая скончалась отъ горести,
что должна была сократить свои издерж-
ки, опредѣлилъ онъ большую часть своего
дохода на ихъ воспитаніе. Фермень, лю-
безный четырнадцатилѣтній юноша, и-
мѣлъ живой умъ и пылкое воображеніе,
предвѣщавшіе самыя счастливыя дарова-
нія; а Сесилія, двумя годами его моложе,
съ каждымъ днемъ открывала доброту

своего характера и рѣдкія, милыя качества. Когда воспитаніе ихъ было окончено, то Г. Вермоншъ не замедлил ввести ихъ въ свѣтъ. Они увидѣли лучшее общество и обратили на себя вниманіе. Иначе и не могло быть, потому что при хорошемъ образованіи, при добромъ имени, каждый изъ нихъ имѣлъ таланты и пріятности своего пола.

По несчастію для Ферменя, отецъ его не могъ имѣть надъ нимъ всегдашняго надзора. Напрасно повпорялъ онъ ему прогашельныя наставленія, которыя, по видимому, слушалъ пошъ съ особеннымъ участіемъ, но которыя скоро забывалъ. Фермень попался въ общество любезныхъ распушниковъ, одинакихъ съ нимъ лѣтъ и шемъ болѣе опасныхъ, что подъ оболъспительною наружноспію, подъ припворною веселоспію и чиспосердечіемъ, скрывали они сердца испорченныя и предавались пошпыдвѣйшему развращенію. Роскошь, веселыя компаніи, игра и женщины губящъ неопытныхъ, пылкихъ молодыхъ людей. На шакія удовольствія должно шерящъ и время и деньги. Содержаніе, которое Г. Вермоншъ давалъ своему сыну,

было недостаяочно для безразсудныхъ его прихостей. Услужливые приятели Ферменя охотно ссужали его деньгами... за большіе проценты; новые займы прикрывали первые и употреблялись на новыя тупости. Наконецъ Г. Вермоннъ узналъ все и призвалъ къ себѣ сына. Молодой человекъ ожидалъ спрожайшаго выговора; но добрый отецъ сказалъ ему весьма снисходительно и крохко: “Вошь слѣдствіе твоего поведенія! Ты распочилъ прешью часть того, что мы имѣемъ: она тебѣ принадлежала. Другая прешья принадлежитъ Сесилии и составляетъ ея приданое: это священный залогъ, который должны мы уважать! Теперь остается одна только моя часть: не уже ли распочишь ты и ее такимъ же образомъ и принудишь меня на спарости лишь моихъ обратишься къ помощи и состраданію постороннихъ людей? — Фермень бросается въ слезахъ къ ногамъ отца, проситъ прощенія въ своихъ проступкахъ, и клянется, что въ тысячу разъ скорѣе предпочтетъ смерть намѣренію вновь огорчить такого добраго родителя. Сердце Ферменя было раз-

перзано; онъ говорилъ по, что чувствоваль: но сдержитъ ли свое обѣщаніе . . . . увидимъ.

Между темъ Сесиліи исполнилось шеснадцать лѣтъ. Тиха, простидушна и добродѣтельна, подобно отцу своему, наслѣдовала она отъ матери однѣ только наружныя достоинства, а Гжа Вермонтъ почиталась одною изъ прелеснѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ. Голубые глаза, прекрасные русые волосы, лилейный цвѣтъ лица, румянецъ едва только распусшившейся розы могли бы сдѣлать Сесилію, по ея красотѣ, героинею романа, если бы нравственныя качества не предвѣщали въ ней со временемъ лучшую изъ супругъ. Въ толпѣ обожателей шѣснившейся около нея, не опличила она никого; но наконецъ взоры ея невольно остановились на одномъ молодомъ человѣкѣ, съ приятною и меланхолическою фізіогномією, который держалъ себя въ нѣкошоромъ отъ нея отдаленіи, не шоря однакоже ее изъ виду, какъ будто опасаясь изъяслять ей поржественно знаки своей преданности. Однажды случай сблизилъ ихъ; въ первый еще разъ по-

говорили они между собою, и хопя крошкѣй ихъ разговоръ касался до предметовъ поспороннихъ, но они узнали о себѣ почти все, что имъ знать было нужно... Любовники шакъ скоро и шакъ хорошо понимающъ другъ друга. Эдуардъ Моншалъдъ не былъ обласканъ форшуною; за то опличался умомъ своимъ, воспитаніемъ и прекрасною наружноспію, особенно же шакимъ тономъ обращенія, въ кошоромъ удивлялись благородной важности, непринужденной ловкости и прямодушію, никого не оскорбляющему; наконецъ приятностию въ поступкахъ, быспрошою въ выраженіи мыслей, благоприспойностию, обходительностию и вѣжливостию въ разговорѣ. Все это не скрылось опъ Сесилии. Наружность Моншалъда сполько предупреждала въ его пользу, а женщина шакъ хорошо примѣчаетъ за мужчиною, кошорый кажется ей любезнымъ!... По несчастію, благополучіе молодого человѣка зависѣло совершенно опъ преспарѣлой и очень богатой шепки, кошорая назначила его единспвеннымъ своимъ наслѣдникомъ. Эша шепушка, бывшая нѣкогда кокешкою, а

подъ спаросшь ханжею, управлялась однимъ хипрымъ и корысподлюбивымъ лицомъромъ. Она занемогла. Искусный и опышный въ своемъ дѣлѣ лицомъръ воспользовался ужасами, внушаемыми близкою кончиною и овладѣлъ умомъ и волею умирающей. По наспоянiю и убѣжденiю его, сдѣлала она духовное завѣщанiе, которымъ предоспавила въ полное и непосредственное его распоряженiе все свое имѣнiе для вспоможенiя бѣднымъ. А бѣдный племянникъ, забытый, лишенный наслѣдства, потерялъ съ пешкою, или лучше сказашь, съ ея имѣнiемъ, надежду получишь вскорѣ руку Сесилiи. Какой жестокий ударъ для Моншальда! Но разсудительный человекъ не шерьешь въ напрасныхъ сѣпованiяхъ времени, которое можешь употребить въ пользу. Приданое Сесилiи не могло льсшить родителемъ Моншальда, а ему не трудно было, въ печенiи двухъ, или шрехъ лѣтъ, приобрести себѣ порядочное соспоянiе. Для эшаго надлежало только воспользовашься уваженiемъ, которое заслужилъ онъ въ свѣтѣ и прибѣгнушь къ покровишелямъ.

Моншальду предспавился неожидан-

ный и благоприятный случай занявъ видное и доходное мѣсто. Голландія, покоренная Французскимъ оружіемъ, приняла къ себѣ и Французскихъ правителей. Неусыпныя старанія Монтальда для приобретения выгодной должности въ эшомъ государствѣ, имѣли такой успѣхъ, копорый превзошелъ его ожиданіе. Но прежде, нежели разлучатся наши любовники, копорые уже нашли случай признаться другъ другу во взаимной склонности, поспошримъ, что дѣлается съ братомъ прелестной Сесиліи.

Мы говорили уже о старшемъ братѣ отца Фермена, о Карлѣ Вермоншѣ, копорый слѣдуя склонности своей къ торговлѣ, поселился въ Амстердамѣ, гдѣ въ короткое время нажилъ несмѣнное богатство. Карлъ вовсе не имѣлъ желанія нравиться женщинамъ, а усшарѣвъ, пошерялъ охоту къ жеништвѣ и оспался холоспъ. Но чувствуя необходимость въ искреннемъ обществѣ, въ сердечной привязанности, копорая усшаждала бы вечеръ его жизни, вспомнилъ онъ о своемъ племянникѣ. — “Никогда не хотѣлъ ты, писалъ онъ къ брату, принявъ участія

въ моемъ богатствѣ. Это для меня непонятно. Но у тебя есть сынъ, которому должно быть теперь около 20 лѣтъ. Онъ мнѣ племянникъ, и я хочу сдѣлать его моимъ наследникомъ. При старости лѣтъ моихъ и при моемъ одиночествѣ нуженъ мнѣ поварищъ, собесѣдникъ; пришли же ко мнѣ Ферменя. Если онъ имѣетъ склонность къ торговлѣ, то пусть займется ею; если же не любитъ прудиться, то будетъ издерживать три четверти моего дохода, съ копорымъ не знаю я что дѣлать, потому что ты лишалъ меня удовольствія быть тебѣ полезнымъ.

Великодушіе Карла Вермонша пронудило его брата. Августъ почелъ обязанностію, для счастья сына, пожертвовать своею гордостію. Онъ сказалъ ему о предложеніяхъ дяди милліонщика, и хотя вѣтренному, легкомысленному Ферменю не хотѣлось оставить Парижъ, но онъ имѣлъ сколько разсудка, что тотчасъ изъясилъ на это свое согласіе.—“Послѣдній источникъ моихъ финансовъ истощился, разсуждалъ онъ самъ съ собою. Что же буду я дѣлать безъ денегъ въ такомъ городѣ, гдѣ каждый шагъ стоить

мнѣ издержекъ? Проспите забавы, лошади, спектакли и удовольствія! Надобно или умереть со скуки, или разорить отца. Не лучше ли оставишь Парижъ на нѣсколько мѣсяцовъ? Если дядя умретъ, тогда съ сотнями тысячъ флориновъ возвращусь въ столицу, и проживу весело; если же онъ поупрямится, то я буду такъ ему угождать, такъ льстить, что онъ позволитъ мнѣ издерживать здѣсь, въ продолженіи прехъ мѣсяцовъ, при четверти его дохода, и такимъ образомъ каждый годъ буду я возвращаться сюда и опустошать сундуки милліонщика. Женщины, игры, праздники, экипажи, шумныя забавы! вижу васъ въ прелестной каршинѣ; рѣшено!—ѣду!., —Карль Вермонтъ былъ въ восхищеніи, когда Августъ написалъ къ нему о согласіи своего сына, и о томъ, что бы онъ назначилъ только время отъѣзда, съ неперпѣніемъ ожидаемаго Ферменемъ. Спарикъ немедленно послалъ къ племяннику значительную сумму, для приличной экипировки его въ Парижъ и на издержки въ путешествіи; но съ темъ вмѣстѣ наложилъ на него строгое условіе, что бы онъ ѣхалъ въ публичномъ

дилижансѣ. — “Какъ! вскричалъ молодой человекъ: племянникъ богатѣйшаго Амстердамскаго негоціанта поѣдетъ въ дилижансѣ! Я, который надѣялся купить для этого путешествія прелесный Англинскій экипажъ, и скакашь въ немъ на почтовыхъ, съ камердинеромъ назади, съ жокеемъ впереди, пакъ чшобъ искры сыпались изъ мостовой...я долженъ успѣсть въ скверную и тяжелую карешу, съ какими нибудь пяшью, или шестью уродами, которые замучають меня своею болшливостію и глупостію—это несносно, ужасно!,,

Нечего однако было дѣлать. Карль Вермоншь, какъ замѣшилъ Ферменю опецъ его, безъ важныхъ причинъ не сдѣлалъ бы этого условія. Кто знаетъ? Можетъ быть онъ хотѣлъ одобрять полезныя учрежденія...какъ бы то ни было, но обольстительная надежда блестящей будущности, успранила всѣ препятствія, и Фермень, проклиная причудливостъ дяди, по необходимости успунилъ его волѣ.

Амстердамской дядя, споль спранный на эпошь разъ, имѣлъ дѣйствительнo свои причины, чшо бы его племянникъ

въ назначенный день опсправился въ публичной каретѣ; но отецъ съ сыномъ не могли опспадать ихъ. Старый Вермонтъ никогда не видалъ Ферменя; а попому желая прежде узнать характеръ новаго своего гостя, вздумалъ инкогнипо приѣхать въ Парижъ, подѣ чужимъ именемъ, взявъ мѣспо въ помъ же самомъ дилижансѣ, копорый повезетъ Ферменя и вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать путешеспвіе въ Амспердамъ. Какой злой геній внушилъ эту хипрось старому дядѣ, и какія ужасныя и счасшливыя будущь опъ шого послѣдспвія!

Фермень поѣхалъ въ Голландію искашь шамъ блеспящей форшуны, а не любви, дяди, о копоромъ мало заботился. Ахъ! какъ далеко онъ опъ мысли, что эпомъ дядя, опъ копорого надѣелся онъ получишь несмѣшныя сокровища, сидишь, съ глазу на глазъ, въ одной съ нимъ каретѣ, съ учаспиемъ смопришь на него, внимателльно наблюдаешь за нимъ, и что бы скрышь свои поступки, пришворяешь, будпо не знаешь Французскаго языка! Какъ далеко онъ даже опъ подозрѣнія, что эпомъ шолспый Голландецъ, можешь

быть знакомъ съ его дядею! Опъ какого несчастія бы избавилъ онъ себя! Но жребій брошень; судьба накажешь его за ужасное безразсудство.

Кромѣ дяди и племянника, сидѣло въ дилижансѣ четверо путешественниковъ: вдова съ дочерью одного шаможенного чиновника, которыя должны были остановишься въ Бельгикѣ; старый книгопродавецъ, возвращавшійся въ Гагу, и одинъ молодой человекъ, ѣхавшій въ Амстердамъ для занятія почетнаго мѣста въ новомъ правленіи. Черезъ нѣсколько минушь путешественники почти познакомились и кромѣ имени, о которыхъ не имѣли случая объявишь другъ другу, всякой сказалъ о цѣли своего путешествія, о должности своей, или ремеслѣ, о намѣреніяхъ и надеждахъ. Такая откровенность дала поводъ Ферменю шопчасъ обнаруживъ свое легкомысліе и насмѣшливость. Одинъ только Вермоншъ не говорилъ ни слова, изъ чего и заключили, что разговоръ ихъ былъ для него непоняшень.

Когда дошла очередь до Ферменя, то онъ, помирая со смѣху, началъ говоришь: “ничего не можешь бышь спраннѣ мо-

его приключенія! Я оставилъ прекрасную гнѣдую лошадь, двухъ обожаемыхъ женщинъ, отказался опъ многихъ восхищительныхъ радеву въ Парижѣ, и для чего? Чшо бы похоронилъ себя заживо, чоршъ знаешъ на сколько времени, у стараго дяди, какого шо чудака, котораго опъ роду и не видываль. Эшо ужасно, убійственно! Но мой подагрикъ имѣеть миллионы, и эшо заспавляетъ меня забышь глупость его и невѣжесиво. Не правда ли, чшо человекъ съ колониальными своими товарами, съ кораблями и денежками, довольно сносень?..Онъ никогда не видалъ Парижа. Но счастью, добрый геній внушилъ въ него мысль назначить наследника своему богатству—и на меня, милоспивые государи, палъ эшопъ жребій, на меня небо изливаетъ свой гнѣвъ! Впрочемъ я надѣюсь, чшо онъ, или скоро умреть, или оставитъ глупыя свои привычки: если успѣю, шо привезу его въ Парижъ, гдѣ благодаря его шкапулочкѣ, сдѣлаю изъ него славнаго молодца; а если эшопъ болванъ неизлѣчимъ, шо постараюсь выманить у него одинъ, или два миллиончика флориновъ въ счетъ наследства

и возвращусь къ добрымъ моимъ приятелямъ, опустошать вмѣстѣ погреба съ прекрасными винами.,,

Презрительная улыбка къ Ферменю показала на ухахъ пупешесивенниковъ; судите же, какое дѣйствіе должны были произвѣсти слова сіи надъ Вермонтомъ! Все бы еще было простиительно, если бы безразсудный молодой человѣкъ ограничился одною только, шалостью, которая доказываетъ болѣе выпренную голову и сообщество съ дурными людьми, нежели испорченное сердце; но онъ ясно показалъ, какими ужасными правилами заражена была душа его. Благочестивыя чувствованія, чистоту нравовъ, священныя узы речева спавиль онъ нивочто. Нечистыя уха его изрыгали споль гнусныя хулы, чпо сидѣвшій съ нимъ рядомъ молодой Парижанинъ, не могши удержати своего негодованія, напомнилъ ему въ краткихъ словахъ правила скромности и приличія. Фермень съ колкостью возразилъ на это; однако перемѣнилъ матерію и избралъ предметомъ своихъ насмѣшекъ шолстаго и безмолвнаго Голландца. Глупыя шушки и сарказмы сыпались на Вер-

монша, который кусаль только губы и не говорил ни слова. Напрасно молодой Парижанинь замѣчалъ Ферменю, что оскорбляшь такимъ образомъ въ одномъ изъ согражданъ цѣлую націю, гдѣ ожидаешь онъ госпепріимства — слишкомъ неблагогородно; что поносишь крошкаго поварища и припомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ онъ не понимаетъ, значить не имѣшь ни малѣйшаго уваженія ко всѣмъ прочимъ спутникамъ: Фермень не только не послушался этихъ благонамѣренныхъ замѣчаній, но еще увеличилъ глупыя, оскорбительныя свои шупки и утверждалъ, что старый, нѣмый полсняка долженъ почищать себя весьма счастливымъ, сдѣлавшись предметомъ его насмѣшекъ. Наконецъ Фермень вышелъ изъ границъ благоприсойности, а молодой Парижанинь изъ терпѣнія. Оскорбительныя выраженія послѣдовали съ обѣихъ сторонъ, и кончилось шемъ, что оба согласились рѣшить ссору свою поединкомъ въ Амстердамъ. Лишь только прибылъ дилижансъ въ этотъ городъ, соперники условились между собою и назначили поединокъ упромъ на другой день. Благород-

ный Парижанинъ написалъ карандашемъ на лоскушкѣ бумаги: *Эдуардъ Монтальдъ, вѣ трактирѣ Соединенныхъ Штатовъ,* и отдалъ эту записку Ферменю.

Въ продолженіи всего этого времени безпечный повидимому Г. Вермоншъ щцательно наблюдалъ за шемъ и другимъ. Когда удалился Фермень, по дядя его сдѣлалъ знакъ великодушному своему защипнику, что бы онъ подошелъ къ нему. — “Милоспивый Государь! сказалъ ему добрый старикъ: я разумѣю Французскій языкъ; судите же сколько обязанъ я вамъ., Изумленный Моншалъдъ покраснѣлъ и не могъ промолвить ни слова. Вермоншъ, прижавъ его къ сердцу, продолжалъ: “позвольте хоть чемъ нибудь доказать искреннюю мою благодарность. Вы иностранецъ въ здѣшнемъ городѣ; предлагаю вамъ домъ свой и надѣюсь, что вамъ будетъ въ немъ пріяшно. Живите безъ церемоній у вашего друга и будьте увѣрены въ вѣчной признапельности богатѣйшаго Амстердамскаго Банкара Карла Вермонша., — Какъ, сударь? Вы родспивеникъ Сесилии Вермоншъ, любезнѣйшей и доспойнѣйшей дѣвицы? — “Она мнѣ пле-

мянница., Тупь послѣдовали взаимныя объясненія, и восхищенный Фермень излил всѣ свои чувствованія въ сердце добраго и благодарнаго спарика.—Нѣсколь-ко разъ видѣль я, сказалъ онъ ему, племянницу вашу въ одномъ почтенномъ домѣ, куда привозиль ее Г. Вермоншъ. Я пафнился не сколько прелесными ея и красошою, сколько опличными достоинствами и скромностію во всѣхъ поспукахъ. Я люблю ее спраснио, опкрылся ей въ эшомъ, и Сесилія не опвергла любви моей. Въ то время надежда на богатое имѣніе шепки, кошорая любила меня какъ роднаго сына, позволяла мнѣ искашь руки Сесилии; но спарушка умерла, корысполюбивые люди воспользовались ея слабостію и наслѣдствомъ, а я не получилъ ничего. Чшо оставалось мнѣ дѣлать? — Понравильшъ несправедливостшь жребія — и я швердо рѣшилъ на эшо. И шакъ опшавиль я на нѣсколько лѣтъ предметъ моей нѣжностши, опъ кошораго зависиль все мое благополучіе, чшо бы шрудами и бережливостію приобрѣши себѣ какое нибудь состояніе. —

Добрый спарикъ едва могъ удержашь-

ся опъ слезъ, слушая непришворное признаніе въ любви къ его племянницѣ благороднаго Моншалъда. Когда молодой человекъ пересталъ говорить, но Вермонтъ, сказавъ ему: “увидишь, Г. Моншалъдъ, умѣю ли я быть благодарнымъ!; — и не говоря болѣе ни слова, приказавъ перенести въ домъ свой пожижки Моншалъда, куда принудилъ и его идти вмѣстѣ съ собою.

Молодой человекъ расположился въ домъ Карла Вермонта. Первымъ его спараніемъ послѣ того было написать новый адресъ и отправить съ нимъ въ коншору дилижансовъ, куда пошелъ Фермень. Моншалъдъ не засталъ уже шамъ своего соперника, и не зная его имени, описавъ его хозяину такъ хорошо, что послѣ не могъ въ немъ ошибиться *).

И дѣйствительно на другой день рано упромъ Фермень пришелъ къ Моншалъду.

---

*) Почему же могъ знать Моншалъдъ, что Фермень опять придетъ въ коншору дилижансовъ? Фермень, по данному ему прежде отъ Моншалъда адресу, долженъ былъ искать его въ пракширъ Соединенныхъ Штатовъ . Прим. Изд. Ёл.

Г. Вермоншъ, зная все, взялъ уже мѣры, какимъ образомъ принялъ своего племянника. Придверникъ спросилъ Фермея худымъ Французскимъ языкомъ: что ему надобно? — “Я пришелъ поговорить съ Моншальдомъ; онъ ожидаетъ меня; скажи ему., — Господинъ мой называется Вермонпомъ.—“Вермоншъ *)?,,—Да: сударь.— Какъ! Банкиръ, у котораго еснѣ браншъ въ Парижѣ?,, — Тотъ самый. — “Возможно ли, что бы онъ принялъ къ себѣ Моншальда? Какія связи? Я шепчусь .. Нельзя ли поговорить безъ свидѣтелей съ Г. Моншальдомъ?,, — Нельзя: Г. Вермоншъ запретилъ мнѣ его беспокоить. — “Такъ повидаясь же я напередъ съ дядею. Спроси у Г. Вермонша, угодно ли ему принялъ своего племянника?,, — Какъ, сударь? Вы его племянникъ! Сей часъ, сей часъ доложу. — И добрый придверникъ побѣждалъ шакъ скоро, какъ позволяли ему семдесятъ его лѣтъ, въ комнату своего господина, доложилъ ему о приѣздѣ племянника и получилъ приказаніе ввести его.

---

*) Чему же шупъ удивляешься? Развѣ Моншальдъ въ послѣднемъ своемъ адресѣ не написалъ, что онъ живетъ въ домѣ Вермонша? *Прил. Изд. Бл.*

Моншалдь не зналъ, что пошь чело-
вѣкъ, съ которымъ долженъ онъ былъ дра-
пьясь, ешь брашь Сесилии и племянникъ
почпеннаго спарика, принявшаго его въ
свой домъ съ шакимъ радушіемъ. Ишакъ,
если возможно, пусть предспавяшь себѣ
его изумленіе и ужась, когда сдѣлался онъ
свидѣшелемъ слѣдующей неожиданной
сцены.

Между шемъ, какъ придверникъ воз-
вращался съ опвѣшомъ къ Ферменю, Мон-
шалдь желая по благоразумной предо-
спорожності, которую никакой благо-
мыслящій челошкъ не осудитъ въ подоб-
номъ случаѣ, ввѣришь до поединка попе-
ченіе о дѣлахъ своихъ Г. Вермоншу, по-
шелъ къ нему. Посѣщеніе его привело
добраго нешціанша въ замѣшательство,
Скоро войдешъ Фермень; какъ удалишь
Моншалда? Едва успѣлъ онъ сказать ему
первое привѣшспіе, какъ и Фермень по-
казался: Молодой Вермоншъ изумился,
увидя спарика; Моншалдь окаменѣлъ.

Фермень обращается къ нему и гово-
ришь: “что значишь, сударь, эшо нешжи-
данно свиданіе? По сдѣланному между на-
ми условію я пришель къ вамъ, и думаю,

что присутствие здѣсь предмета нашей ссоры совершенно бесполезно.,—Что же тушь удивительнаго, сказала спарикъ, что находясь меня въ собственномъ моемъ домѣ?—Эти слова, произнесенныя явственно и чистымъ Французскимъ языкомъ, привели Фермена въ неописанное смущеніе. Ужасное предчувствіе пронзило его сердце. — “Мнѣ сказали, сударь, что я у Господина Вер...,—Кошорый былъ прежде вашимъ дядею и не признаешь теперь болѣе васъ за своего племянника. Слова сіи, какъ громъ, поразили Фермена. Раздраженный дядя продолжалъ съ жаромъ: гнусное ваше поведеніе разшоргло всѣ связи, соединявшія насъ. Я хотѣлъ принять васъ къ себѣ, какъ сына, обогативъ васъ, оставивъ вамъ по смерти моей все мое имѣніе. Небу угодно было, что бы я не сдѣлался жертвою этого пагубнаго заблужденія: вы прежде времени обнаружили себя. Не имѣя ничего болѣе съ вами общаго, я лишился даже права упрекать васъ...какъ человекъ посторонній, чувствую къ вамъ теперь одно только презрѣніе. Спупайше, сударь, оставьте землю, на которой первый вашъ

шагъ былъ для нея поруганіемъ, и, если возможно, раскайтесь въ вашемъ проступкѣ и постарайтесь исправиться. —

Сраженный сими словами Фермень хотѣлъ удалиться... “Ахъ! вскричалъ Моншальдъ упадите къ ногамъ вашего дяди. Если сердце ваше чувствуетъ истинное раскаяніе, то вѣрно проститъ онъ васъ.,,

Вермоншъ, оборотясь къ Моншальду, сказалъ ему: другъ мой! судьба дала мнѣ такого племянника, котораго недостойно бытъ имъ. Ты заступишь его мѣсто. Я усыновляю тебя; а что бы узы наши были неразрывнѣе, ты женишься на сестрѣ этого негоднаго человѣка. Невинная, добродѣтельная Сесилія любитъ тебя, и ты будешь моимъ наслѣдникомъ. — Сказавъ это, нѣжно пожалъ онъ руку Моншальда. Фермень бросилъ на него взглядъ, изображавшій опчаяніе ... Напрасно говорилъ Моншальдъ, что онъ не приметъ никакого благодаренія отъ Вермонша на счетъ того, котораго искренно желаетъ имѣть братомъ; напрасно просилъ онъ, умолялъ Фермена признаться въ своемъ проступкѣ, просилъ прощенія ... уже было поздно: Фермень скрылся. Черезъ часъ

принесли къ Вермоншу записку слѣдующаго содержанія:

“Дядюшка! я почувствовалъ всю гнусность моего поведенія: я рождень былъ для добродѣтели; но сообщество съ развратными людьми погубило меня. Накажу себя за то, что оскорбилъ лучшаго изъ людей. Когда получите вы это письмо, меня не будетъ уже на свѣтѣ: оружіе, приготоовленное мною для умерщвленія челоуѣка, которому долженъ бы я былъ подражать, прекратитъ жизнь мою. Упросите бабюшку, что бы онъ простилъ меня; не лишите и вы меня этой милости и соедините Монпальда съ моею сестрою. Простите!

Ферменъ Вермонтъ.

Горько оплакалъ дядя несчастнаго своего племянника. Слезы его доказали, что онъ не былъ бы неумолимъ. Сдѣлавъ приличныя похороны Ферменю, огорченный спарикъ увѣдомилъ объ этомъ несчастіи нѣжнаго ошца, который всю оспальную жизнь свою упрекалъ себя въ пагубномъ родительскомъ ослѣпленіи и небрежности. Карлъ Вермоншъ, обратилъ въ наличныя деньги все свое имѣніе, о-

ставилъ землю, гдѣ преслѣдовали его гореспныя воспоминанія и переселился въ Парижъ подъ одну кровлю съ брапомъ своимъ. Монпальдъ, женился на Сесилии и былъ счастливымъ супругомъ. Старики и молодые жили долго, наслаждаясь пѣмъ удовольствіями въ жизни, кошорыя доставляешь большое богатство, когда умѣешь употреблять его.

Съ Франц. X.

~~~~~

ВЕТЕРАНЪ.

Писмо изъ Ревеля.

Въ Ревелѣ я познакомился съ *N.*, молодымъ человекомъ, приѣхавшимъ въ сей городъ лѣчишься, какъ и я, морскими ваннами. Въ 25 лѣтъ онъ спрадалъ уже сплиномъ, какъ Онѣгинъ, и *угорѣвъ въ гадю большаго свѣта*, приѣхаль сюда пролѣчишься. Вопреки своей болѣзни онъ былъ очень любезень и оспроумень. Однажды мы завпракали въ откывшейся недавно кандитерской, отдѣланной очень не дурно: въ Пепербургскомъ вкусѣ и съ Ревельскою опрятностію. *N.* Взялъ *недѣльные* листки (гдѣ ихъ нѣтъ?) здѣшняго жур-

нала и пробѣжавши нѣсколько страницъ, подаль ихъ мнѣ съ улыбкою. Прочитавши, я не могъ удержаться отъ смѣха: имена и фамилии приѣхавшихъ изъ Пешербурга были изковерканы немилосердымъ образомъ; о прибывшихъ съ сеспрою, или матерью, означено было: *pebst Frau* и напрошивъ. Нѣкоторыя были произведены изъ Коллежскихъ Регистраторовъ въ *тинѣ Ассессорскій, толико вожделѣнный*; съ другими поступили не такъ учтиво. Въ семь чиселъ было нѣсколько нашихъ знакомыхъ; это подало поводъ моему поварищу къ разнымъ эпиграммамъ и сравненіямъ. Я приспалъ къ нему—и мы хохотали безъ памяти *). Въ сію минушу восшорга двери кандишерской шихо опворялись: вошедшая особа обрапила на себя наши взгляды; неумѣренныя шулки были прекращены. Новопришедшій былъ сшарикъ высокѣй и сухощавой; сѣдые волосы, лице украшенное морщинами, плашье сша-

*) Хорошь сплинъ! скажете вы. Не дурень; замѣчу вамъ, что *vous autres* неспособны къ настоящему Англійскому убійственному сплину.

риннаго покроя: длиннополый коришневый фракъ, черная саржевая исподница, чулки и нелакированные сапоги: по всему можно было заключить, что онъ принадлежалъ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Взявши чашку кофею, онъ присѣлъ къ нашему столу и придвинулъ къ себѣ Академическія Нѣмецкія вѣдомости. Изрѣдка онъ поглядывалъ на насъ (мы съ пресерьезною миною пили шоколадъ) и какъ было примѣтно по его движеніямъ и кашлю, хотѣлъ завести съ нами разговоръ. Мы тихо говорили между собою; нашъ языкъ: *слѣсъ Французскаго съ Нижегородскимъ*, и коснуемъ заспавляли его, какъ я думаю, почишавъ насъ пришельцами изъ земли чуждыя. Вслушиваясь внимательнѣе, старикъ видно разобралъ, что мы говоримъ Цепербургскимъ употребительнымъ нарѣчіемъ; онъ улыбнулся, прокашлянулъ и обратилъ къ намъ свое веселое, доброе лице. — “Позвольте узнать, спросилъ онъ; вы вѣрно изъ Санктцербурга?,” — Примѣтно было, что онъ обдумывалъ свою фразу; она сказана была съ разспановкою, правильно, хотя Нѣмецкій выговоръ былъ замѣненъ. — Точно такъ,

сударь; опшвѣчалъ я. — “Приѣхали поль-
зоваться морскими ваннами? — Вы уга-
дали. — “Приносятъ ли онѣ вамъ какую
нибудь пользу?,, — Добрый шарикъ пови-
димому сомнѣвался въ ихъ цѣлебномъ свой-
ствѣ. — Ошчаспи, сударь; болѣе вашъ
воздухъ, приятныя прогулки, удаленіе
опш всѣхъ заботъ и безнокойствъ.—“Лю-
безное общесшво, рѣдкая доброта и ра-
душіе вашихъ соошечесшвенниковъ, при-
бавиль N.,—Шарикъ опшвѣчалъ на нашъ
комплиментъ улыбкою. — А вы, бывали
ли въ нашей сподлицѣ? спросиль я его.—
“Бывальъ сударь, шолько очень давно: лѣтъ
шриццашъ тому џазадъ; я служиль въ
арміи и вышелъ въ опшставку еще при
покойной Государынѣ. Я думаю, съ тѣхъ
поръ у васъ многое перемѣнилось?,, —
Почпенный вешеранъ забыль, что спра-
шиваесть объ эшомъ у двухъ молодыхъ по-
вѣсъ, копорымъ не было 50 лѣтъ вмѣ-
стѣ. — Не бывавши такъ давно въ Пе-
шербургѣ, совершенно его вы не узнае-
те; и въ десяти лѣтъ, какъ я могу упо-
мишь, онѣ такъ улучшился, съ каждымъ
годомъ такъ быспро умножаются его
прекрасныя здашя, что шолько живущему

въ нашей столицѣ это не кажешся чудомъ. Ежели не бывая два, много что при мѣсяца, проѣдешь по ней; то и чрезъ такое малое время невольно удивишься, увидѣвъ при, чешыре дома, одинъ другаго лучше, красивѣе, какъ будто воздвигнутые мановеніемъ всемогущаго волшебства. Повѣрите ли, что даже въ мое опсушествіе многое прибавилось и улучшилось; по Невскому проспекту сдѣланы колеи, или брусья для спокойнѣйшей ѣзды экипажей. — “Я читалъ это въ нашихъ газетахъ опвѣчалъ спарикъ, и судя по Ревельскимъ улицамъ, не могъ понять, какъ можно пворить такія чудеса., — Тушь съ самодовольствомъ и гордоспію сполічныхъ жишелей мы разказывали нашему почтенному слушапелю о Пешербургскихъ загородныхъ гуляньяхъ, о блестящихъ экипажахъ, и проч.— Спарикъ слушалъ насъ съ удовольствіемъ. — Вашъ Ревель, сказалъ я, оканчивая панегирикъ Пешербурга, можно сравнить съ древнимъ, густымъ лѣсомъ, сквозь копорый лучи солнца не проникають, и пошому ни одинъ красивый цвѣпочикъ, ни одно свѣжее растѣніе не прозябаеть на его почвѣ; а столица

Сѣвера ешь богатый цвѣтникъ, гдѣ на землѣ, не вездѣ еще воздѣланной, при нашемъ шепломъ, благошворномъ солнцѣ, возраспають величественныя деревья и пышныя цвѣты. — “Понимаю, сказалъ спарикъ послѣ минушнаго молчанія, понимаю: вы говорите о нашемъ крошкѣ, благодѣшльномъ Государѣ., — Разговоръ принялъ другое направленіе. Почтенный вешеранъ пришелъ въ восторгъ, разказывая о вождѣшномъ прибышніи въ Ревель Его Величештва; о своей и общей радости при вешрѣчѣ любимаго Государя; объ Его ласковомъ, истинно-царскомъ обращеніи. “Какъ не порадоваться, говорилъ онъ, приѣзду шакого дорогаго госпя!., — Вѣрю словамъ вашимъ, сказалъ я: мнѣ самому посчастливилось быть свидѣшлемъ восхишенія добрыхъ жишелей Ревеля. — Нашъ спарикъ разказалъ намъ о нѣкошорыхъ черпахъ приверженности здѣшнихъ жишелей къ своему Монарху. Мы мѣнялись анекдотами и время шекло непримѣшно. Посмошрѣвъ на часы, я увидѣлъ, что разговоръ нашъ продолжался болѣе часа. Мы намѣревались уже проспашься съ почтеннымъ нашимъ знакомцемъ;

но по его глазамъ и кашлю я догадался, что онъ желалъ о чемъ-то спросить; но не рѣшался, опасаясь задержанъ насъ слишкомъ долго. — Вижу, сказалъ я ему, что вы боитесь потревожить насъ своими вопросами; прошу васъ оставить излишнюю учтивость. — “Я хотѣлъ было спросить у васъ о перемѣнахъ по военной службѣ, сказалъ онъ. “Вопросъ сдѣланъ былъ не твердымъ голосомъ; глаза Ветерана заблещали; щеки покрылись блѣднымъ румянцемъ. Онъ желалъ узнать о прежнихъ своихъ сослуживцахъ, воскресить въ своей памяти давно минувшія времена славы и подвиговъ. — Эта черта добродушія меня глубоко пронула; она была достойна пера Шернова, или Валпера Скопина. Съ величайшимъ удовольствіемъ мы удовлетворили, сколько могли, его благородному любопытству; разговоръ вновь завязался: разсуждали о маневрахъ, парадахъ, прекраснѣйшихъ мундирахъ нашего войска. “И у насъ есть свои Рыцари, сказалъ *N*, говоря о Кирасирахъ; но шлемы ихъ, свѣплѣе, оружіе легче ржавыхъ доспѣховъ вашихъ высокоблагородныхъ меченосцевъ; однакожъ и въ лег-

кихъ лапахъ своихъ они также мало бояшся пули, какъ ваши преждебывшіе палатины., Спарикъ не обидѣлся шушкою на счесть его знаменитыхъ предковъ: это сказано было въ похвалу Россійскому войску, и радость, сіявшая на лицѣ спараго воина, говорила за него: *я самъ служилъ въ Россійской армии!* — Что вы не приѣдете къ намъ въ столицу? — “Я надѣюсь имѣть это удовольствіе прежде смерти; до сихъ поръ привычка и любовь къ родинѣ меня здѣсь удерживали. ,

Мы разспались. — Чшожь достопримѣчательнаго въ вашей встрѣчѣ? спросите вы меня, м. л. д.—Конечно не много; но мы встрѣтили челоѵка добраго и благороднаго, насладились его бесѣдою; это не мало. Но я желалъ, чшобъ вы были съ нами во время нашего разговора съ почтеннымъ вепераномъ. Его глаза, блискавшіе огнемъ, его веселое, выразительное лице, его движенія, доброша, выражавшаяся въ каждомъ словѣ; рѣдкая *деликатность*, (извините: иностранное слово) съ которою онъ разспрашивалъ о прежнихъ своихъ начальникахъ и сослуживцахъ; все дѣлало его занимательнымъ;

я повѣрилъ бы душевно словамъ шакого
человѣка, когда бы онъ сказалъ: “ежели
бы я, нарядившись въ спаринный свой
мундиръ, удостоился обратишь на себя
вниманіе ГОСУДАРЯ; и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
осчаспливиль меня СВОИМЪ Царскимъ
словомъ, я бы не оробѣлъ: я служиль ЕГО
АВГУСТѢЙШЕЙ Бабкѣ, ЕКАТЕРИНѢ ВЕ-
ЛИКОЙ; проживъ болѣе семидесяти лѣтъ,
могу сказашь смѣло: чесшь моя не зама-
рана, совѣсшь не спраждешь; при шакомъ
счаспливомъ событіи мое сердце заби-
лось бы ошь радосши, а не ошь другаго
чувства! „

Я освѣдомлялся у содержашеля кан-
дидшерской о почшенномъ спарикѣ. Сколь-
ко я могъ узнашь, онъ Нѣмецъ; опсшавлень
Секундъ, или Преміеръ-Маіоромъ при Им-
ператрицѣ ЕКАТЕРИНѢ; извѣсшень своею
честносцію и добродушіемъ; любилъ раз-
прашивашъ у Цепербургскихъ и разгова-
ривашъ о прежнемъ, жишѣ-бышѣ. Имѣя
изрядное сосшояніе, онъ живецъ очень
счаспливо.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ АНГЛИЧАНИНЪ.

Въ страстяхъ всѣ люди сходны другъ съ другомъ: эта истина извѣстна всѣмъ; особенно влюбленные имѣють, кажется, всѣ одну физиогномію: между темъ нѣтъ изъ нихъ ни одного, копорый бы не имѣлъ въ себѣ чего нибудь опличительнаго отъ другихъ. Вотъ одинъ примѣръ оригинальности, копорый многихъ удивитъ, но вѣрно, не многихъ найдетъ себѣ подражателей.

Англичанинъ, Сиръ Томасъ Долцей, спушилъ уже въ сороковый годъ своей жизни, хвастаясь, что ни разу еще не былъ влюбленъ, и обѣщаясь хранить свою твердость до самаго гроба. Тщепно славнѣйшія Лондонскія красавицы старались поколебать его нечувствительность: онъ восшавалъ противъ нихъ всегда съ новою твердостью.

Однажды Сиръ Долцей опправился въ свою деревню, что бы въ полной мѣрѣ предасться удовольствію звѣриной ловли. Случай (поэтъ сказалъ бы: *любовь*) приводинъ новаго Инполипа къ одной мызѣ. Онъ входитъ въ сельскій домикъ, копо-

раго приятная и просная наружность уже предубѣждала въ пользу его обитателей — вступишь — и вдругъ новое чувство поражаетъ его сердце: онъ видитъ Миссъ Люци — онъ очарованъ ея прелестями. Эна молодая дѣвица оправдывала въ полной мѣрѣ внезапную страсть Англичанина. Трудно было сыскать прекраснѣе ея. Миссъ Люци жила въ деревнѣ со своею матерью: пошерь процесса заставила ихъ удалиться изъ Лондона.

И вопшь Сирь Долцей ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ только о прелестяхъ Люци. Невольникъ любви, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опустываетъ себя цѣцями, вмѣсто того, что бы старался разрывать ихъ. Не было любовника нѣжнѣе, почтительнѣе Долцея. Наконецъ онъ осмѣлился изъясниться. Ему опвѣчаютъ — съ учтивостію, но и съ пвердостію — что бы онъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды, хопя намѣренія его были честны. Онъ обращается къ матери: она опвѣчаетъ ему со вздохомъ, что предоспавила дочери полное право располагать своею рукою.

Сирь Томась не уклоняется: онъ про-

ливаешь слезы; по крайней мѣрѣ хочешь онъ знать причину столь жестокаго отказа.

“Не могу сказать вамъ ничего болѣе, опвѣчаешь ему Люци; но не скрою отъ васъ того, что вы имѣли бы преимущество предъ всѣми, если бы мнѣ позволено было избрать супруга.,,

— Если бы вамъ было позволено! Но ваша мапушка увѣрила меня, что вамъ дана отъ нея полная власть располагать своею рукою. —

“Мапушка...Ахъ! она знаетъ...почему не сказала она вамъ причину моего отказа?...Я не хочу—и не должна быть замужемъ!.,

—Не уже ли, Миссъ, ваше разспроенное состояніе можешь препяшснвовашъ нашему союзу! Нѣтъ, Миссъ, чувство любви незнакомо вашему сердцу! Въ любви не пребуется богатства! Но мое состояніе будетъ доспапочно для насъ обоихъ.

Все, что ни говорилъ Долцей, не поколебало рѣшительности Люци. Наконецъ, исполненный горестію, оставляешь онъ ее, и, по возвращеніи къ себѣ въ домъ, предаешь глубокимъ размышленіямъ: ка-

кая бы могла бытъ причина ея отказа? Почему мать не хотѣла открытъ мнѣ тайны, споль упорно скрывается дочерью?...не ужели?...нѣтъ; прекрасная Люци! твои добродѣтели уничтожаютъ это подозрѣніе!—Но если обольщеніе и успѣло уловить ея въ свои сѣти, по минуша слабости должна ли сдѣлать ея несчастною на всю жизнь? Нѣтъ! Любовь моя примиришь ея съ людьми, съ самой собою и поставишь въ обществѣ на мѣстѣ приличнѣйшемъ.,,

Онъ лепишь къ нечувствительной, и въ нѣжныхъ, скромныхъ выраженіяхъ сообщаетъ ей свои мысли.

“Какія оскорбительныя подозрѣнія!—Благодарю Бога, никогда не имѣла я причины краснѣть предъ глазами свѣта! Я должна только жаловаться на судьбу свою..., Слезы прервали ея голосъ.

Долцей упадаетъ на колѣни, плачетъ, самыми живыми красками описываетъ ей любовь свою, свои спраданія—и наконецъ разспроганная Люци вскричала: “Вы побѣдили!... Такъ, вы узнаете... но чего споишь мнѣ это признаніе?.. Ваше предложеніе для меня очень десно, и рука

моя гопова повинувашься сердцу...но одно
препятствие, непреодолимое препятствие
повелѣваеть намъ распаться навсегда!..
Вы хотише знать? Ишакъ слушайте!..
Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я упала и..,

—И что же далѣе, Миссъ?..Вы смущаешесь! —

“Увы! мое смущеніе весьма натурально! Но я должна сказать вамъ все: мнѣ отрѣзали ногу—и—приславили деревянную..”

—Деревянную ногу, Миссъ!...Да, это правда: приключеніе весьма неприятное! Но это не помѣшаеть мнѣ отдавать должную справедливость вашимъ добродѣтелямъ, вашей красотѣ, вашимъ талантамъ! Не сохранили ли вы сердца, которое будешь любить меня, если нѣжная, спрассная любовь моя имѣетъ какую либо цѣну въ глазахъ вашихъ? —

Люди оспасея непреклонною. —
Женщина съ деревянною ногою, говоришь она, можеть ли нравиться? А что супружество безъ любви? —

Сирь Томасъ испощилъ всѣ убѣжденія; онъ готовъ уже былъ оспавить навсегда нечувствительную красавицу — какъ вдругъ одна мысль блеснула въ головѣ его.

—Миссь, я їду въ Лондснъ; мы скоро увидимся—и тогда надїюсь получитьъ ваше согласіе! —

Не внимая Люци, бѣжипшь онъ домой и въ по же время уѣзжаетъ въ столицу. По приѣздѣ шуда, Долцей попчасъ посылаетъ за операшоромъ; въ ожиданіи его, кладетъ онъ на споль съ одной спороны 300 гиней, а съ другой пару заряженныхъ иисполешовъ.

Операшоръ являешся.

“Здравспивуйше, сударь! Хороши ли ваши инструменшы? „

—Прекрасные, Милоспивый Государь! но для чего? —

“Вамъ надобно сдѣлать небольшую, но довольно шрудную операцію. Видише ли эшу ногу? Вы должны опшняшь ее—и сей же часъ!,,—

— Эшу ногу, Милоспивый Государь! но мнѣ кажется она совершенно здорова.

“Объ эшомъ у васъ не спрашиваюшь, здорова ли нога моя, или нѣшь — я хочу, я шребую, что бы вы ее опрѣзали!,,

Операшоръ думаетъ, что Сиръ Томасъ въ припадкѣ сумасшесшвія, и хочетъ удалипшься.

“Вы не уйдете сударь, опсюда; не уйдете прежде, пока не ошнимите мою ногу!”, —

—Но, Милоспивый Государь, могу ли исполнить я шакое необыкновенное шребованіе?—Позвольте сказашь вамъ...

“Не хочу слушашь вашихъ разсужденій! Въ послѣдній разъ говорю вамъ: соглашайтесь! Вы видите здѣсь Зоо гиней и заряженные пистолепы: выбирайте!”,

Бѣдный Операторъ принужденъ былъ согласишься. Еслибъ имѣлъ онъ дѣло съ Французомъ, то поспарался бы убѣдишь его; но онъ зналъ очень хорошо швердосшь характера своихъ соопечесшвенниковъ—и ошнял ногу Долцея съ большимъ искусствомъ.

“Очень благодаренъ вамъ! сказаъ ему герой любви. У васъ легкая рука! Вопшь вамъ еще 100 гиней; прикажите сдѣлашь для меня хорошую деревянную ногу. Посѣщайте меня до моего выздоровленія и надѣйтесь на мою благодарносшь.”

Сиръ Томасъ выздоровѣлъ и съ деревянною ногою, сокрышою подъ сюртукомъ въ чулкѣ, возвратился къ Люци.

“Ипакъ, Миссъ, вы не перемѣнили своихъ мыслей? Говорите правду: одна ли

эша несчастная нога препятствуетъ нашему соединенію?,,

—Я уже сказала вамъ, Сирь Томась! ..Не довольно ли энаго, что бы сдѣлашь-ся несносною даже въ собшвенныхъ своихъ глазахъ? —

“Послушайте, Миссъ, эшо право бездѣлица! и если точно нѣтъ другихъ причинъ вашего опказа, то я увѣренъ, что буду вашимъ мужемъ. (*Онъ открываетъ свою ногу.*) Посмотрите, Миссъ: у меня также деревянная нога!,,—

—Что я вижу!—

“Слабый знакъ моей любви!,,

Сирь Томась разсказалъ ей все происшествіе съ хладнокровіемъ, истинно Британскимъ.

—Ахъ, что вы сдѣлали!—говоритъ ему плачущая Люци.

“То, что повелѣвала мнѣ любовь. Но что значашъ эшѣ слезы?—Не долженъ ли я ожидать новаго опказа?,,

Побѣжденная Люци упадаетъ въ его объятія.

“Опкажусь ли я опъ шакого супруга!,,

Они живутъ еще и нынѣ, и деревянныя ихъ ноги не мѣшаютъ имъ наслаждаться удовольствіями согласнаго и счастливаго супружества.

Съ Франц.

~~~~~

Книжныя Извѣстія.

I.

О изданіи Журнала: Благонамѣренный на 1825 годѣ.

Два года сряду (прошедшій 1824 и нынѣшній 1825) Издаватель *Благонамѣреннаго* не могъ занимать сполку, сколько бы хощлъ своимъ Журналомъ: спеченіе многихъ непріятныхъ и непредвидимыхъ обстоятельствъ (между прочимъ продолжительная болѣзнь и наводненіе) было причиною, что книжки *Благонамѣреннаго* не всегда выходили въ опредѣленный срокъ. По крайней мѣрѣ Издаватель не наполнялъ безъ разбора листовъ и старался по возможности дославить Публикѣ пріятное и занимательное чтеніе. Въ обоихъ сихъ годахъ было не менѣе, чемъ въ предыдущихъ оригинальныхъ статей; переводы же помѣщались большею частію изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій. Кто знаетъ опытомъ

сколь шрудно одному человѣку, имѣющему кромѣ липшерашурныхъ и другія занятія, издавать въ мѣсяць ошь 8 до 10 печашныхъ листовъ: шопшь вѣрно проспашъ, если между многими дѣльными спашьями найдешъ нѣскольго слабыхъ, помѣщенныхъ не для личнаго угожденія, но по необходимости.

Съ будущаго 1826 года Издапель надѣешся имѣшь у себя постоянныхъ сошрудниковъ и постарашся бышь исправнѣе, а въ выборѣ піезъ несравненно спроже прошивъ прежняго.

Для Журнала: *Благонаимѣренный* на 1826 годъ, предназначашся слѣдующія ошдѣленія:

I. Изящная Словесность.

Стихотворенія, какъ шо: Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Басни, Пѣсни, Романсы и стихотворные ошрывки. Стихотвореній будешъ весьма немного, ибо лучшія помѣщашся нынѣ въ алманахахъ, а посредственныхъ не для чего и печашать. Повшоримъ сказанное прежде: *Les vers passablement bons ne valent pas le diable.* *Проза*: Рѣчи, Разговоры, живописныя Путешествія, Повѣсти, ошрывки изъ Романовъ, и проч. Повѣсти помѣщашемы будупшь въ каждой почти книжкѣ.

II. Литтература, Науки и Художества.

Теорія Словесности, Наукъ и Художествъ. Разсужденія о предметахъ по всѣмъ симъ прѣмъ часшямъ, невыходящимъ изъ сферы познаній всякаго образованнаго чело-вѣка. Это опдѣленіе будетъ гораздо менѣе прочихъ.

III. Критика.

Разборъ нѣкопорохъ новыхъ книгъ, относящихся непосредственно къ *Излишней Словесности*, и разныхъ небольшихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Замѣчанія на разныя списашы современныхъ журналовъ, и ш. п. Замѣчанія сіи будутъ помѣщаемы въ каждой почши книжкѣ. Трудъ сей предоставляетъ себѣ собственно Издашель. Смѣло можетъ онъ увѣришь почщеннѣйшую Публику, что въ опдѣленіи *Критики* не найдутъ никакихъ колкостей и насмѣшекъ — ни припорныхъ, приспирасшныхъ похвалъ, кошорыя для испиннаго шаланша оскорбительнѣе самыхъ язвительныхъ порицаній, а только одни скромныя и благонамѣренныя замѣчанія, имѣющія цѣлю пользу опечесшвенной словесности.

IV. Библюграфія.

Извѣспія о всѣхъ вообще новыхъ Русскихъ книгахъ, съ крашкими на нѣкопорохъ

изъ оныхъ замѣчаніями, равно и о иноспранныхъ сочиненіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе. Извѣстія сіи также будутъ помѣщаемы въ каждой книжкѣ *Благонамѣреннаго*.

V. Нравы.

Описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ обществъ — каршины домашней жизни — характеры.

VI. Смѣсь.

Иноспранные и опечеспвенные анекдоты *) — Нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія — Саширическія вѣдомости, безъ всякихъ однако личностей — Разныя любопытныя новости и крашкія выписки изъ новѣйшихъ иноспранныхъ журналовъ — Благошворенія — Вопросы и Опвѣлы — Загадки, Шарады, Логогрифы, Омнимы, Анаграммы, и ш. п.

Въ шрудахъ Издашеля *Благонамѣреннаго* обѣщались учаспвовашь многіе извѣспные

*) Нѣсколько уже лѣтъ Издашель *Благонамѣреннаго* собираешь опечеспвенные анекдоты и собра.ть ихъ очень довольно. Сшощь шолько написашь, а весело пишашь анекдоты.

и даже опличные лишперашоры. Издапель упошребитъ со своей стороны всѣ зависящїе отъ него способы сдѣлать журналъ свой, сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе, избѣгая болѣе всего сухости, пристрастія и неспернимаго въ лишперашурныхъ сужденїяхъ рѣшительнаго, наставническаго тона.

Первая книжка *Благонамѣреннаго* на 1826 годъ раздавашся будешъ 1 ч. Генваря; вшорая 15 ч. и шакъ далѣе по два раза въ мѣсяць. Каждый нумеръ, или книжка, будешъ заключашъ въ себѣ отъ *четырехъ* до *пяти* печашныхъ листовъ, или отъ 64 до 80 шраниць. Шешъ нумеровъ соспавяптъ частъ, а 24 № полное годовое изданїе.

Подписка на Журналъ: *Благонамѣренный* принимашся въ *Санктпетербургѣ* въ Газешной С. П. бургскаго Почтамша Экспедиціи, кошпояя припала самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленїю сего журнала иногороднымъ подписчикамъ; у Издапеля *А. Е. Измайлова* 5 класса, живущаго на Пескахъ пропнвъ Бассейна въ каменномъ прехъ-эпашномъ домѣ *Моденовыхъ* подъ № 306; въ книжныхъ магазинахъ *И. В. Сленина*, *А. Ф. Смирдина* и у всѣхъ прочихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у Коммиссіонера шамошняго Университеша *А. С. Ширяева*. Цѣна за годовое изданїе, ш. е. за 24 книжки,

здѣсь въ С. п. бургѣ 30 р.; за полугодное же, или 12 книжекъ 15 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 7 р., а за полгода 3 р. 50 к. Иногородные благоволяшъ опиносилься не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашелю, или въ Газетную, С. п. бургскаго Почтамта Экспедицію. Желашющіе получаютъ Журналь сей на Любской бумагѣ благоголяшъ сверхъ вышеозначенной цѣны прилагашъ на годъ 5 р. и подписашся заблаговременно, ш. е. въ печеніи нынѣшняго 1825 года.

У Издашеля же *Влагонамѣреннаго* можно еще получашъ Журналь сей на 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824 и 1825 годы за самую дешевую цѣну, каждый годъ порознь по *пятнадцати*, а за всѣ *восемь* лѣшъ вмѣшѣ по *стц* рублей безъ пересылки. На пересылку же за каждый годъ особо прилагашся по 5 р. а за всѣ *восемь* годовъ 25 р.

А. Измайловъ.

2.

Écho de Paris.

Almanach pour l'Année 1826.

Подъ симъ заглавіемъ выдѣшъ въ свѣшъ въ будущемъ Генварѣ мѣсяцѣ, Французскій

Альманахъ, заключающій въ себѣ избранныя мѣста изъ новѣйшихъ, лучшихъ и большею частію еще неизвѣстныхъ Французскихъ сочиненій. Сверхъ того въ ономъ Альманахѣ будутъ помѣщены извлеченія изъ любопытныхъ Путешествій нашего времени, разныя занимательныя Повѣсти, Стихотворенія, Анекдоты, Шарады, Загадки и проч. Крашкія, но не менѣе того вѣрныя описанія нравовъ нынѣшнихъ Обществъ въ Парижѣ послужатъ дополненіемъ упомянутыхъ спашей сего изданія, которое, какъ предполагать должно, займетъ чрезъ то не послѣднее мѣсто между лучшими произведеніями сего рода во Франціи и въ Германіи.

Подписка на сей Альманахъ принимается въ С. Пешербургѣ у Гг. Книгопродавцевъ С. Флорана, Грефа и Вейера; въ Москвѣ у Гг. Книгопродавцевъ Урбена, Гоміе и Рисса. Иногородныя Особы съ требованіями своими и приложеніемъ надлежащей суммы благоволять ошноситься прямо къ Издашелю онаго, Тишулярному Совѣшнику Андрею Карловичу Тиллю, служащему въ Минисперствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, который принимаетъ на себя непремѣнную обязанность доставить сей Альманахъ немедленно по напечатаніи. Цѣна онаго для жителей С. Пешербурга 10 рублей ассигнаціями, а 15 руб. для Гг. Иногородныхъ.

Издашеть, желая подарить Публику произведеніемъ не только приятнымъ и къ удовольствію служащимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полезнымъ, могущимъ удовлетворить вкусу разборчивому и изящному, не преминеть употребить всѣ возможные средства, дабы заслужить всеобщее одобреніе. Лучшая бумага, хорошая печать, сноровчатый выборъ занимательныхъ піесъ — все ручаешься за успѣхъ сего предпріятія.

Такъ какъ Издашеть намѣренъ печатать только количество экземпляровъ сообразное съ числомъ Особъ подписавшихся на изданіе сего Альманаха, то оныя благоволяшь подписаться не позже 20 го Декабря сего года. Имена подписавшихся Особъ будутъ припечатаны въ Альманахѣ.

3.

О Календарѣ Музѣ на 1826 годѣ.

Вмѣсто *Парнаскаго Цвѣтника*, о изданіи котораго объявлено въ XXV и XXVI N^o *Благонамѣренкаго*, также въ XX N^o *Телеграфа*, выдешь на будущій 1826 годъ лишне-рашурный алманахъ подъ названіемъ: *Календаръ Музѣ*, составленный *А. Измайловымъ* и *П. Яковлевымъ*. Алманахъ сей одобренъ уже Цензурою и допущенъ въ печать. *Ка-*

жидарь Музбъ заключаешь будешь въ себѣ новѣйшія, оригинальныя сочиненія какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Книжка сія отпечащается въ послѣднихъ числахъ слѣдующаго мѣсяца Декабря и продаваться будешь въ одномъ только книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, что въ домѣ Гавриловой у Синяго моста, по десяти рублей экземпляръ на веленовой бумагѣ. Иногородные прилагають за пересылку по 25 к. серебромъ, адресуя требованія свои въ помянутый магазинъ.

4.

О изданіи Указателя открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи на 1826 годѣ.

Журналъ сей будешь продолжаемъ въ 1826 году пошому же плану, какой былъ принятъ сначала изданія. По плану сему оплать тѣ же будешь существенныя части его, а именно: открытія и разныя усовершенствованія по части Физики, Химіи, Минералогіи, Зоологіи, Ботаники и въ особенности по Технологіи, въ кошую включается и сельское хозяйство, съ присовокупленіемъ извѣстій о важнѣйшихъ новыхъ сочиненіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ по упомянутымъ наукамъ.

Считая необходимымъ увеличить число изображеній разныхъ предметовъ, для лучшаго объясненія оныхъ, Издашеля принужденнымъ себя находить увеличить и цѣну журнала сего пятью рублями. Такимъ образомъ изданіе Указашеля Ошкрышій на 1826 годъ, долженшвующее сосшавить прешій томъ онаго и заключашь въ двухъ часпяхъ шесть номеровъ, каждой отъ 8 до 12 лисшовъ текста въ 8, съ 3-5 шаблицами изображеній въ 4, будетъ спойшь въ С. Пешербургѣ, безъ доспавленія въ дома, 25 рублей, съ доспавленіемъ же 28 рублей, а для иногородныхъ съ пересылкою 30 рублей. Если кто пожелаешъ имѣшь изданіе сіе и первыхъ двухъ годовъ вмѣстѣ, по въ 1826 году можно |будетъ получашь оное безъ пересылки за 40, а съ пересылкою за 45 рублей ошь Издашеля.

Подписка принимаешся, въ С. Пешербургѣ, у Издашеля, Экспраординарнаго Профессора Имперашорскаго С. Пешербургскаго Университеша, Надворнаго Совѣшника Николая Прокпьевича Щеглова, въ кварширь его, находящейся на Васильевскомъ оспровѣ, въ Университешскомъ ошдѣленіи зданія старыхъ Коллегій, что прошивъ биржи (отъ 4 часовъ по полудни), также въ книжныхъ магазинахъ и лавкахъ у Гг. Греффа, что прошивъ Адмиралшешсшва въ домѣ Щербакова,

Смирдина у Синяго моста, Сленина у Казанскаго моста, И. П. Глазунова, Свѣшниковъ и Зайкина въ госпиномъ дворѣ; иногородные же Гг. пренумераншы благоволяшь ошносись или къ Издашелю, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта, прямо, или чрезъ другія почшова Экспедиціи и Коншоры.

~~~~~

Омонимы.

1.

Я нуженъ для часовъ. Когда же я въ дворяхъ,

То входъ и выходъ заграждаю.

Я нивы и поля и горы орошаю.

Прешупникъ скованъ мной въ цѣпяхъ.

Вельможѣ знашному отличіемъ бываю—

Узнайше: и у васъ нерѣдко я въ рукахъ!

2.

Когда я на лешу—шо шысячи лежашъ,

Когдажь на деревъ—сшибаюшь и ѣдяшь.

~~~~~

***

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XXXVII и XXXVIII.

ДЕМУТЬЕ ВЪ ВЕНСЕННЪ,

или

ПРИМИРИТЕЛЬ.

Повѣсть, соч. Г. Булви.

Съ умомъ и любезностію Демутье могли шолько сравнишья приятное лице его и увлекающая прелесть голоса. Взглядомъ своимъ возбуждалъ онъ довѣренность; каждымъ словомъ внушалъ желаніе съ нимъ познакомиться, полюбить его; чуждый всѣхъ липперашурныхъ сплетней, заключилъ онъ себя въ небольшомъ приятельскомъ кругу, гдѣ обращался съ соперниками со всею снисходительностію и праводушіемъ писателя, знающаго шрудность своего дѣла. Онъ былъ шрогъ шолько къ поносителямъ истиннаго достоинства, зависникамъ всякаго возникающаго шаланпа, которыхъ мучилъ малѣйшій успѣхъ другаго. Защищалъ ошсуществующихъ, примирялъ раз-

дѣленныхъ самолюбіемъ и несогласіемъ: шакое было его характеръ, сладчайшее утѣшеніе сего любезнаго человѣка, изобразившаго себя такъ вѣрно въ своей Комедіи: *Приширитель* (Le Conciliateur).

Сочиненіе сіе окончилъ онъ въ Венсенѣ, куда часно ѣздилъ пользоваться молокомъ отъ грудной боли, копорая его беспокоила, и вскорѣ послѣ того похитила во цвѣтѣ лѣтъ у многочисленныхъ друзей. Эта Комедія, лучшее его драматическое произведеніе, занимала его безпрестанно. Онъ написалъ ее съ замѣпною легкостію и опдѣлывалъ долго прежде, нежели опдалъ для представленія. Я не зналъ ни одного лишператора, копорый бы шакъ мало довѣрять своимъ силамъ. Получаемые имъ успѣхи вмѣстѣ сего, что бы ободрить его, дѣлали еще оспорожнѣе, недовѣрчивѣе къ самому себѣ. — Часно говаривалъ онъ, что въ свѣтѣ всего пруднѣе поддерживашъ шажестъ приобрѣщенной извѣстности; а что лучше его умѣлъ соединять прямой талантъ съ истинною, непришворною скромностію, праводушіемъ, веселостію и самымъ любезнымъ обращеніемъ?

Назначень уже былъ день для чтенія въ Театрѣ Французскомъ Комедіи: *Примиритель*. Мысль сего сочиненія была шемъ счастливѣе, что въ то время во Франціи, а особливо въ столицѣ, начинали уже чувствовати вліяніе политическихъ возмущеній, низпровергнувшихъ въ послѣдствіи всѣ классы общества. Но если желаніе успокоить умы было тогда предприятіемъ, заслуживающимъ уваженіе, то съ нимъ были сопряжены опасности не безызвѣстныя для Демушье. Онъ зналъ хорошо людей и пошому спрашилса прикасаться къ костру, уже сильно пламенѣвшему, котораго малѣйшая искра могла произвести величайшій пожаръ. — Съ другой стороны, имѣя такую пламенную душу, такую счастливую способность, не желалъ онъ встрѣчати на театрѣ свѣта родственниковъ, и друзей въ раздорѣ между собою; достоинство въ униженіи и проницательство въ порожествѣ; намѣреніе его было: представити на сценѣ характеръ, благородныя усилія и вознагражденіе примирителя.

На канунъ дня, назначеннаго для чтенія его Комедіи, опиравился онъ еще до

восхожденія солнца въ Венсеннъ съ рукописью подь мышкою, и уединился въ лѣсъ, что бы пересмотрѣшь памь окончашельно свое произведеніе, кошорое особенно ему нравилось. Въ уединеніи, яснымъ ушромъ, подь кровомъ первыхъ весеннихъ листьевъ, умь бываеть чище, свободнѣе, и легче можешь усмотрѣшь недоспашки, часпо скрывающіеся опь самага ошпыннаго писателя. Демутье перечитываешь съ величайшимъ вниманіемъ свое сочиненіе, снова разсмаприваешь планъ, ходъ, цѣль его. Мысленно переноситсь въ парперъ и цѣнитсь самага себя, какь бы неумолимый крипикъ, защищающій честь словесности и назначающій мѣсто писателю по его заслугамъ. Проходившись по шропинкамъ, пришелъ онъ къ пирамидѣ, воздвигнушой въ срединѣ лѣса, опкуда разходились дороги въ разныя стороны. Успавъ опь прогулки и желая укрытьсья опь зноя солнца, высоко уже зошедшаго на горизонтъ, сажисья онъ шущь подь дерево, разбираешь вновь каждый спихъ своей піэсы и предаешь надеждѣ успѣха. Сладкія мечты его вдругь прерывающся спукомъ

кареты, которая проѣхавъ мимо его, оспанавливается и опѣзжаетъ, высадивъ на большую Сен-Марскую дорогу молодого человѣка, вооруженнаго шпагою; распроенное лице его показываетъ, что онъ намѣренъ драться на поединкѣ. Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ пошомъ приѣзжаетъ кабриолетъ; изъ него выскакиваетъ другой молодой человѣкъ, также вооруженный; по всему видно, что это прошивникъ перваго. Онъ приказываетъ удалиться своимъ людямъ. Оба, измѣряя другъ друга глазами, воспламененными гнѣвомъ, сбрасываютъ свои плащя и обнажаютъ шпаги. “Возможно ли, — подумалъ Демутье, который, будучи сыномъ Офицера Королевской Гвардіи, зналъ не хуже другаго всѣ законы такъ называемой *тести* — “драшься безъ свидѣтелей! Должно полагаешь, что причина ссоры или очень важна, или слишкомъ ничтожна., — Онъ переспрашиваетъ сомнѣвавшись, услышавъ, что одинъ изъ прошивниковъ говоритъ другому: “не забудьте, что одинъ изъ насъ долженъ оспаться на мѣспѣ., — Я самъ хотѣлъ вамъ напомнить о шомъ же — отвѣчаетъ его соперникъ.

Демутье, который передъ этимъ поляко прочель превосходную сцену дуели, гдѣ Примиришель его заставляеть обняться двухъ раздраженныхъ соперниковъ, не хотѣль оспаваться безмолвнымъ свидѣтелемъ подобнаго происшествія. Онъ приближается къ сражающимся, начинавшимъ уже *выпадать*, спановишся между ими, разводитъ ихъ шпаги и говоритъ имъ: “извинише, господа, что осмѣливаюсь оспановишъ васъ: я не намѣренъ помѣщать вамъ сражаться; но видя, что вы исполняете жестокія условія чести, долженъ непременно исполнить то, чего собственная моя честь въ такомъ случаѣ опъ меня пребуешъ., — Опойдише! кричитъ ему съ угрозою одинъ изъ нихъ.—Кпо вы шаковы и какъ смѣете привязываться къ намъ? говоритъ другой. — “Я честный человекъ, могу въ эпомъ увѣришъ васъ; посушокъ мой конечно спраненъ: но выслушайте и судише ... я Демутье, сочинитель ... „ —Какъ? Вы авторъ *Писельъ къ Эмилии*?— Я самый: завпра буду читать во Французскомъ Театрѣ новую мою Комедию въ пяши дѣйствіяхъ, въ сшихъ; здѣсь

пересматривалъ я ее, чѣмъ исправить нѣкоторыя ошибки. Эта пѣса называется *Примиритель*. Нравственная ея цѣль доказать, что самое сладчайшее удовольствіе челоѣка чувствительнаго есть *примирить двухъ друзей*. Случай свелъ васъ со мною въ то самое мгновеніе, когда герой мой поржесвуешь. Скажи-те, не долженъ ли я присоединить примѣръ къ наставленію; не обязанъ ли употребить всѣхъ средствъ къ примиренію васъ., — Это не возможно; одинъ изъ насъ долженъ погибнуть! — Насъ примирить? Напрасный трудъ! — “По крайней мѣрѣ будете вы сражаться при свидѣтелѣ, который можетъ принять послѣднее желаніе умирающаго, дасть совѣтъ побѣдителю, всегда въ шакомъ случаѣ имѣющему нужду въ другѣ. Но если заслуживаю я отъ васъ хотя малѣйшее уваженіе и если чувствуете вы, подобно мнѣ, сколь необыкновенна наша встрѣча, то не откажи-те мнѣ хотя въ одной только просьбѣ., — Какой? объясни-те скорѣе. — “Позвольте прочесть вамъ мою Комедію. Если причина вашей распри дѣйствительно столь важна, что вы не можете

примиришься: по по крайней мѣрѣ исполню я свою священнѣйшую обязанность: но ежели ипуть ешь какое либо недоразумѣніе, происходящее опъ пылкости лѣшь, или опъ оскорбленнаго самолюбія, а можешь бышь и опъ клеветы какого нибудь недоброжелателя: по, умоляю васъ, допустите меня упопробишь все для спасенія вашей жизни и не осуждайше на вѣчное раскаяніе того, кто изъ васъ переживешь другаго!.,

Трогательный голосъ Демущье, благородное рвеніе, выразавшееся на привлекательномъ его лицѣ, внушиши двумъ соперникамъ шакое чувство, опъ кошораго не въ силахъ были они защишишь себя. — Они колеблюшя и наконецъ уступаютъ его просьбѣ. Садятя по споронамъ его, и позшь, ободренный симъ первымъ поржествомъ, одушевленный надеждою упопробишь шаланшь свой благороднѣйшимъ образомъ, предаетя всей горячости души своей, всей прелести своего разказа. Какъ видешь въ ролю Примиришеля эшопъ шонкій умъ, эшопъ ошторожный наблюдатель приличій, кошорый, опасаясь неизвѣшности

спора, умѣешь убѣгать его съ искусствомъ, предупреждать съ благоразуміемъ! Какъ изображаешь онъ эти древнія, наслѣдственныя вражды, погубившія столько семействъ! Но на его слушающей, кошорыхъ лица, какъ онъ замѣшилъ, спали мало помалу смягчались, еще сильнѣйшее дѣйствіе производилъ описаніе дружества, начавшагося съ дѣтскихъ лѣтъ и распорженнаго въ одно мгновенье — дружества, которое какъ бы невольно уступаетъ мѣсто ненависти. Когда живописуешь онъ двухъ друзей, годовыхъ умертвивъ другъ друга и когда произносишь сіи стихи, полные чувства и истины:

Le mal ne vient jamais que faute de s'entendre:
 Un équivoque, un rien fait naître des débats.
 Et puis la vanité (quel homme n'en a pas?)
 Agit sur notre coeur, le pique, l'aiguillonne,
 On s'aigrit, on s'emporte, enfin en s'abandonne
 A toute la fureur de son ressentiment...
 Qu'un éclair de raison brille en ce moment;
 Un mot avait fait naître, un mot calme l'orage,
 Et on finit toujours par s'aimer davantage *).

---

*) Несогласія всегда происходятъ отъ недоразумѣнія: двусмысленность, бездѣлка

“Конечно Дорсай не долженъ былъ сомнѣваться въ искренней моей къ нему привязанности,, — сказала съ примѣрнымъ замѣшательствомъ одинъ изъ соперниковъ.— Докуръ зналъ, какъ я былъ ему преданъ, возразилъ другой пренебрегающимъ голосомъ, и не смѣя поднять глазъ, опасаясь встрѣпиться со взглядомъ своего противника.—“Но подозрѣвать меня въ вѣроломствѣ!,, продолжаетъ первый.— Жаловаться на меня моимъ родителемъ, что я проигрываю въ карты! — “Называть предашелемъ вѣрнѣйшаго друга, спавишь мнѣ въ преступленіе то, что я отвлекъ его отъ бездны.,,— Принять со мною поношася наставника, покровителя! — “За такую приверженность плашить колкостію и угрозами!,,—Такое оскорбленіе

раждающъ распри. Тщеславіе также (ктожь не имѣеть его?), овладѣвъ нашимъ сердцемъ, подстрекаетъ, уязвляетъ оное. Раздражающъ другъ друга и предаются жесточайшей злобѣ... пусть лучъ разума блеснетъ въ это время... гроза, происшедшая отъ одного слова, однимъ же словомъ можешъ утишиться; примирившись, всегда любяшъ лучше прежняго.

омоемся кровію!—“Одною полькою смертію можно наказати такую дерзость!,,—Такъ вошь причина вашей распри! прерываешъ въ свою очередь Демущье. Одинъ жершвуешъ игрѣ своею честію, своимъ спокойсшвіемъ; другой хочешъ избавитъ его опъ эшой гибельной наклонности . . . и за эшо вы хошите умертвитъ другъ друга? Зачемъ думашъ о словахъ, когда сердце въ нихъ не участвовало? Ахъ! вмѣстощого, чшо бы омывали въ крови руки, споль часшо сжимавшія одна другую, позволше мнѣ соединитъ ихъ на моемъ сердце, исполненномъ радости. Нѣтъ, никогда мой *Примиритель*, каковъ бы ни былъ успѣхъ его, не доставитъ мнѣ шакаго наслажденія, какое чувствую теперь!—

При сихъ словахъ соединяешъ онъ ихъ въ своихъ объятіяхъ, и оба, убѣжденные симъ сладкимъ, увлекающимъ голосомъ, симъ благороднымъ порывомъ истиннаго достоинства, обнимающъ другъ друга и примиряющъ. Тутъ Демущье узнаешъ, чшо каждый изъ нихъ естъ единственная надежда двухъ достопочтенныхъ фамилій, которыя, безъ его великодушнаго посредства, вѣроятно были бы поверже-

ны въ ужасную горестъ и опчаяніе. —
 «Таковы-то гибельныя слѣдствія дуелей!
 восклицаетъ Демушье: родители убиша-
 го и оспавшагося побѣдителемъ равно
 несчастны! Эту жестокою истину,
 эту ужасную картину должно какъ мож-
 но чаще представлять глазамъ юноше-
 ства: не вредя нисколько наспоящей че-
 сти, можешь она умѣритъ порывы спра-
 сней бытъ полезною нравамъ и научашъ
 человѣчество!»,

На другой день Комедія была читана
 во Французскомъ Театрѣ. Ее приняли
 единогласно, и представленіе, имѣвшее
 блистательнѣйшій успѣхъ, вскорѣ воспо-
 слѣдовало. Легко можно себѣ предспа-
 вить, что въ полнѣ многочисленныхъ
 зрителей находились двое примиренныхъ
 друзей и ихъ семейства, узнавшія о всемъ
 происшедшемъ, и весьма много способство-
 вавшія своимъ одобреніемъ совершенному
 успѣху пьесы. Можно ли удержатъ вос-
 торгъ, внушенный благодарностію? Эта
 Комедія имѣла множество представленій,
 и каждый разъ, когда Дорваль произно-
 сить стихи, обезоружившіе двухъ раздра-
 женныхъ и непреклонныхъ соперниковъ,

счастливымъ Демупше мысленно переносился въ Венсенскій лѣсъ и воображалъ себя подъ шемъ деревомъ, гдѣ *Примиритель* его получилъ первый успѣхъ.

Л. Л.

К Р И Т И К А.

Разборъ Славянской Грамматики Г. Пенинскаго и Исторіи древней Г. Арсеньева.

Гг. Пепербургскіе и Московскіе Журналисты нынѣ такъ озабочены весьма *занимательными* для публики привѣщаніями и похвалами, копорыми угащиваютъ другъ друга, что имъ конечно некогда обратишь вниманія на нѣсколько полезныхъ сочиненій, недавно обнародованныхъ. Таковы напр: *Славянская Грамматика*, заимствованная изъ Грамматики Добровскаго Г. Пенинскимъ и *Исторія народовъ и республикъ Древней Греціи*, изложенная Г. Арсеньевымъ. Къ счастью по сию пору чуждый всѣхъ междусобій журнальныхъ, полагаю своею обязанностію посвящать нѣсколько часовъ

разбору сихъ двухъ книгъ: мнѣ не служашь и никогда не послужишь извиненіемъ въ подобныхъ опущеніяхъ никакія на меня нападки, ибо я положилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ — опивѣчать на оныя только въ случаяхъ, когда того опъ меня попотребуешь польза опечеспвенной Словесности, а эши случаи весьма рѣдки.

Грамматика Г. Пенинскаго, какъ по уже самое ея заглавіе, а далѣе и предисловіе, проказывающъ, есшь сокращеніе Грамматики знаменитаго Добровскаго, пополненіе нѣкопорыми правилами правописанія и словосочиненія, взяпыми изъ Грамматики Мелешія Смошрицкаго. У насъ по сю пору не было хорошаго руководства къ изученію языка Славянскаго, языка, безъ коего мы никогда не узнаемъ основательно ближайшей онаго отрасли, своего опечеспвеннаго. Г. Пенинскій нѣкопорымъ образомъ замѣнилъ сей недоспашокъ и по сему заслуживаетъ полную нашу благодарность. Надѣюсь, что въ скоромъ времени поотребуешь впораго изданія его общепользнаго шруда, и въ семъ ожиданіи сдѣлаю Г. Издашелю нѣсколько благонамѣренныхъ замѣчаній, ко-

порыхъ, можешъ бышь, не оставишь онъ безъ всякаго вниманія и упопробишь себѣ въ пользу.

Жалѣю чрезвычайно, что не имѣю передъ глазами Грамматики Добровскаго: любопытно бы было сравнить подлинникъ съ сокращеніемъ. За неимѣніемъ перваго, ограничусь краткимъ разборомъ послѣдняго.

Въ предисловіи Г. Пенинскаго, хошя написанномъ нѣсколько вишѣеаго, много дѣльнаго. Такъ напр. онъ говоришь о Ломоносовѣ: “измѣняя окончанія словъ церковнаго языка, подобно упопреляемымъ въ “общенародномъ, (и правильнѣе, и яснѣе и короче конечно было бы: измѣняя слова церковнаго языка по общенароднымъ окончаніямъ) “онъ сблизилъ ихъ навсегда “и уничтожилъ по различіе, которое до “него существовало между ими (ними), “оказываясь въ непріятной смѣси чистыхъ Славянскихъ словъ съ просшыми “разговорами.,—Далѣе объ языкѣ Славянскомъ вообще и объ обязанности всякаго Русскаго учиться оному: “Славянскій “языкъ ешь неопъемлемая, важнѣйшая “часть нашего отечественнаго слова,

“лучшее достояніе его, сокровищница
 “всегда опровергая къ его обогащенію.
 “При всемъ томъ мы еще весьма поверх-
 “носно занимаемся симъ языкомъ, весь-
 “ма мало въ сравненіи съ пользою, кошо-
 “рая происпекаетъ отъ него для нашей
 “Словесности. Похвально учисься раз-
 “нымъ иноспираннымъ языкамъ; но знашь
 “основательно Славянскій мы обязаны
 “для усовершенствованія своего собствен-
 “наго, слава коего неразлучна со славою
 “опечеслива. Мы учимся многому изъ од-
 “ного проспаго любопытства: почему
 “хоть въ семъ отношеніи не узнашь под-
 “робнѣе языка, равнаго въ достоинствѣ
 “Греческому и Латинскому, хотя бы онъ
 “не былъ собственнымъ языкомъ нашимъ,
 “языкомъ нашихъ знаменитыхъ предковъ
 “памятникомъ ихъ славы, и единствен-
 “нымъ нашимъ наслѣдіемъ. ,

Какъ несогласишься здѣсь съ мнѣні-
 емъ почтеннаго издаателя? Какъ не поже-
 лать, что бы слова его подѣйствовали
 на умы и души нашихъ юныхъ соопече-
 ственниковъ, чшобъ наконецъ

. . . . . испребилъ Господь, нечиспый
 эшотъ духъ
 Пущаго, рабскаго, слѣпаго подражанья

всему чужому, въ нравахъ и обычаяхъ, въ словесности и языкѣ, духъ подражанія, кошорый насъ удаляетъ ошъ всего ошечественнаго, въ силу кошораго многіе даже наши писатели пренебрегаютъ языкомъ Славянскимъ, гордятся симъ пренебреженіемъ и пишутъ порусски шакъ, какъ будто бы они были Нѣмцы, или Французы.

Но Г. Пенинскій увѣряетъ, будто бы съ воцаренія въ Россіи христіанской вѣры на Славянскомъ языкѣ: *“не представляли вимійствовати Опцы Православной Церкви нашей; Государи писати законы, наспавленія и договоры; пѣвцы—прославляти подвиги современныхъ героев; и бышописатели—передавати попомслву достопамятныя происшествія. „—Пошомъ будто бы: “книги церковныя служили образцемъ для писателей, и даже правиломъ лучшей бесѣды не въ цединенныхъ токмо обителяхъ, но и въ избраннѣйшихъ обществахъ свѣта!.,* Все сіе было бы чрезвычайно хорошо, полезно, пришно, желательного; но едва ли когда было шочно шакъ, какъ представляешь Г. Пенинскій! Всѣмъ, напрошивъ, извѣстно, что число Св. Опець, писавшихъ посла-

вянски, очень не велико *); что уложенія, граматы, договоры Великихъ Князей и попомъ даже Царей нашихъ, писаны языкомъ далекимъ ошъ прекраснаго языка Священнаго Писанія, которому одному должны мы приписатьъ названіе Славянскаго, если не захопимъ играшъ словами; что пѣвцевъ (спихошворцевъ) *Славянскихъ* мы вовсе не знаемъ; что наконецъ одни наши лѣшописцы (назовемъ ихъ, если угодно бышописателями) одни можешъ бышъ, писали *не прешавая*, ошъ преподобнаго Нестора до преобразования Россіи Пешромъ Великимъ. Правилкомъ же лучшей бесѣды избраннѣйшихъ общешвъ свѣша книги церковныя, къ со-

---

*) Безшмершныя шворенія Вселенскихъ Учишелей: Св. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Злашпоустаго, шакъ какъ и многихъ другихъ Свяшыхъ Ошцевъ *перешедены* на Славянскій языкъ съ Грешескаго: безъ сомнѣнія сіи священныя пишатели были всѣ Ошцы Православной Церкви, ш. е. Грековосшочной, слѣдешвенно и Греко-Россійской: но г. Пенинскій, кажешся, разумѣль шолько Ошцевъ Православной Церкви Россійской; онъ говорешъ: *нашей*.

жалѣнію, едва ли когда были: по крайней мѣрѣ съ самаго образованія сихъ такъ называемыхъ избраннѣйшихъ обществъ свѣта любимымъ языкомъ ихъ спалъ Французскій. Понимаемъ благородное побужденіе, заспавившее Г. Пенинскаго говорить съ нѣкоторымъ увеличеніемъ объ обласпи письменъ Слavianскихъ: онъ къ нимъ хопѣлъ *заохотитъ* нашихъ юныхъ соопечесшвенниковъ! Но таковое средсшво недѣйствительное; полагаю, лучше было бы просто сказать: “всякому Русскому спыдно не знашь языка своихъ предковъ, ибо безъ него онъ никогда вполнѣ не узнаешъ языка Русскаго.,” Въ подобную ошибку Г. Пенинскій впалъ, когда сказалъ о Ломоносовѣ: “онъ убѣдилъ насъ “своими классическими произведеніями “во всѣхъ родахъ слога, что истинное “краснорѣчіе не можешъ сущесшвовашъ “безъ церковныхъ книгъ., — Проза Ломоносова вообще, особенно же въ похвальныхъ рѣчахъ, не должна и никогда не можешъ служишь классическимъ образцемъ для послѣдоващелей, именно пошому, что образована не въ духѣ языка Слavianскаго, языка Священнаго Писанія, а въ духѣ язы-

ковъ Нѣмецкаго и Лашинскаго и по примѣру Цицерона, безконечнаго въ своихъ періодахъ.—Но, довольно о предисловіи!

О Грамматику же Г. Пенинскаго вообще скажемъ, что она безъ сомнѣнія лучшая (что бы не сказать единственная) Славянская, въ Россіи изданная: она по множеству основательныхъ, полезныхъ свѣденій и правилъ, въ ней заключающихся, заслуживаетъ всякое уваженіе; но къ несчастію, сіи правила не приведены въ одно твердое созаконеніе (систему), нигдѣ не представляются происходящими отъ началъ общихъ и посему нерѣдко съ перваго взгляда кажутся произвольными, одно другое уничтожающими, словомъ: Г. Пенинскій на свой предметъ смотрѣлъ не съ высоты, не многообъемлющимъ взоромъ умнѣвующаго, глубокомысленнаго знашюка, а глазами шудололюбиваго, но безопчешнаго наблюдателя; онъ щцашельно обогащался любословными (филологическими) познаніями, нужными сочинителю Грамматики. Трудъ похвальный и достойный поощренія! Но при вшоромъ изданіи надлежитъ ему сіи познанія привести въ большій порядокъ, въ большую

ясность. Определенія, копорыя Г. Пенинскій даесть часпямъ рѣчи, почти всѣ недоспапочны и неправильны; такъ же нѣкопорыя искусственныя (техническія), впрочемъ ушвержденныя упошребленіемъ наименованія, а нѣсколько мнимыхъ правилъ просшо ложны. — Сверхъ того желательнo бы было, что бы Г. Пенинскій чаще сравнивалъ нарѣчія церковное и гражданское; сравненія же перваго съ языками Греческимъ и Славянскимъ, копорыя индѣ встрѣчаются, безъ сомнѣнія занимательны; но для Русскихъ выше пребуемая были бы гораздо полезнѣе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство каждаго нашего обвиненія въ особеннoсти.

На страницѣ 25 между прочимъ мы читаемъ: “если вникнемъ въ корень “складовъ, то увидимъ, что ю пишется “всегда послѣ язычной л, когда она бываетъ первою и вшорою согласною буквою въ слогѣ.” — Что значить здѣсь: *если вникнемъ въ корень складовъ?* Сверхъ того, что значить самое сіе правило: шо-ли что ю пишется только послѣ язычной буквы л?—Этому бы прошиво-

рѣчило непосредственно слѣдующее за онымъ, что ю въ извѣстномъ случаѣ полагается и послѣ другихъ согласныхъ буквъ; по-ли, что послѣ язычной л всегда пишется ю, а никакая другая гласная? Или, что ю послѣ л всегда замѣняешь у? Но все это было бы равно несправедливо. — Дѣло-то, кажется, просхо вошь въ чемъ: по словамъ же Г. Пенинскаго губныя: *п, б, ш, в*, не щерпяшь непосредственно послѣ себя ю, а если по словопроизводству сія гласная за нимъ слѣдуетъ, вставляется между ними и ею для благозвучія *л*, а не другая какая согласная; причина же шому очень простая и *вникать въ корень складовъ*, какъ поговорить Г. Пенинскій, по крайней мѣрѣ здѣсь вовсе ненужно: *л* самая мягкая, самая удобная для произношенія согласная буква, и пошому не только въ Славянскомъ, но и въ другихъ языкахъ, вставляется между буквами, кошорыхъ произношеніе сряду противно слуху.

Въ другомъ случаѣ, на спр. 40, эша же буква *л* вводитъ Г. Пенинскаго въ явное заблужденіе. Онъ распространяетъ опредѣльное и объ одной буквѣ ю и губ-

ныхъ очень справедливое правило на буквы: *я* и *ь*, и вообще говоришь, что между ними и всякою губною вспаиваешься *л*.—Но мы напомнимъ Г. Пенинскому дѣпричастія мужескаго рода, 3го, по его раздѣленію, спряженія: *любя, губя, потребя*, и надѣмся, что онъ не прикажешь намъ произносишь: *любля, губля, потребля*; далѣ глаголы: *есль, вѣль, имамь*, копорые не произносятся *ямль, вѣмль, имамль*; не говорю уже о собственно Русскихъ: *елубь, зыбь, сыбь*, ибо не знаю встрѣчающся ли они, или нѣшь въ Славянскихъ книгахъ.—

Какъ же мы должны разумѣшь (см. спр. 3о) слѣдующее правило, предоспаваемъ рѣшишь самому Г. Пенинскому: “о “(онъ) поспоянно измѣняется на *е* послѣ гласной *і*, соопвѣпспвующей Латинскому: *І* а послѣ мягкихъ согласныхъ, “напр: *воіевати*—опъ *воюю, плевати* опъ *плюю.*., Здѣсь что слово, то прошиворѣчіе: вопервыхъ Г. Пенинскій говоришь, что *о* измѣняется на *е*; въ примѣрахъ же не *о*, а *ю* измѣнено на *іе* и на *ва*; во вторыхъ буква: *і*, соопвѣпспвующая Латинской согласной: *І*, названа гласною, а

гласною она бываетъ только тогда, когда соотвѣтствуетъ Лапинской гласной же: *i*.

При исчисленіи наименованій частей рѣчи Г. Пенинскій *прилагательное слово* по обыкновенію, принятому впрочемъ не въ однихъ только Русскихъ Грамматикахъ, называется *прилагательнымъ именемъ*.— Конечно бѣда не велика, если всѣми принятое, всѣмъ понятное искусственное названіе не очень правильно; однако же иногда и оно можетъ быть поводомъ къ заблужденію.—Имя есть названіе предмета опредѣльнаго, представляющее воображенію и безъ другихъ словъ нѣчто опредѣленное, а слова качественные, числительныя, указательныя сами по себѣ ничего не представляющъ оному, а только служатъ къ большому объясненію именъ нарицательныхъ и собственныхъ, къ которымъ *прилагаются*. Ипакъ напрасно Г. Пенинскій и другіе Грамматики называютъ ихъ именами.—Далѣе Г. Пенинскій причисляетъ къ частямъ рѣчи неизмѣняющимся нарѣчіе, а нарѣчій качественныхъ, имѣющихъ степени уравненія, весьма много.

Опредѣленія сбивчивы, каковы напри-
мѣръ слѣдующія: “глаголь есть часть рѣчи,
“означающая состояніе, дѣйствіе и спра-
“даніе предмета., Или: “Предлогъ есть
“часть рѣчи, показывающая разные от-
“ношенія предметовъ, касательно време-
“ни и мѣста, или часть рѣчи, управля-
“ющая падежами.,

О первомъ замѣтимъ, что есть на-
рѣчія и прилагательныя имена, копорыя
не менѣе глагола *означають* состояніе
дѣйствіе, спрданіе; глаголь же *пред-*
ставляетъ оныя во временахъ и накло-
неніяхъ.

О второмъ же скажемъ, что кромѣ
предлога падежами управляютъ глаголы,
нарѣчія, имена прилагательныя. Короче
и яснѣе было бы опредѣленіе: “предлогъ
есть часть рѣчи, показывающая соотно-
шенія предметовъ.,

Въ Словосочиненіи, или Синтаксисѣ
(см. стр. 194) Авшоръ объясняетъ намъ
Славянскій самоспояшительный дательный
падежь, сравнивая его съ самоспо-
шительными: Латинскимъ шворительнымъ
и Греческимъ родительнымъ.

Эшо сравненіе конечно не бесполез-

но для знающихъ сіи оба языка; но какъ Славянская Граμμαшика пишется не для нихъ однихъ, но не худо бы было показать какому, или какимъ *Русскимъ* обоимъ соотвѣтствуетъ сей Славянскій.

Показавъ здѣсь нѣкоторыя недоспапки Граμμαшики Г. Пенинскаго, мы впрочемъ нимало не желаемъ унизить достоинства ея, и еще разъ повторимъ, что считаемъ ее лучшею на Русскомъ языкѣ. — Увѣрены, что она будетъ полезна не только учащимся, но найдеть постоянное мѣсто и на письменномъ столѣ большей части нашихъ словесниковъ; хотя нѣкоторыя безъ сомнѣнія и предпочтутъ замѣнить ее *превосходными* твореніями Парни, Мильеуа, Салиса, Геснера, и подобныхъ — твореніями, конечно забытыми въ своемъ опеческѣ, но въ Россіи пользующимся *заслуженною* славою; ибо по нимъ у насъ многіе учаща пишутъ порусски.

Другая не только очень полезная, но вмѣстѣ и приятная для чтенія книга: *Исторія Греціи Господина Арсеньева*. — Авторъ вездѣ является въ ней человекомъ мыслящимъ и знающимъ свое дѣло.

— Онъ смошришь на свой предметъ съ надлежащей почки зрѣнія; въ доказательство приведемъ его собственныя слова: “не спрастю къ завоеваніямъ, не ужасами “бренными, не спремленіемъ къ незакон- “ному владычеству надъ народами, но “высокою образованностію, чувствомъ “къ изящному, любвию къ свободѣ, нена- “вистию къ пирани иноземной, оплич- “нымъ устройствомъ гражданскимъ—Гре- “ки снряжали себѣ первенство надъ всѣми “народами и древняго и новѣйшаго мі- “ра; по справедливости считающся они “испінными наставниками всего просвѣ- “щеннаго свѣта.,,

Слогъ Г. Арсеньева вообще довольно легокъ и плавень: хошя и не всегда правилень, а индѣ небрежень. Между прочимъ вспрѣпили мы нѣсколько иносшранныхъ словъ, вовсе намъ ненужныхъ, каковы: *горизонтъ*, *континентъ*, *нація*, и прочія. Также нашли правоисаніе собственныхъ именъ не всегда однообразнымъ. Такъ на- примѣръ, Г. Арсеньевъ пишеть, слѣдуя Римлянамъ и Французамъ: *Цефизъ*, *Тезей*; слѣдуя Рейхлиниспамъ и новымъ Грекамъ: *Иродотъ*, *Критъ*, *Віотія*; и слѣдуя Эраз-

мисшамъ: *Герой, Омеръ* (лучше бы Гомеръ) *Пелопонесъ*. — Знаю, что на сей счетъ у насъ нѣтъ никакого постояннаго правила: но пора бы придумать оное и всѣмъ держаться его!

Съ непрерывнѣемъ ожидаемъ продолженія занимательной, полезной и приятной Исторіи Г. Арсеньева, книги, копорая, какъ и Грамматики Г. Пенинскаго, писана не для однихъ училищъ.

Кюхельбекеръ.

~~~~~

СМѢСЬ *).

Одинъ путешествовающій Французъ, приѣхавъ въ Аугсбургъ, остановился въ шпакширѣ подъ вывѣскою медвѣдя, и приказалъ тамошнему конюху вымазать свою повозку. Въ ней ты найдешь лагунку съ дегшемъ, сказалъ Французъ. — Конюхъ ошылскалъ въ повозкѣ коробку, съ вещешвомъ похожимъ на дегошъ и очень исправно вымазалъ имъ повозку. — “У

*) Изъ новѣйшихъ иностраннхъ журналовъ.

Французовъ все лучше, чемъ у насъ Аугсбургцовъ, думаетъ онъ: у нихъ и деготь съ духами!,—и по старой привычкѣ живишься чемъ нибудь опъ проѣзжающихъ господъ, онъ складываетъ онъ для себя нѣсколько этого чернаго вещества и показываетъ его изъ любопытства повару.— Тотъ объяснилъ конюху, что онъ, вмѣсто дегтя, вымазаль колеса повозки Спрасбургскимъ настешомъ изъ гусиныхъ печенокъ. *Freymüthige.*

Одинъ математикъ увѣряетъ, что со времени перваго представленія *Сороки-воровки*, на разныхъ Парижскихъ спектакляхъ появилось уже на сценѣ 68 живописныхъ различныхъ породъ.—*Corsaire.*

Данскій математикъ Брокмаркъ изобрѣлъ паровую карету, которая въ одинъ часъ можетъ проѣхать 14 Французскихъ миль.— Первый опытъ сдѣланъ былъ за 60 миль опъ Копенгагена. Карета отправилась въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ и въ 4 $\frac{3}{4}$ часа пополудни прибыла въ Копенгагенъ.—*Corsaire.*

Касику провинціи Огарамбры въ Соединенныхъ Штатахъ удалось наконецъ въ печеніи нѣсколькихъ лѣтъ обезору-

жишь многія поколѣнія дикихъ, соспо-
ящихъ подь его начальствомъ. Онъ доста-
вилъ въ Виргинскій арсеналь: 6000 дро-
пиковъ, 11.000 колчановъ, 45.000 дубинъ и
300.000 ядовитыхъ стрѣлъ.—*Corsaire*.

Въ XIII столѣтіи было въ упообре-
леніи во всѣхъ городахъ Франціи купать-
ся въ публичныхъ ваннахъ всякій день пе-
редь обѣдомъ. Это обыкновеніе было бы
и нынѣ очень полезно: оно могло бы пре-
дупредить многія болѣзни. — *Leipzigische Mo-
den Zeitung*.

Славный Колбертъ всегда говариваль,
что моды для Франціи по же, что для
Испаніи золотые Перуанскіе рудники. И
теперь во Францію спекаются всякій
годъ многіе миліоны за модныя Француз-
скія пряжки.—*Leipzigische Moden Zeitung*.

Два первые стиха въ Расиновой Тра-
гедіи: *Mitridatē*, начинающся такъ:

On nous a fait, Arbate, un fidele rapport,
Rome en effet triomphē et Mitridate est mort.

при началѣ представленія этой Трагедіи
случилось однажды, что нѣкто изъ зри-
телей, услышавъ эти два стиха, закри-
чалъ въ театрѣ: *Господа! ступайте по
домамъ: нѣса конгена*.—*Corsaire*.

Одинъ Страсбургскій учитель стрѣльбы сдѣлалъ искусственную куропапку и зайца. Куропапка летаетъ по воздуху, и если мешко подстрѣлять ее, то она упадетъ на землю и шрепещетъ крыльями, какъ живая; заяцъ же, подстрѣленный на бѣгу, дѣлаетъ послѣдній скачокъ и оспадаетъ на мѣстѣ.—*Corsaire*.

О Маѣ мѣсяцѣ Англичане сдѣлали слѣдующее замѣчаніе: изъ тридцати двухъ королей Англинскихъ, начиная съ Вильгельма Завоевателя, и одинъ въ Маѣ мѣсяцѣ не начиналъ царствовать и не кончилъ своего земнаго существованія.—*Zeitung für die Elegante-Welt*.

Госсе, камеръ-юнгфера извѣстной Гжи Помпадуръ съ необыкновеннымъ просподушіемъ рассказываетъ объ ней въ своихъ запискахъ слѣдующее: “эша знаменитая красавица говаривала часшо мнѣ: надѣюсь на тебя, милая Госсе, что ты никогда не вынесешь сору изъ комнашы; а пошому Король и я почитасмъ тебя не болѣе какъ за домашнюю кошку, или собачку, кошорая никогда не помѣшаетъ нашимъ разговорамъ.—*Lesefrüchte*.”

Въ Дублинѣ 14 ч. минувшаго Юня од-

на молодая дама, прогуливаясь по крупному берегу рѣки, заглядѣлась на чпо по, посклизнулась и упала въ воду. — Толпа народа хладнокровно смотрѣла на упопающую. и никто не хотѣлъ помочь погибающей. Наконецъ подѣвжались къ берегу гусарской офицеръ, сходящъ съ лошади, кидается въ рѣку и спасаетъ прелестную незнакомку. — Кшожь былъ избавитель ея? — Сынъ знаменишаго Сира Валшера Скопша. — *Lesefrüchte.*

Въ домѣ сумасшедшихъ въ Лондонѣ содержишя одинъ молодой человекъ, который почищаетъ себя царицею луны. — *Gorsaire.*

Въ замкѣ Гране, въ архивѣ Маршала Медара, находишя собственноручная записка Генриха IV:

Ferragues, á cheval, l'ennemi s'approche j'ai besoin de ton bras!!!., — *Zeitung für die Elegante Welt.*

Лафоншень, имѣя намѣреніе поднести Королю одинъ экземпляръ своихъ Басень, приѣхаль въ Версаль, произнесъ прекрасную рѣчь предъ Его Величествомъ; но забылъ взять съ собою книгу. — *Оттуда же.*

Нѣкто вычислилъ, что соколъ можеть пролетѣть 30 Нѣмецкихъ миль въ часъ, ласпочка 18, ворона 8 миль.—*Corsaire*.

Въ Библиотекѣ Короля Виртембергскаго находится теперь 4000 разныхъ изданій Библей на всѣхъ Европейскихъ языкахъ: между онымъ 290 Французскихъ и 215 Англинскихъ изданій.—*Zeit. für die Eleg. Welt*.

Нѣкто вычислилъ, что если всѣ мостовыя Парижскихъ улицъ сложить въ одну линію, то оными можно усласть весь путь съ одной стороны отъ Парижа до Москвы, съ другой до Мадриша.—*Corsaire*.

Одинъ натуралистъ умеръ недавно въ Бергенъ-опъ-Цоомъ и отказалъ шамощней городской больницѣ прехъ набитыхъ и извѣденныхъ молью спраусовъ.—Начальство больницы не хотѣло было принять такихъ скаредныхъ чучель, какъ вдругъ нѣкто замѣшилъ, что изъ подъ крыла одного спрауса проглядывало что-то, похожее на золошо — начали ощипывать перья и нашли, что внутренность ихъ наполнена была золотыми монешами, всего на 5000 франковъ.—*Corsaire*.

Одинъ креспьянинъ спасалъ нѣсколь-
ко разъ сумасшедшаго, который хотѣлъ
упоишья въ рѣкѣ. — Наконецъ увидѣли,
что несчастный повѣсился на деревѣ
подлѣ берега. — “Почему же ты и въ
этомъ разъ не спасъ сумасшедшаго отъ
смерти?,” спросилъ креспьянина одинъ изъ
его поварищей., — Эхъ, бѣшецъ! опвѣчалъ
просподушный креспьянинъ : я думалъ,
что онъ повѣсился на деревѣ для того,
чтобъ просушить свое плашье! — *Abend-
zeitung.*

Свиданіе Г. Жанлисѣ съ Клопштокомъ.

“Я приѣхала въ Гамбургъ, гдѣ остано-
вилась у моей племянницы Гжи Маписонъ.
Разъ какъ-то вечеромъ была я одна дома съ
моей племянницей. — Вдругъ входилъ ко
мнѣ въ комнату маленькій, хромоногій
спаричокъ, весьма неприятной наруж-
ности. — Я тотчасъ вспала, поклонилась
ему съ почтительностью и подвела его
къ кресламъ. — Клопшпокъ сѣлъ, задумался
и наконецъ громкимъ, но сиповатымъ го-
лосомъ спросилъ меня: “кто по вашему
мнѣнію писалъ лучше прозой, Вольшеръ,
или Бюффонъ?,” — Этомъ вопросъ, предло-
женный мнѣ вѣроятно для ученаго диспу-

ша, поставилъ меня въ совершенной шупикъ; я не нашлась, что отвѣчать Клопшпоку.—Творецъ Мессіяды, желая вѣрояшно высказать скорѣе мнѣніе свое и не заботясь о моемъ, не дожидаясь отвѣта и продолжалъ: “что до меня касается, то я отдаю первенство Вольшеру, и вопль почему: *первое....*”, Тупъ привелъ онъ мнѣ около двѣнадцати доказательствъ; потомъ началъ рассказывать о пребываніи своемъ въ Дрезденѣ и Даніи, объ уваженіи, которое вездѣ ему оказывали, о переводѣ его Мессіяды какимъ-то эмигрантомъ, и ш. д. Въ продолженіи всего разговора я не успѣла сказать и шести словъ Клопшпоку. Просидѣвъ у меня около трехъ часовъ, распрощался онъ со мною и былъ очень доволенъ моею бесѣдою. Въ послѣдній же вечеръ Клопшпокъ сказалъ одному изъ друзей своихъ, что Гжа Жанлисъ весьма любезная дама.—По крайней мѣрѣ очень легко заслужила я эту похвалу.—*Abendzeitung.*

Je vous observe не значить: я даю вамъ замѣтить; но я прилигаю васъ, я смотрю на васъ. Какъ ни ложно употребленіе сей рѣчи въ первомъ смыслѣ, но при

всемъ шомъ оно спасло жизнь одному больному.—Одинъ великій мужъ Французской Грамматики спрадалъ нарывомъ въ горлѣ и почши опчаявался выздоровѣть.—“Если не будепе вы исполнять въ почности моихъ предписаній, сказалъ ему Докшоръ, шо я замѣчу вамъ (*Jevous observe*)...., При сихъ словахъ больной съ гнѣвомъ возразилъ Докшору: вы морите меня не только лѣкарспвами, но и невѣжеспвомъ вашимъ въ Грамматику! Убирайтесь къ чоршу. — При семъ жестокомъ упрекѣ, у больного вдругъ прорвался нарывъ въ горлѣ и онъ чрезъ нѣскольке дней совершенно выздоровѣлъ.—*Pandore.*

Г. К.....сб.

~~~~~

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воспоминаніе.

Мой полонъ духъ живыхъ воспоминаній
 О радостяхъ весны моей злашой,
 О дняхъ любви— блаженства и спраданій,
 Невидимо мелькнувшихъ предо мной.
 Какъ радостно блисало опдаленье!
 Какъ весело погда всходили дни!

Тогда душа не знала подозрѣнья;
 Я вѣрилъ вамъ, плѣнительные сны...
 Вы не сбылись—но восхищенный вами,
 Въ минувшее невольно духъ лепишь:
 Бесѣдуя съ погибшими мечшами,
 Онъ новыми жизнь мрачную златишь.
 Давно ли я, надеждой обольщенный,
 На будущность бросалъ веселый взглядъ...
 Но сладостной мечшы моей лишенный,
 Съ уныніемъ смотрю шеперь назадъ.
 Давно ли я безпечностью счастливый,
 Въ кругу друзей любовь и радость пѣлъ...
 Теперь умолкъ цѣвницы звукъ игривый,
 Онъ для любви и счастья онѣмѣлъ.
 Лишь изрѣдка воспорженный мечшою,
 Въ задумчивый воспоминанья часъ
 Передаю шрепещущей рукою
 Моей шоски спрунамъ печальный гласъ.
 Но счастливый моимъ воспоминаньемъ,
 Души моей унылой шпщиной,
 Иду впередъ съ холоднымъ ожиданьемъ;
 Минувшее, какъ шѣнь, идешь со мной —
 Какъ вѣрный другъ, кого ни рокъ унылый,
 Ни шасшія дары не шшврашаютъ;
 Оно пройдешь со мною до могилы
 И прояснишь мой сумрачный закашь.

А. Германъ.

Отрывки изъ Антологіи.

Гробница Софокла.

Тихо крадись вокругъ гробницы, о плющъ,
 непрестанно зеленый!
 Нѣжно обвей саркофагъ, гдѣ заключился Со-
 фокль.
 Сладостно дышущи розы! подножье его осѣ-
 ните!
 Яркіе грозды взноси, спройно бѣгущій лоз-
 никъ!
 Ибо здѣсь спящій пѣвецъ съединялъ въ себѣ
 съ мудросью много
 Качествъ прелестныхъ: онъ былъ Музамъ
 и Граціямъ милъ.

Весна.

Сколько ужъ въ полѣ фіалокъ, нарциссовъ,
 росой окропленныхъ!
 И по окружности горъ носишся запахъ
 лилей.
 Но красота всѣхъ цвѣшовъ для меня рас-
 пушилася роза,
 Милой Родопы моей сладкорѣчивы уста.
 Тщешно вѣнками своими гордящся луга ис-
 пещренны:
 Лучшій достался цвѣшокъ мнѣ опъ
 Родопы моей!

Посредственный жребій.

Нѣшъ, не откажусь я въ морѣ во время ре-
вущія бури:
Свѣшлыя волны его ужъ не заманяшъ меня.
Всюду назначили боги посредствениосшь
жребіемъ смершныхъ;
Въ мѣру и радосшь и скорбь, счасшьемъ
верховнымъ я чшпу;
Лампій! послѣдуй мнѣ, шишины избѣгая и
бури.
И да примчипшь швой корабль къ пристани
рѣзвый Зефиръ.

Торжище жизни.

Блескомъ ли шоржища шы ослѣпленъ чело-
вѣческой жизни?
Пользуйся имъ, покупай все, чшо шы въ си-
лахъ купишь.
Впрочемъ шерпи до поры; ибо время надеж-
да убогихъ:
Нынѣ чшо цѣнно купишь, завшра возмешъ
за ничшо.

Человѣтская природа.

Еслибъ смершныхъ природа | способна была
для безсмертъя,
Быль ли бь могилой сокрытъ нашъ благо-
родный Клеанъ? —

Одно желаніе.

Еслибъ я былъ въперкомъ и возмогъ въ по-
 луденный зной лѣша
 Въ перси твои обнажены пихонько порх-
 нуть для прохлады —
 Или и розой румяной желалъ бы я бышь,
 чшобъ по волѣ
 Ручки прелестной твоей прикоснуться къ
 груди бѣлоснѣжной. —
 Или хошябъ преврашиться мнѣ въ сладо-
 спный запахъ лилеи:
 Свѣжестъ разливъ по шебѣ, я съдыханьемъ
 твоимъ бы смѣшался!

Астрахань.

Н — Роз.

27 Августа 1825.

Восточная Эпитафія.

Перль драгоцѣнный Воспока, не спало ше-
 бя, о Наами!
 Небо, создавши шебя изъ чистѣйшей росы,
 повелѣло
 Бышь украшеньемъ земли; но земля и не
 знала прелестной!
 Съ зависью небо шебя между раковинъ
 нѣжно сокрыло.

(Изъ Гердера.)

Н. Роз.

Воспоминаніе.

Въ рошѣ шихой и сѣнмшой,
 На Изочи *) берегахъ,
 Я ходилъ съ безцѣннымъ другомъ
 И цвѣшны ему срывалъ.

Непримѣтно пролешали
 Намъ часы среди забавъ!
 И Зефиры улыбались,
 И журчали ручейки.

Рдѣли розы на лужочкѣ;
 Пшички пѣли на кустахъ;
 Травка въ полѣ разспилалась
 Ошъ дыханья вѣшперковъ!

Мы на камнѣ опдыхали,
 Подъ навѣсомъ дровъ гуспыхъ —
 И смошрѣли, любовались,
 Какъ сверкалъ въ дали Иванъ **).

И на холмикъ мы входили —
 Невель съ холма видень былъ;

*) Маленькая рѣчка, протекающая Вишебской Губерніи въ Невельскомъ повѣтѣ. Окрестности ея чрезвычайно пріятны и живописны. Сог.

***) Иванъ—Озеро. Тамъ же.

Въ легкой лодочкѣ капались
По зыбщимся волнамъ!

Иль у мѣльницы гуляя,
Забавлялись шумомъ водъ:
Въ брызгахъ радуга играла;
Дуль приятный въперокъ.

Гдѣ же дни мои злашыя?
Другъ мой милый—нѣшь себя!
Вижу хладную могилу:
О мой другъ!—она швоа!

Та же рѣчка прошекаетъ,
Та же рощица споитъ,
Тѣжь цвѣпочки разцвѣтающъ;
А себя со мною нѣшь!

Р — об Ш — хъ

~~~~~

ВОЛЬТЕРЪ.

(Изъ Опыта о Эпитетскихъ Поэтахъ.)

Вольшеръ хопѣль обняшь всѣ роды
Поэзіи, всѣ опрасли наукъ: начерпывая
планъ *Альзиры*, занимался онъ Физикой и
Астрономією; въ одно время забошилъ о
Эдипѣ и героѣ своей Поэмы, не зная чпѣ

такое Поэма Эпическая *). Здѣсь разсмотримъ его какъ творца *Генриады*. По мнѣнію Бушпервека, *Генриада* Вольшера занимаешь первое мѣсто во Французской Словесности между стихотвореніями, принадлежащими къ роду повѣствовательной Поэзіи, наиболѣе приближающимися къ Эпосѣ. Вольшеръ, взявъ для содержанія Поэмы своей, подобно Лукану, происшествіе близкое къ своему времени, не могъ не воспользоваться вымыслами; но употребляя ихъ слишкомъ часто, сдѣлалъ оныя весьма чувствительными для всякаго читателя. Въ началѣ Поэмы Генрихъ отправляется въ Англію; но извѣстно всѣмъ, что Генрихъ никогда тамъ не былъ и не видалъ Елисаветы. Вольшеръ хотѣлъ подражать въ семъ случаѣ Виргилію; но Дидона могла совершенно не знать ихъ обстоятельство разоренія Трои, о которомъ Еней рассказывалъ. Напрощивъ можно ли предположить, что бы Королева Англинская не знала даже со всею подробностію, ихъ происше-

*) См. Cours de Litterature, par Mr la Harpe.

спвій споль важныхъ, случившихся тогда во Франціи, какъ сопредѣльной державѣ? Припомъ разсмапривая Поэму сію, опно-сительно содержанія, съ другой спороны находимъ, чпо междуусобныя войны представляюшъ всегда одну лишь единообразную, упомишельную, но вмѣспѣ ужасную каршину убійствъ и злодѣній. Толпы буй-спвуюшъ, рѣжущя, всѣ благородныя побужденія изчезаюшъ; въ пылу жестокаго боя—бращъ убиваетъ брата, опецъ сына (См: *Генриады* пѣснь VIII, стран. 141.) Мы невольнo опвращаемся опъ шаковыхъ кровавыхъ зрѣлищъ, оскорбляющихъ чело-вѣчество и наводящихъ какую-шо мрач-ную и унылую пѣнь на всѣ происшествія Поэмы.

Представивъ множество героевъ съ опличительной каждаго физиогноміей, заснавивъ ихъ дѣйствовашъ шамъ, гдѣ большая предстоишъ опасность, что бы сими подвигами славы еще болѣе придашь блеску герою Поэмы, сего искусства Гомеровъ и Тассовъ мы не находимъ у Вольшера. Валуа (Valois) показывается для шого, чпо бы въ послѣдствіи бышъ умерщ-вленнымъ, равно какъ и Тюренъ (Turenne),

что бы убить Д'Омаля (D'Aumale), Меень (Mauppe), возведенный Вольперомъ мужемъ достойнымъ бытъ главнымъ лицомъ Поэмы, совершенно безъ всякаго дѣйствія. Въ минушу шоржества своего, когда всѣ единогласно избирающъ его Королемъ, сей Меень, соперникъ и врагъ Бурбона, не произноситъ ни одного слова. Вольшеръ пренебрегъ воспользоваться драматическими способами, споль необходимыми въ Эпопеѣ. У него любовь Генриха къ Габріелѣ, впрочемъ неимѣющая никакой связи съ цѣлою Поэмою, не одушевлена приличными въ семъ случаѣ разговорами, какъ въ Тассѣ и въ нашей *Rosciadѣ*, гдѣ хитрая Сумбека обворажаетъ своими прелестями Алея. И надобно признаться, что въ сей часпи Эпопеи Херасковъ превзошелъ Вольшера *).

*) Не знаю, почему Бушервекъ говоритъ что *Генриада* занимательна вразсужденіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ; скорѣе она отличаетъ красою и богатствомъ описаній. Лагарпъ въ семъ случаѣ судилъ совершенно безпристрастно Вольшера своего соотечественника. Будемъ и мы безпри-

Въ Поэмѣ, говоришь Мерзляковъ: пѣвецъ, открывающій тайныя связи происшествій, непоспимыя обыкновеннымъ смертнымъ, и будущія опдаленныя послѣдствія происшествій, непременно долженъ быть исполненъ какимъ либо духомъ высшимъ, или божеснымъ, или Музою, которая успами его пророческуетъ. Но Вольшеръ, въ началѣ Поэмы своей, призывая Истину, которая можетъ быть только истиной исторической, разрушаетъ очарованіе. Аллегорическія лица: Вражда, Полишика, Истина, кои появляются въ *Генриадѣ*, суть опвлеченныя понятія безъ всякаго образа (*ohne Individualität*), темъ болѣе опщупительныя, что принимаютъ въ дѣйствіи равное участіе, какъ и историческое лице Св. Людовика.

спрастны и справедливы къ нашей *Россіадѣ*. Конечно она многого еще оставила желать. Но разсматривая характеры героевъ ея: Адашева, Курбскаго, Палицына, Хилкова, напоминающихъ намъ иногда героевъ Пѣвца Освобожденнаго *Іерусалима*, не видимъ ли и шупъ превосходства нашего стихопворца предъ Французскимъ? *Примѣт. Сот.*

Одинъ изъ лучшихъ вымысловъ въ Поэмѣ находимъ въ седьмой пѣснѣ: Св. Людовикъ являеся въ сновидѣнїи Генриху и показываетъ ему невидимый міръ и чертогъ Судебъ, въ коемъ Генрихъ видитъ своихъ потомковъ. Но и здѣсь, какъ и во всѣхъ сочиненїяхъ своихъ, Вольтеръ не упустилъ случая щедрою рукою разсыпать ядовитыя цвѣты своего лжеумствованїя и остроумїя, сего остроумїя (говоритъ Бушервекъ), которое не рѣдко замѣняло въ немъ недосшатокъ воображенїя.

А. Н—б.

Надгробїе Д. С. Бортнянскому.

Подслушавъ Херувимовъ пѣнье,
 Во вышнихъ славы Бога силъ,
 Онъ непорочну жизнь на шо лишь посвятилъ,
 Чшобъ увлекать сердца людей на умиленье,
 И имъ одушевя Царя земнаго хоръ,
 Къ небеснымъ ангеламъ самъ воспарилъ во
 соборъ.

Н. П—ій.

АЗОРЪ УМНАЯ СОБАКА.

(Отрывокъ изъ гостнаго письма.)

Въ деревнѣ Г...цѣ живеть бѣдная вдова С—ва. Мужъ ея былъ мѣщанинъ, вель небольшой торгъ въ городѣ и содержаль себя съ женою и съ дочерью своими прудами; но когда онъ умеръ—лѣтъ двѣнадцать тому назадъ — бѣдная и больная вдова оспалась почти въ нищенскомъ сословіи. Добрые люди дали ей изъ сердоболія уголь, а скудное пропитаніе зарабатываетъ дочь, помогая крестьянамъ въ ихъ сельскихъ работахъ. Сама же С--ва не въ сословіи ничего дѣлать, попому что лишилась отъ паралича руки и ноги; а при томъ нѣсколько уже лѣтъ больна чахопкою.

У вдовы С ... вой есть собака — образецъ усердія и понятливости безсловесныхъ живошныхъ. Она принадлежить къ породѣ самыхъ простыхъ дворняшекъ; очень непривлекательна своею наружностію, очень неповоротлива: но когда дѣло дойдетъ до услугъ—то видишь въ ней необыкновенную готовность и необыкновенное спараніе исполнить по возмож-

ности то, чего потребуешь нужда. Никогда не опходишь она опъ порога лачуги, въ которой лежитъ больная госпожа ея; никого не допускаетъ къ ней, безъ собственнаго ея на то приказанія, соспоющаго обыкновенно въ слѣдующихъ словахъ: *Азоръ! вступи* — и, что всего удивительнѣе, какъ будто чувспвуя въ полной мѣрѣ всю тягоспъ бѣдности, хозяевъ ея гнешущей, никогда не принимаетъ ни куска хлѣба изъ рукъ, копорыя опказались уже добывашъ оный — изъ рукъ хозяйки своей — и пишаешься подаянiемъ около избъ креспьянъ деревни *Г—цы*, копорые охотно дають Азору по очереди необходимую пищу. Онъ понимаетъ эту очередь; идешь непременно въ пошь домъ, гдѣ хлѣбъ для него уже пригошовленъ, и минуешь шѣ, въ копорыхъ не ждушъ его; но не ранѣе оспавляешь свое обыкновенное логовище, какъ шогда, когда дочь *С...вой* возвратишся съ работы къ больной своей мапери, и когда видишь, что сія послѣдняя не имѣешь уже надобности въ его охраненiи.

Эту собаку знають по всей деревнѣ. Угодно ли видѣшь Азора? Спросише кого

нибудь, и всякой покажешь вамъ его въ то время, когда онъ, повѣся голову, бредешь къ очередной избѣ за обыкновенною своею порціею. Покажите ему знаками, въ чемъ имѣете вы нужду: въ шу минушу побѣжишь онъ, ошыщешь пребуемое, и никогда не ошибется въ удовлетвореніи вашего желанія, если шолько оно не просшираецца далѣе его понятія и средствъ къ исполненію.

Недавно случилось одно довольно спранное происшествіе, въ которомъ Азоръ игралъ главную роль. Вдова С—ва еще въ первые годы послѣ пошери своего мужа, когда не имѣла угла, гдѣ бы преклонишь голову, ни средствъ прокормишься, заняла у одного купца въ городѣ небольшую сумму денегъ. Купецъ дожидался плашежа, пока могъ; наконецъ пошребоваль онаго. Бѣдная вдова не знала чшо ей дѣлать. Деньги были не велики, но гдѣ ихъ взять? Однажды вечеромъ, сидя по обыкновенію съ дочерью на вѣпхой своей пошпелъ—скамьѣ, съ выраженіемъ сильнѣйшей гореспи говорила она о долгѣ, который мучиль ее. Слезы невольню пробивались изъ вшальгъ ея глазъ; но въ самое эшо

время, когда горевала она объ деньгахъ, была у нея въ рукахъ послѣдняя десятирублевая ассигнація, которую сберегала на шубу къ наступающему холодному времени и которою хотѣла пожертвовать въ счесть уплаты шягоспнаго своего долга. Все это видѣлъ Азоръ и понялъ о чемъ идетъ дѣло. Молча поспрашивалъ онъ головою, поворачивался съ мѣста на мѣсто, и казалось, былъ хладнокровнымъ зрителемъ прогашельной этой сцены.

На другое утро дочь С—вой оставила больную мать, какъ и всякой день дѣлала, чпобъ идти на работу. — Ушелъ и Азоръ. Это было противъ обыкновенія: никогда не выходилъ онъ отъ порога до еяв озвращенія. Къ вечеру она возвратилась — и Азоръ возвратился... съ госпицемъ: онъ принесъ въ зубахъ какой-то старый плашокъ, похожій на лоскутъ набойки, и съ необыкновенною ласкою подаль его хозяйкѣ. — Чпю же увидѣла она, развернувъ этотъ плашокъ и развязавъ узелъ, завязанный на кончикѣ плапка, какъ бы вы думали? ... Деньги! ... Триста рублей ассигнаціями! Такая нечаянная находка изумила бѣдную женщину;

сначала не знала она что́ дѣлать — и что пушью дѣлать? ... Собаку нельзя допрашивать. Хотѣла было опдаться плашокъ обратно Азору, что бы онъ возвратилъ его тому, у кого, вѣроятно, унесъ; но, подумавъ не много, рѣшилась оставить плашокъ у себя до случая къ возвращенію.

Прошло послѣ этого нѣсколько дней. Приходишь къ С — вой сосѣдка и рассказываешь между прочимъ, что одинъ крестьянинъ близъ лежащей деревни, извѣстный и самой С — вой, продавъ другому лошадь за сто рублей, собирался ѣхать съ этими деньгами въ городъ для разныхъ покупокъ. Другіе крестьяне, узнавъ о томъ, дали ему еще опъ себя денегъ на необходимыя для нихъ городскія вещи, и такимъ образомъ набралось у него съ чемъ-то присніа рублей. На канунѣ опѣзда, проходя деревней, оспановился онъ у колодца, снялъ шляпу, положилъ ее на землю, а самъ началъ выкачиваешь воду, что бы напишья; но обернувшись назадъ съ темъ, что бы ворошиться домой, увидѣль, что въ шляпѣ не было того плапка, въ кошорый завязалъ онъ деньги свои — “и шеперь, при-

молвила сосѣдка: бѣдный мужикъ хопъ волкомъ вой.,,

Загадка и объяснилась. Деньги были опданы немедленно ; а бѣдный Азоръ, который изъ одной привязанности къ несчастной своей хозяйкѣ сдѣлался виноватымъ, прозванъ воромъ и негодяемъ, и теперь, по невѣжеству бѣдныхъ деревенскихъ жипелей, оспашся иногда по цѣлымъ днямъ полуголодомъ. Однакожь, кажешся, понялъ онъ свой просупокъ: увидя, что похищенные имъ деньги опдали обратно и что въ то время сморѣли на него не съ такимъ, какъ прежде, добросердечіемъ, нѣсколько разъ онъ проспоналъ и завернулъ кольцо у постели своей хозяйки.

Видите, что и въ деревнѣ могушь бышь собаки не хуже сполчныхъ! Видите, что жипель провинціальный можешъ иногда *отдохнуть взоромъ* на предметахъ любопытныхъ, между темъ какъ жипель сполцы ушомляешся самымъ опдыхомъ.

Олонецъ.

25 Октября 1825.

К. Е.

Стихи на заданныя рѣмы *).

Чишапель! на ногахъ ты носишь сапоги,
 А на рукахъ перчатки.
 Все такъ! Но былъ чудакъ, который безъ
 ноги,
 Хотѣлъ дойти опъ Тулы до Калтатки!
 Но чтожь случилось съ нимъ? Ужаснѣйшій
 урокъ!
 Онъ думалъ шамъ собирашь кокосы и оливы
 И запершися въ цголокъ,
 Познашь спокойствіе, сидѣшь и кушаешь
 сливы —
 Однакожь не дошелъ и кончилъ въ горѣ вѣкъ.

Не должно слѣдовать спезей воображенья!
 Живи, какъ всѣ живущъ—и будешь теловѣкъ!
 Отспушишь — и умрешь, не споймъ сожа-
 лѣнья!

~~~~~

****

---

*) Назначено двѣнадцать рѣмъ: сапоги, перчатки, безъ ноги, Калтатки, урокъ, оливы, цголокъ, сливы, вѣкъ, воображенья, теловѣкъ, сожалѣнья. Надобно было написать на оныя стихи, въ которыхъ бы заключалось какое нибудь происшествіе и что бы въ послѣднихъ шрехъ стихахъ было наславншельное заключеніе.—Сот.

Книжныя Извѣстія.

Открылась подписка на *Вѣстникъ Европы* для будущаго 1826 года, составляемый *Михаиломъ Катеновскимъ*, Ординарнымъ Профессоромъ, Докторомъ Философіи, Членомъ Императорской Россійской Академіи и другихъ Ученыхъ Обществъ.

Въ семь, уже многіе годы безосновочно продолжающемся и благосклоннаго вниманія Публики удостоенномъ, Журналь преимущественно будущъ помѣщаемы изъ разныхъ изданій переводимыя спашьи, соопвѣстствующія ожиданію благомыслящихъ любителей чтенія приятнаго и полезнаго. Впрочемъ изъ *Вѣстника Европы* не исключаются и Русскія сочиненія; но въ сужденіи выбора шѣхъ и другихъ предположено соображаться съ уроками опытовъ многолѣшнихъ и со вкусомъ просвѣщенной Публики.

Вниманіе Редактора между прочимъ будетъ обращено на предметы, входящіе въ составъ Исторіи и Статистики Государства Россійскаго, на древнюю и новую Словесность нашего и прочихъ Славянскихъ языковъ, на дѣянія и обычаи народовъ, намъ соплеменныхъ. Сверхъ того Редакторъ поставитъ себѣ долгомъ, по мѣрѣ возможности, сообщать публикѣ достой-

ныя любопытства свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ извѣспійшихъ писателей въ Европѣ и о важныхъ явленіяхъ въ Литтературѣ. На сей конецъ выписывается доспашочное количество иностранныхъ и внутреннихъ періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, и предназначается не малая сумма на покупку новѣйшихъ книгъ для извлеченія изъ нихъ того, что будетъ признано за лучшее.

Типографія принимаетъ на себя издержки на изготовленіе гравированныхъ картинокъ, или, вмѣсто ихъ, описковъ съ ношами, чертежами, съ изображеніями людей знаменитыхъ, рѣдкихъ предметовъ науки и искусства; ихъ находиться будетъ при годовомъ изданіи не менѣе шести, полагая по одной картинкѣ на каждую часть Вѣстника Европы. Номеръ, или книжка будетъ состоять изъ разныхъ отдѣленій, кои должны вмѣщать въ себѣ спашьи приличнаго содержанія. Матеріи предназначаются слѣдующія:

I. Изящная Словесность. (*Проза*: рѣчи, повѣсти, разговоры, описанія, историческія сочиненія, ошрывки, письма, характеры; *Стихи*: оды, посланія, басни, пѣсни, элегіи, эклоги, эпиграммы, ошрывки.)

II. Изящныя Искусства, Науки и Литтература. Сочиненія до Изящныхъ Искусствъ

до Свободныхъ и Словесныхъ Наукъ относящіяся и содержащія въ себѣ разысканія, наблюденія, правила, или наконецъ криптическія замѣчанія по предметамъ Словесности, Лишперашуры и Художествъ.

III. Современная Исторія. (Описанія происшествій, посредственно, или непосредственно относящихся къ нынѣшнему времени, разсужденія, замѣчанія, узаконенія, акты, и проч.) При выборѣ спашей для сего отдѣленія предположено не упускать новостей занимательныхъ, но и не повпорять того, что помѣщено уже въ другихъ изданіяхъ.

IV. Смѣсь. (Любопытныя, или забавныя анекдоты, остроумныя изреченія, мысли и прочія мѣлкія сочиненія; записки, внутреннія и заграничныя извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ, выписки, извѣстія и замѣчанія.—И въ семъ Отдѣленіи равнымъ образомъ предположено, пользуясь новѣйшими извѣстіями, избѣгать длинныхъ, утомительныхъ повпореній о событіяхъ, невлекущихъ за собою никакихъ послѣдствій историческихъ, а темъ еще болѣе о маловажныхъ предметахъ. Впрочемъ спашьи сего Журнала помѣщаются будущъ въ такомъ порядкѣ, какой признается удобнѣйшимъ при составленіи каждой книжки. Въ мѣсяцъ выходитъ по два ну-

мера, около пяти листовъ печатныхъ въ каждомъ; чепыре цумера соснавляютъ часшь, а шесшь пакихъ часшей годовое издание.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конпорѣ Университетской Типографіи, на валу между Дмипровкою и Пепровкою, также въ Почпъ-Ампахъ и въ Почповыхъ коншорахъ. Цѣна за годовое издание для получающихъ въ Москвѣ 20 руб., а съ пересылкою въ другіе города 24 рубля.

М. Катеновскій.

2.

Издаваемые нами Журналы будутъ продолжаться и въ наступающемъ 1826 году, на нынѣшнемъ основаніи, по прежнему плану, а именно:

1) *Сынъ Отечества*, Журналь Лишшерашуры, Полишики и Современной Испоріи: 1) Русская Словесность. 2) Иносшранная Словесность. 3) Изыщная Словесность: Повѣспи, Сказки, Разговоры, опривки изъ лучшихъ новыхъ Романовъ, и п. п. 4) Кришика. 5) Поэзія. 6) Науки и Изыщныя Искусшва. 7) Современная Испорія и Полишика Европы. Сей Журналь будетъ выходить по два раза въ мѣсяць 1 и 15 числь книгами въ шесшь и болѣе печатныхъ листовъ.

II) *Сѣверный Архивъ*, Журналь древно-стей и новостей, по части Исторіи, Статистики, Путешествій и Правовъ, будетъ состоять изъ слѣдующихъ Отдѣленій: 1) Всеобщая Исторія. 2) Россійская Исторія. 3) Статистика и Политическая Экономія. 4) Путешествія. 5) Правовѣдніе. 6) Нравы. 7) Перечень новыхъ извѣстій и открытій по части Исторіи, Статистики и Географіи. 8) Смѣсь. Извѣстія о новыхъ книгахъ, картахъ, планахъ, и пр. Къ сему Журналу прилагаемы будутъ карты, виды, планы и портреты Россійскихъ Писателей, преимущественно современныхъ. Сей Журналь будетъ выходить дважды въ мѣсяць: 8 и 16 числъ, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

III. *Сѣверная Пчела*, Журналь новостей по части Исторіи, Политики, Литтературы и Правовъ, или новая политическая и литтературная Газета. Въ сей Газетѣ будутъ содержаться: 1) Новости политическія заграничныя. 2) Новости внутреннія. 3) Новости неполитическія. О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ, о произведеніяхъ Наукъ, Художествъ и ремесль. 4) Извѣстія обо всѣхъ, выходящихъ въ свѣтъ Русскихъ книгахъ. 5) Нравы. Небольшія статьи о нравахъ, критическія и нравоучительныя замѣчанія. 6) Словесность. Легкія сшихо-

творенія и разныя сшашпы въ прозѣ. 7) Смѣсь. 8) Извѣспія о новѣйшихъ модахъ. Сія Газета будетъ выходить лисшками, прижды въ недѣлю, по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

Съ будущаго 1826 года присококупишся къ симъ шремъ изданіямъ чешверное: *Дѣтскій Собесѣдникъ*, которое будетъ состояшь изъ чешырехъ часпей въ годъ, и раздавашся безденежно особамъ, подписавшимся на при прежніе Журнала. Въ составъ онаго входяшь: 1) Опечешвенная Испорія, въ видѣ уроковъ, или въ особенномъ повѣсшеованіи о важныхъ происшешвіяхъ и подвигахъ, доспойныхъ удивленія и подражанія попомства. 2) Опечешвенная Географія, также въ видѣ уроковъ, или рассказовъ о малоизвѣспныхъ спранахъ обширной Россіи. 3) Русскій языкъ. Граммашическіе уроки. Примѣры чиспошы и правильности языка, кошорымъ должно подражать, и неправильности, коихъ должно избѣгать. 4) Уроки Физики, Химіи, Еспешвенной Испоріи, Технологіи, въ видѣ писемъ, бесѣдъ, и пр., вообще изложенные легко и поняшно. 5) Словешность: нравоучительныя Повѣсши и любопытныя анекдоты. Спихотворенія, приуровленные къ поняшію дѣшей.

Цѣна сихъ Журналовъ ешь слѣдующая:

въ Санктпешербургѣ: съ пересылкою и съ доставленіемъ на домъ:

1. За годовое изданіе;
или 24 книжки *Сыка Отчества* . . . 40 р. . . . 45 р.
2. За годовое изданіе,
или 24 книжки *Сѣвернаго Архива* . . . 40 р. . . . 45 р.
3. За годовое изданіе,
или 156 листовъ
Сѣверной Пчелы . . . 40 р. . . . 50 р.

За всѣ при изданія вмѣстѣ здѣсь въ С. Пешербургѣ 120 р., съ доставленіемъ на домъ 130 р. съ пересылкою въ другіе города 140 р. Подписавшіеся на всѣ при изданія получаютъ безденежно въ годъ чешыре части *Дѣтскаго Собесѣдника*, на кошорой особливо подписки не принимается. Н. Грегъ. Ѳ. Булеаринѣ.

3.

О изданіи *Хозяйственной Ботаники*, заключающей въ себѣ описанія и разкрашенныя изображенія *Россійскихъ полезныхъ и вредныхъ для теловѣка растѣній*.

Изданіе сіе будетъ продолжаться въ

1826 году по плану, объявленному въ проспектѣ 1826 года. Въ семь году выдуть 3, 7, 8, 9 и 10 пешради, въ коихъ будетъ помѣщено, въ разныхъ опдѣленіяхъ, до 70 растѣній, относящихся къ сельскому хозяйству, садоводству, фабрикамъ, врачебному искусству, и проч.

Цѣна оному оспаешся та же, какая объявлена и для первыхъ пяти пешрадей, то есть: 80 рублей въ годъ безъ пересылки и доставленія въ дома; съ пересылкою же особенно 35 рублей. Г. Пренумераншы Указателя Открытій будетъ получать, кому угодно, Хозяйственную Ботанику вмѣстѣ съ симъ журналомъ за 60 рублей и съ пересылкою, п. е. не плаща особенно за пересылку Ботаники.

Издашель, сшараясь помѣщать въ описаніяхъ систематическую характеристику по Линнеевой системѣ, сверхъ подробнаго описанія вида и употребленія растѣній, а въ изображеніяхъ разбора цвѣшка и плода, какъ существенныхъ частей, на кошорыхъ главнѣйше основывающія систематическія опредѣленія прозябаемыхъ, надѣешся, что изданіе сіе будетъ полезно не только для занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и собираніемъ технологическихъ и врачебныхъ растѣній, но и для учащихся Ботаникѣ, темъ болѣе, что оно легкимъ образомъ по-

знакомишь ихъ съ шүземными прозябеніями, примѣчательными въ разныхъ отношеніяхъ по употребленію ихъ.

Подписка принимается въ шѣхъ же мѣ-
сцахъ, гдѣ и на журналъ, Указатель откры-
тій (см. 321 стран. въ XXXV и XXXVI N^o
Благон.)

~~~~~

Омонимъ.

Во всякомъ случаѣ я годенъ богачамъ;
И если на дверяхъ бываю,
То могушь спать они покойно по ночамъ;
Въ другомъ же смыслѣ предсшавляю
(Лишь удареніе свое перемѣняю)
Огромный, пышный домъ, подобный шѣмъ
джорцамъ,
Гдѣ много башарей и башни по концамъ.

~~~~~

Шарада.

Я въ *перволѣ* — слушайше—рѣка...
“А во *второлѣ*, и въ *третьелѣ* чшо же?,,
Да поже.
А *цѣлое* не по; спросите шарика.

~~~~~

Омонимы, въ XXXV и въ XXXVI N^o
значащъ первый — *ключь*; вторый — *ядро*.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XXXIX и XL.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ГАЛЕРНАГО НЕВОЛЬНИКА.

Повѣсть.

Госпожа Дервилъ выдавала дочь свою за мужъ. Празднество было великолѣпное, обѣдъ самый роскошный. Но въ немъ болѣе всего удивлялись превосходному десерту, который разнообразіемъ своимъ прельщала зрѣніе. Въ числѣ многихъ друзей и родственниковъ хозяйки, была одна спарая и любопытная Президентша, большая любительница симметрии. Она все видѣла, все восхищалась, все хвалила и поворачивая голову свою на обѣ стороны, (можешь бышь съ пемъ, что бы обратили вниманіе и на богатыя бриляншovyя ея серьги) сказала: *безподобно! прелестно!* Но ея восхищеніе вдругъ исчезло, коль скоро замѣшила она между превосходными плодами и конфетами въ дорогихъ хрустальныхъ вазахъ неочищенный мин-

даль на самомъ проспектъ блудѣ. Президентша пожала плечами и сдѣлала неприятную мину. Сосѣдка ея, добренькая и человѣколюбивая женщина, которая безъ зависти и досады не могла видѣть роскоши у другихъ и слышать похвалы, которыми осыпали вкусъ хозяйки, сказала, что эпошъ миндаля, безъ сомнѣнія перешель по наслѣдству къ Г жѣ Дервиль, и что вѣроятно, по уваженію ея къ предкамъ, сбережень до свадьбы ея дочери. Эша злая насмѣшка сказана была громко, съ намѣреніемъ, что бы все ея слышали. Заслуживъ улыбку, или возбудивъ смѣхъ—вопъ цѣль людей, у которыхъ оспрыя слова вырываются отъ досады, или злости. Но если бы не смѣялись никакимъ глупостямъ, то онѣ уменьшились бы, не оскорбляли самолюбія и не дѣлали намъ невольныхъ и часто непримиримыхъ враговъ.

Одинъ изъ друзей Гжи Дервиль, сказалъ насмѣшницѣ: “Милостивая Государыня! вы очень ошибаетесь въ происхожденіи эшаго миндаля. Онъ имѣеть начало гораздо благороднѣе того, какое угодно было вамъ ему приписать. Не оскорбляя скромности Гжи Дервиль, я увѣренъ, что

она сама расскажешь вамъ его исторію.,, Слова сіи привлекли всеобщее вниманіе. Всѣ единогласно просили Гжу Дервиль удовольствоваться ихъ любопытствомъ, и она, бывъ принуждена уступитьъ убѣдительнымъ просьбамъ, начала слѣдующимъ образомъ:

“Первые годы моего замужества провела я въ одномъ городѣ, гдѣ прозвали меня *посѣтительницею темницъ*. Я была молода и любила дѣлать добро. Эпна еспрашивается шолько въ душахъ, еще неупомленныхъ печальными уроками опытности. Я находила неизьяснимое удовольствіе приносить спраждущимъ въ шемницахъ помощь и ушѣшеніе. Картина ужасной бѣдности, звукъ цѣпей и желѣзныхъ запоровъ не опнимали у меня мужества, и самая приятная для меня награда состояла въ томъ, что бы осушать слезы угнетенному человѣчеству. Между заключенными былъ одинъ, по имени Бурденъ, въ которомъ принимала я особенное участіе. Никогда не произносилъ онъ шѣхъ спрашущихъ проклятій, которыя такъ часто раздавались въ сводахъ шемничныхъ. Онъ былъ печалень, молчаливъ

и непрерывно занимался работою. Всегда находила я его сидящимъ въ углу общей комнапы: онъ не принималъ никакого участія въ общихъ разговорахъ. Хорошія способности, замеченныя мною въ немъ, еще болѣе увеличили мое къ нему участіе, и я рѣшилась облегчить его судьбу, сколько мнѣ было возможно. Не имѣя однако же столько богатства, что бы вполне удовлетворить своему желанію, обратилась я къ друзьямъ своимъ и знакомымъ. Щедрость ихъ превзошла мое ожиданіе; но я вышла изъ темницы съ пухлымъ кошелькомъ и съ пятгоспію въ сердцѣ, что не могла сдѣлать болѣе..

“Бурденя осудили на галеры. Жена его и четверо малолѣпныхъ дѣтей провожали несчастнаго отца изъ судилища до самой темницы. Я подошла къ дверямъ въ то самое время, когда и они къ намъ подходили — и была свидѣтельницею прощанія, раздирающаго душу. Злополучнаго Бурденя заковали въ желѣза и спустили въ чуланъ съ однимъ закоренѣлымъ душегубцемъ, который смѣючись ругалъ шюремнаго спорожа. Вошь какого товарища дали Бурденю!...Прочія комнапы темницы наполне-

ны были узниками, которые также должны были вскорѣ опшравиться на галеры.. Я хошѣла сдѣлать нѣкоторую помощь Бурденю; но онъ, съ полными слезь глазами, сказалъ мнѣ: “благодарю васъ, сударыня; я не имѣю уже ни въ чемъ нужды. Лучше не оставьте бѣдныхъ моихъ дѣтей: у нихъ нѣтъ ни куска хлѣба. Когда просятъ они милосшыню, то имъ отказываютъ и говорятъ: *отецъ вашъ воръ!* Едва ли не всѣ двери и сердца запершы для нихъ..” — Несчастный! что привело тебя въ такое положеніе? Зачто ты осужденъ?—Бурденъ перекрестился и сказалъ: “скоро предстану я предъ нелице мѣрнаго Судію, и такъ не для чего мнѣ скрывать истины. У меня не было работы цѣлые два дни; я и семейство мое ничего ни ѣли, кромѣ варенаго щавеля; но и эта скудная пища наконецъ вышла. Съ отчаяніемъ въ сердце бросился я изъ дома, и если бы представился случай, то спшалъ бы бросить милосшыню. Но ахъ! я никого не встрѣпилъ! Я не осмѣлился возвращиться домой съ пустыми руками къ голодной женѣ и дѣтямъ. Долго бродилъ я по полямъ, перебирая въ головѣ

своей, самыя гибельныя намѣренія. Хопѣль было лишить себя жизни; но мысль, что сѣмьейство свое оставлю въ совершенной нищетѣ отъ того меня удержала. Подхожу къ одной глубокой рѣкѣ и усуремляю на нее глаза съ какимъ-то лютымъ удовольствіемъ. Она представляла мнѣ вѣрное средство, освободить себя отъ шягосипной жизни. Сбрасываю съ себя плашье и молю Бога простить мнѣ эптошь невольный и послѣдній грѣхъ. Время, употребленное мною на крапкую молишву, успокоиваетъ волненіе чувствъ моихъ; бодрость моя возвращается — и я рѣшаюсь въ первомъ домѣ просить себѣ хлѣба. Сердце мое оживилось въ эпу минушу надеждою: прижапъ къ нему жену и дѣшей.. Изнуренный усталостію и голодомъ, но не думая о себѣ, побрель я далѣе и съ большимъ шрудомъ допщился до калишки одного огорода. Эпо было осенью. Множество вырышаго каршофели лежало на землѣ. Вдругъ несчастная мысль пришла мнѣ въ голову: „жена моя, дѣши и я самъ умираемъ отъ голода..“ Невольно содрогаюсь и безъ всякаго размышленія, ошналживаю слабо приперпую жа-

липку; попомъ наполняю карманы свои и плашокъ картофелемъ. Но лишь только вышелъ я изъ огорода, какъ раскаяніе начало терзать меня. Я возвратился назадъ—и увидѣлъ прикащика, которій съ намѣреніемъ не препятствовалъ моему воровству. Я бросился къ его ногамъ; но щепотно умолялъ его о прощеніи. Не только отнялъ онъ у меня картофель, которымъ хопѣлъ я утолить голодъ моего семейства, но и отправилъ меня въ темницу. Я осужденъ на галеры *) и вошь уже шесть мѣсяцевъ оплакиваю здѣсь свое преступленіе.,,

“Не буду вамъ говорить, сколько пропущена была я повѣствованіемъ Бурденя и въ какой лабиринтъ размышленій привело меня его несчастіе. Исторія Бурденя сдѣлалась гласною; всѣ приняли въ немъ искренное участіе; всякій дарилъ ему, что могъ, и эти подарки принесла я къ нему передъ его отправленіемъ на галеры. Я успѣла вселить въ него мужество

---

*) Это происшествіе случилось, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, въ Марсели. *Прим. Пер.*

къ перенесенію несчастія и увѣрила, что его семейство не будетъ испытывать никакой нужды. Бурдень отправился со спокойнымъ духомъ.

“Я исполнила данное мною ему обѣщаніе и болѣе о томъ не думала. Я забыла его бѣдствія и все то, что для него сдѣлала. Другіе несчастные, требовавшіе моихъ попеченій, совершенно удалили его у меня изъ виду.

Десять лѣтъ ничего не слышала я о немъ. Однажды была я больна и не выходила изъ своей комнаты. Семейство мое обѣдало вмѣстѣ со мною. Вдругъ слуга докладываетъ мнѣ, что какой-то незнакомецъ, загорѣвшій отъ солнца и одѣянъ похотѣе на иностранца, непременно желаетъ меня видѣть и говорить со мною. Я приказала позвать его къ себѣ и спросила у него, зачемъ онъ пришелъ и чемъ могу быть ему полезнаю? — “Какъ, сударыня! не уже ли вы не узнали того несчастнаго, который обязанъ вамъ болѣе, нежели жизнью? Меня зовутъ Бурдень., — Тутъ вспомнила я объ немъ. Онъ бросился къ моимъ ногамъ; оросилъ руку мою слезами и сказалъ, что мое вспоможеніе

сдѣлало его счастливымъ, что одна Англичанка, давши ему у себя мѣсто садовника, удалила его чрезъ то отъ опаснаго общества несчастныхъ его поварищей; что онъ награжденъ былъ ею щедро и наконецъ получилъ возможность возвратиться къ своему семейству. „У меня осталось, присовокупилъ онъ: на послѣднемъ ночлегѣ 25 су, на которыя купилъ я фунтъ миндаля для моей благодѣтельницы. Умоляю васъ, сударыня, не оприньте этого знака моей къ вамъ благодарности. Погрѣшность моя заглажена, наказаніе кончилось; постараюсь доказать вамъ, что я былъ достоинъ того участія, которое вы принимали во мнѣ, и того благодаренія, которое мнѣ оказали. „

„Тронутая благороднымъ поступкомъ Бурденя, съ удовольствіемъ приняла я миндаль и въ воспоминаніе его честности, обѣщала ему украсить имъ споль въ день свадьбы моей дочери. „

„Я сдержала свое слово и вошь, милосивые государи и милосивыя сударыни, вы увидите этого миндаля, который доказываетъ, что несчастіе можетъ иногда довести до пресупленія и

что люди не были бы столь горды, если бы почувствовали все ужасы бедности.,,

Насмѣшница закусила губы. Нельзя было замѣшишь, покраснѣла ли она, или нѣтъ, пошому что тройный рядъ румянъ спасъ ее отъ униженія. Удерживая свой языкъ, она не сдѣлалась однако же лучшею; но утѣшалась мыслію, что новое общество скоро представитъ ей случай къ осмѣянію другихъ спранныхъ.

Въ эпозъ обществѣ Гжи Дервиль нашлись люди, какъ и вездѣ, копорые слушали ея повѣствованіе съ разсѣяніемъ, другіе со вниманіемъ, а прочіе съ зависію и досадою.

Съ Франц. Х.

~~~~~

И Л Ъ Я .

Русская сказотка.

Десять часовъ ударило въ перемѣ.—
 “Полно, Ванюша, переспанъ рѣзвишься, сиди посмирнѣе! Ты мнѣ надоѣлъ, болшая цѣлый день. Ужо вопъ шеперь лѣшіе ходяшь — они вѣдь ловяшь шакихъ, какъ ты, ребяшишекъ!,, — Такъ сказала на пе-

чи больная старуха Ванюшѣ, который игралъ съ кошкою, прыгалъ и смѣялся.

Ванюша пришихъ—и въ избѣ все замолчало, лишь крикъ сверчка раздавался за печью.

Впереди на подставкѣ горѣла лучина; синей струею подымался вверхъ дымъ, клубился подъ закопшѣлымъ пополкомъ, рѣдѣлъ — и попомъ шуманною пеленою исчезалъ. ...

На полу, въ огаркахъ лучины, плѣлись искры, вспыхали и попомъ погасали.

Илья сидѣлъ на скамейкѣ и щепалъ лучину. Въ углу пряла пожилая женщина, и вершено съ шумомъ плясало по полу.

“Илья! сходи, принеси свѣжей водицы, промочи горло больной бабушки!”, сказала старуха на печи. “Да смотри, не ошходи далеко ошъ дому, не имѣй на умѣ худыхъ мыслей: еспь недобрые люди, которые сбиваютъ молодыхъ съ пуши *).— Ты знаешь на берегу старую хижину; у ней уже кровля обвалилась, а оконъ давно

*) А пошъ злодѣй, кшо сбиваетъ съ пуши молодыхъ людей. *Прим. Изд.*

уже нѣшь; ее дождемъ сѣчешь въ непогоду и вѣтеръ съ воемъ гуляешь въ опустѣлыхъ сѣнахъ. Тамъ нѣкогда жила спаруха съ сыномъ непокорнымъ. Онъ никогда не слушалъ добрыхъ совѣшовъ, гулялъ часто въ густомъ бору и его видѣли однажды съ чернымъ охотникомъ. Три дни не возвращался онъ къ матери, которая плакала, крушилась о несчастномъ сынѣ. Она вышла на четвертый день на берегъ синяго моря, и что же увидѣла? — На песокъ мершвое шѣло своего сына — и упала бездыханна на шруцъ и хижина съ шѣхъ поръ опустѣла!,,

Илья взялъ ведро и пошелъ къ рѣчкѣ. Вся природа облеклась въ темную ночь и шолько въ избушкѣ свѣшился огонь. Тихо журчала рѣка между куспами, сова оглашала лѣсъ своимъ крикомъ. Илья подошелъ къ рѣчкѣ, наклонился, хощѣлъ почерпнуть; вдругъ кто-шо схватываетъ его за руку. Онъ оборачивается и человекъ въ черномъ кафшанѣ сшоялъ передъ нимъ. Морозъ пробѣжалъ по шѣлу Ильи, онъ опскочилъ, ведро упало въ воду и поплыло. Черный схватилъ его за руку.—“Чего ты боишься? Я швой прияшель, ободришь!,,—Твоя рука,

какъ пламень! — “Полно, братецъ! ... Ты озябъ, шебѣ шакъ и важешся., — Пусти же: меня бабушка ожидаетъ! — “Пойдемъ ко мнѣ!., — Илья вспомнилъ слова бабушки: не отходить далеко отъ дома и не слушать недобрыхъ людей, сбивающихъ съ пути; онъ хотѣлъ бѣжать, но Черный уже держалъ его руку, и Илья боялся вырваться отъ него.

Они пошли въ чащу густаго лѣса. Непроницаемый мракъ гнѣзился на вѣтвяхъ; изсохшіе сучья хрустѣли подъ ихъ ногами; съ шипѣньемъ змѣя въ травѣ шевелилась; на вершинахъ сосенъ лепала сова и крикомъ прерывала молчаніе окрестности. — Чрезъ нѣсколько времени Черный привелъ Илью подъ дубъ. — “Подожди здѣсь меня, сказалъ онъ: я скоро возвращусь!.,

Илья остался подъ дубомъ, страхъ подымалъ на головѣ волосы — леденѣла кровь, и онъ дрожалъ, какъ листъ, колеблемый вѣтромъ. — “Проси, говорилъ кровь родной, проси и бабушка! не выдашь уже мнѣ шебя! Ахъ! что со мною будешь!., Такъ плакалъ Илья и не смѣлъ пошевеливаться. Лѣсъ погребень былъ во

мракъ; не видно было ничего за шагъ. Илья препенеталь и шорохъ листка, и печальное завываніе совы, и полночный колоколь шерема, и свистъ вѣпра — все его ужасало.

Наконецъ приходишь Черный. — Мнѣ спрашно, сказала Илья. — “Чего боишься? Скоро будешь весело!”, — Черный привель его къ пещерѣ—отворилась дверь—и прелесный рай опкрылся взорамъ изумленнаго Ильи. — Великолѣпное солнце освѣщало золотыя нивы, песпрѣли бархатные луга, цвѣты благоухали, свѣшлые ручьи извивались по долинь, соловей свисхаль на кусточкѣ.

Черный ввелъ Илью въ богатый шеремъ и подвелъ къ окну. “Видишь, сказала онъ: вопъ все это я опдамъ тебѣ, и эшопъ шеремъ; ошанься у меня!”, — Нѣшъ, у бабушки лучше!—сказаль со вздохомъ Илья.

Между шемъ пригошовленъ роскошный споль.—Илья сѣлъ и по обычаю предковъ сошвориль крешное знаменіе *)...

*) Еслибъ опъ соблазнишелей крешнымъ знаменіемъ ограждались, то и въ бѣду бы съ ними не попадались. *Пр. Изд.*

и вдругъ — все исчезло и прелестная долина и великолѣпный черногъ. Илья очутился на краю утеса, надъ кипящей пучиной; мракъ окружалъ его; внизу ревѣло море—въперь, съ ужаснымъ воемъ, пошрясаль вершинами деревь.

В. Троицкій.

~~~~~

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА: *КОННЕТАБЛЬ ЧЕСТЕРСКІЙ ВО ВРЕМЕНА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ* *).

Des spectres j'entendis les soupirs lamentables,
Des sons surnaturels, des cris epouvantables;
Une voix dont l'écho soudain m'intimida...
Ma mere m'apparait et crie: Almeyda!
Prends garde, Almeyda, cet hymen est un crime!
Dryden - Don Sébastien.

Вечерь, проведенный Эвелиною у Госпожи Бальдрингамъ, показался бы ей продолжительнымъ и очень скучнымъ, если бы время не быспро лешѣло между

---

*) Переводъ сего Романа приходилъ къ окончанію и скоро поступитъ въ печать.

маспоящею минутой и пою, въ копорую ожадаешь какой нибудь опасности. Если Эвелина не находила большаго удовольствія въ разговорахъ своей пещки и Бервины и не принимала участія въ изчисленіи длинной родословной ихъ предковъ, начиная опъ воинспвеннаго Саксонца Норза до подвиговъ Саксонскихъ рыцарей и даже до чудесъ, произведенныхъ монахами сей земли — по крайней мѣрѣ, ей припнѣ было слушать ихъ рассказы, нежели помышлять о томъ, что должна удалиться въ спрашную комнату и провести тамъ цѣлую ночь.

Между темъ Эрмангарда старалась доставить ей всевозможныя въ домѣ своемъ удовольствія. Изготовлена была великолѣпная трапеза, копорую бы можно было накормить двадцать человекъ голодныхъ, хотя за столомъ никого болѣе не было, кромѣ важнаго, стараго Саксонскаго монаха, прочитавшаго молитву передъ обѣдомъ, Бервины и Розы Фламмокъ. Эвелина еще менѣе была расположена сдѣлать честь столь изобильному угощенію, пошому что всѣ кушанья, приготовленные во вкусѣ Сак-

сонцевъ, соспавляли удивительную пропивуположностъ съ шѣми приашними и прихошливыми блюдами, къ кошорымъ привыкли Нормандцы. Она также предпочишала умѣренное упошребленіе легкаго Гасконскаго вина съ водою, упошребленію поршера, пряному нашою, ишо красу и другимъ крѣпкимъ напишкамъ, коими управишель Гундвольфъ напрасно пошчиваль ее для поддержанія чести гостеприимства.

Другія вечернія занянія шакже мало ей нравились, какъ и Саксонскій обѣдъ. Когда собрали со шпола, шо слуги, по приказанію управишеля, зажгли большія восковыя свѣчи, изъ кошорыхъ одна замѣняла часы. Раздѣленіе времени означалось небольшими мѣдными шариками, прикрѣпленными къ продѣшой сквозь свѣчу ниткѣ, въ равномъ одинъ опъ другаго разшояніи, и когда послѣ каждаго промежутка нитка сторала, шо мѣдный шарикъ упадаль въ мешаллическій, для сего пригошовленный сосудъ, что и производило почти шакое же дѣйшвіе, какое производяшь нынѣшніе часы.

Попомъ начали разшуждать, какъ бы провешти вечеръ. Большія кресла Эрман-

гарды были поставлены подлѣ камина, въ кошоромъ за рѣшеткою горѣли уголья; по правую сторону ихъ, какъ мѣсто почешное, заняла ея племянница; прочихъ женщинъ, принадлежащихъ къ дому, Бervина разсадила по порядку, и назначивъ каждой изъ нихъ работу, сама взяла свое верешено и прялку. Слуги и управитель расположились въ другомъ концѣ комнаты, и занялись, одни чищеньемъ охотничьяго оружія, другіе исправленіемъ земледѣльческихъ снарядовъ. А для общаго увеселенія, одинъ шарикъ, заигравъ на арфѣ, на кошорой было не болѣе чешырехъ струнъ, зашянулъ безконечную духовную повѣсть, кошорой Эвелина никакъ не могла понять. По приспращію, своему къ *аллитераціи* (alliteration), риторической фигурѣ, почилавшейся тогда главнымъ украшеніемъ Саксонской Липшерапуры, жершвоваль онъ смысломъ звуку и искажалъ пакимъ образомъ большую часть словъ.

Эвелина, хопя и знала Саксонскій языкъ, но скоро переспала слушашъ пѣвца. Послѣ минушнаго размышленія о веселыхъ сказкахъ и повѣсняхъ, исполнен-

ныхъ воображенія Нормандскихъ Бардовъ, начала она съ безпокойствомъ и даже со страхомъ думать о томъ, что можетъ съ нею случиться въ таинственной комнатѣ, въ которой должна будетъ провести всю ночь.

Наконецъ минула, для разсѣванія и для общаго успокоенія, была возвѣщена паденіемъ десятаго мѣднаго шарика. Старый пѣвецъ умолкъ въ то же мгновеніе, не докончивъ начатаго имъ стиха; всѣ прочіе прекратили свои работы: одни удалились въ свои комнаты, другіе зажгли ночники, что бы указать покой, для прибывшихъ съ Эвелиною; женщины же почти всѣ остались, что бы проводить Эвелину до той самой комнаты, въ которой, по настоянію Эрмангарды, должна она ночевать. Старая Саксонка съ поржествующимъ видомъ пожелала пленницѣ спокойной ночи, перекрестила ее, поцѣловала, сказавъ ей при этомъ на ухо: *ободришь и будь счастлива!*

“Развѣ нельзя ночевать въ одной комнатѣ со мною горничной моею Розѣ Фламмокъ, или госпожѣ Жиліанъ, женѣ стараго Рауля?,”—спросила Эвелина.

— Фламмокъ! Рауль! повторила Эрмангарда съ неудовольствіемъ. Такъ вопль изъ кого соспоишь свое общество! Знай, сударыня, что Фламандцы для Великобританіи параличь, точно такъ, какъ и Нормандцы для нея горячка.—

“А бѣдные Валиссы, сказала Роза, въ кошорой чувство негодованія заглушило почтительный страхъ, произведенный надъ нею старою госпожею, скажущь, что Саксонцы были для Великобританіи наспоющею чумою.,,

— Ты слишкомъ дерзка на язычекъ, голубушка, сказала Эрмангарда, усшривъ на Розу пронцапельные взоры: однако же ты говоришь правду. Саксонцы, Датчане и Нормандцы попеременно наводняли эту землю, какъ морскія волны покрывающь берегъ. Они имѣли довольно силы, что бы покорить ее; но мало благоразумія, что бы сохранишь свое завоеваніе. Будешь ли когда иначе? —

“Тогда, какъ Брешонцы, Саксонцы, Нормандцы и Фламандцы, отвѣчала Роза безъ малѣйшаго замѣшательства, спанущь называться именемъ одного общаго народа и признавать себя сынами одного и того же общества.,,

— О! о! вскричала Госпожа Бальдрина-
гамъ, съ нѣкошорымъ удивленіемъ и са-
модовольствіемъ. Попомъ, оборотясь къ
племянницѣ, сказала ей: горничная швоя
масшерица говоритъ и не имѣеть недо-
спанка въ умѣ: смотри только, что бы
она не употребила его во зло. —

“Она сколько же вѣрна и добра, оп-
вѣчала Эвелина, сколько жива и оспроум-
на. Прошу васъ, любезная шепушка, по-
зволишь ей провести эту ночь со мною.,,

— Невозможно! Это бы значило под-
вергать васъ обѣихъ большимъ опасно-
стямъ. Одна только ты должна узнатьъ
судьбу свою: такъ поступали всѣ жен-
щины нашего поколѣнія, исключая швоей
бабушки. И какія были послѣдствія того
пренебреженія, которое оказала она къ
обыкновенію нашего дома! Увы! я вижу
шеперь внучку ея сиротою, во цвѣтѣ
лѣтъ! —

“Итакъ я одна пойду въ эту комна-
ту, сказала Эвелина со вздохомъ повинो-
венія, и никто уже не скажешь, что Эве-
лина, для избѣжанія минувшаго страха,
навлекла на себя несчастье.,,

— Служанки швои помѣшались въ

передней, откуда могушь себя слышать; Бервина проводишь себя въ твою комна-шу. Сама же я этого сдѣлать не могу. Ты знаешь, что шѣ, кошорыя провели въ ней одну ночь, болѣе туда не входяшъ. Прости, милая! Да благословишь себя Богъ! —

Эрмангарда обняла Эвелину съ такимъ душевнымъ движеніемъ и нѣжноспію, какихъ еще до сего времени не оказывала, и дала ей знакъ слѣдовать за Бервиною, кошорая идучи за двумя служанками, державшими зажженные факелы, указывала ей дорогу къ страшной комнашѣ.

Свѣшъ факеловъ, отражаясь ошъ грубо складенныхъ стѣнъ двухъ длинныхъ со сводами коридоровъ, способствоваль имъ идши по кривой лѣстницѣ, кошорой неравныя и суковатыя ступени доказывали ея древность. Наконецъ онѣ вошли въ довольно обширную комнашу, находящуюся въ первомъ жильѣ. На стѣнахъ были вешкія обои, въ каминѣ за рѣшеткою пылалъ огонь, свѣшъ луны ударялъ въ спекла готическаго окна, подлѣ котораго расшущій жасминъ раскидываль свои вѣшъви.

“Вошъ комнаша для двухъ вашихъ гор-

ничныхъ, сказала Бервина Лади Веранжеръ, указывая на двѣ кровати, приготовленные для Розы Фламмокъ и госпожи Жиманъ; шеперь пойдѣмъ - те далѣе.,

Тутъ взяла она факель у одной изъ служанокъ, дрожащихъ отъ страха, который дѣйствовалъ и на госпожу Жилианъ, хотя она и не знала насущей тому причины. Роза Фламмокъ, не ожидая приказанія, смѣло шла за своею госпожею, тогда какъ Бервина вела Эвелину къ маленькой двери, убитой множествомъ гвоздей, съ широкими шляпками, и ведущей въ комнапу, родъ маленькаго уборнаго кабинета. Въ концѣ оной была такая же небольшая дверь и одно окно, заслоненное зелеными кусками, сквозь которые лунный свѣсъ слабо освѣщаль ее.

Бервина оспановилась подлѣ двери и указывая на Розу, спросила Эвелину: “для чего идеть она за нами?,”

Что бы раздѣлишь опасности моей госпожи, каковы бы ни были онѣ, освѣчала Роза съ жаромъ и смѣлостію, свойственными ея характеру. Скажите, любезная моя госпожа, присовокупила она,

взявъ руку Эвелины, что вы не желаете удалиться отъ себя вашей Розы. Если я не имѣю споль возвышеннаго ума, каковымъ славился вашъ родъ, по крайнѣй мѣрѣ, нѣшъ у меня недоспапка въ мужесквѣ и въ усердіи служишь вамъ. Вы дрожите, какъ листъ! Не входите въ эту комнату, не вѣрше всѣмъ эшимъ ужаснымъ шаинствамъ; смѣйшесь надъ эшимъ старымъ суевѣріемъ, которое, какъ мнѣ кажется, принадлежишь однимъ полько полуязычникамъ.

“Лади Эвелина должна шуда войши, сказала Бервина суровымъ голосомъ: должна войши одна, безъ шакой неучи, какъ пы., — Должна! повшорила Роза: должна! Развѣ говоряшь шакъ съ благородною двѣвицею? Прошу васъ, любезная моя госпожа, однимъ полько движеніемъ дашь мнѣ знашь, чего вы желаете, и я покажу на дѣлѣ эшо *должно*; позову въ окно Нормандскихъ рыцарей и скажу имъ, что вмѣсто госшепримнаго дома, попали мы здѣсь въ вершепъ чародѣкъ. —

“Замолчи, глухая! вскричала Бервина, дрожа отъ гнѣва и боязни: пы не знаешь кто живешъ въ эшой комнатѣ!., — Я позо-

ву рыцарей, которые потчасъ освѣдомятся объ эпомъ, сказала Роза, бросившись къ окну. Но Эвелина удержала ее за руку и приказала оснапьясь на мѣснѣ.

“Роза! чувствую привязанность свою ко мнѣ; но въ шеперешнемъ случаѣ она не можетъ бытъ мнѣ полезна. Та, которая желаетъ бытъ въ эпой комнашѣ, должна войти въ нее одна.,,

— Я пойду туда вмѣсто васъ; любезная моя госпожа, возразила Роза. Вы блѣдны, дрожите и умрете отъ страха, если туда войдете. Тамъ, можетъ бытъ, сколько же обмана, сколько и сверхъестественнаго въ эпой шайнѣ. Но мѣня не проведутъ. А если какой злой духъ шребуетъ себѣ жершвы, то пусть лучше Роза будеть ею. —

“Не упрямься! сказала Эвелина, спараясь собрапьясь съ духомъ: ты заспавляешь меня спыднпсья моей слабоспн. Это старинное испыпаніе, которому однѣ только дѣвнцы изъ дома Бальдрингамъ до прешьяго колѣна могутъ подвергаться: Правда, въ настоящихъ моихъ обспояпельствахъ, я не ожидала эпого; но когда уже приглашена сюда, то и вы-

держу испытаніе съ такою неуспрашимостию, какой не имѣла ни одна изъ бывшихъ здѣсь прежде меня дѣвиць.,,

Сказавъ это, взяла она факель изъ рукъ Бервины, пожелала обѣимъ доброй ночи, и тихо освободясь изъ рукъ Розы, вошла въ таинственную комнату. Между темъ какъ отворяла она дверь, Роза успѣла замѣшить, что комната была маленькая и почти такая же, въ какой она спалась; что эта комната освѣщалась чрезъ окно, обращенное въ одну сторону съ двумя окнами первыхъ двухъ комнатъ: болѣе видѣть она не могла, потому что Эвелина въ самое это время обняла ее и не допустивъ слѣдовать за собою, поспѣшь заперла дверь задвижкой, какъ бы въ томъ намѣреніи, что бы Роза не могла къ ней войти, если бы по чрезмѣрному усердію и рѣшилась на то.

Тогда Бервина спала наснаиваясь, чтобы Роза удалилась въ первую комнату, гдѣ были приготовлены двѣ постели, если сколько нибудь дорожишь своею жизнью, и спавалась бы тамъ въ покоѣ, спала, или молилась Богу. Но вѣрная Фламандка не хотѣла повиноваться ни власпи, ни голосу убѣжденія.

“Не говорите мнѣ объ опасностяхъ: я останусь здѣсь, что бы слышанъ по крайней мѣрѣ все, что можете случиться съ моею госпожею, и бѣда тому, кто сдѣлаешь ей хотя малѣйшее неудовольствие! Помните, что это негостеприимное жилище окружаютъ двадцать Нормандскихъ копьеносцевъ, готовыхъ опмститься за всякое оскорбленіе, нанесенное дочери Раймонда Беранжера..,

— Побереги угрозы свои для смертныхъ, сказала Бервина тихимъ, но выразительнымъ голосомъ. Существо, которое занимаетъ эту комнату, не спрашивая ихъ. Прости! Да обратишься дерзость твоя на главу твою!

Она удалилась, оставя Розу въ чрезвычайномъ, волненіи оцъ всего, что происходитъ, и почти испуганную послѣдними словами Бервины. “Саксонцы, сказала она сама себѣ: хотя уже въ половину обращены изъ невѣрія, но сохраняютъ еще нѣкоторую часть языческаго обряда въ поклоненіи существамъ сверхъ-естественнымъ. Однако здѣсь очень странно оставалась одной. Въ комнату моей барышни, въ которую она такъ странно

завлечена, царствуйешь какая-то мерп-
вая шишина. Не позвать ли Жиліану?
Нѣтъ, она не имѣеть ни разсудка, ни
смѣлости и не можетъ въ такомъ случаѣ
быть намъ полезнаю. Лучше оспаться
одной, нежели имѣть ненадежнаго пова-
рища. Посмотрѣть, на своемъ ли-шо мѣ-
стѣ Нормандцы: только на нихъ должно
будетъ положиться въ случаѣ какого ни-
будь несчастья.,

Въ такомъ размышленіи Роза Флам-
мокъ подошла къ окну маленькой комна-
ты, въ кошорой она осталась, что бы
увѣришься въ исправности часоваго и
посмотрѣть, не увидишь ли еще кого ни-
будь по близости замка. Луна и звѣзды
изливали ясный свѣтъ. Но шупъ же съ
досадою замѣшила она, что находилась
опъ земли гораздо выше, нежели полага-
ла. Окна какъ первыхъ двухъ комнатъ,
такъ и тайнспвенной, были обращены
къ спарому рву, окружающему спѣны
замка, кошорому нѣкогда служилъ онъ за-
щиною; но теперь эшошь ровъ, оставлен-
ный съ давняго времени безъ всякаго вни-
манія, совершенно былъ сухъ и во многихъ
мѣстахъ поросъ кустами и деревьями,

проспирающими гораздо выше оконъ свои вѣтви, по копорымъ можно было влѣзть и войти въ замокъ. Равнина, лежащая по ту сторону рва, была совершенно открыта и лучи мѣсяца, освѣщая прелестныя ея луга казались дремлющими при своемъ паденіи тамъ, гдѣ длинная тѣнь ложилась отъ зданія и деревъ. Равнину окружалъ лѣсъ, въ концѣ котораго возвышалось нѣсколько дубовъ, подобныхъ исполинамъ-богатырямъ, оставляющимъ за собою толпу обыкновенныхъ ратниковъ.

Очаровательная красота этого вида, спокойствіе всей природы, совершенная тишина и новыя размышленія, занимавшія Розу, разсѣяли нѣсколько чувствительный ея страхъ отъ бывшихъ въ вечеру происшествій. “Зачемъ же беспокоишься мнѣ о барышнѣ? сказала она сама себѣ. Едва ли найдется хоть одна знашная фамилія между этими гордыми Нормандцами и грубыми Саксонцами, которая бы не оплечалась отъ другихъ особеннымъ суевѣріемъ, гнушаясь искать себѣ спасенія одною дорогою съ такими бѣдными Фламандцами, каковы напримѣръ отецъ мой и я. Если бы только могла я уви-

дѣшъ копья одного Нормандскаго часоваго, шо не сомнѣвалась бы въ безопасности моей госпожи. Но вопъ кто - то прохаживаешся въ шемнопѣ, завернувшись въ бѣлый плащъ ... ошъ копья его ошражаешся свѣшъ луны. Эй, господинъ Рыцарь!.,

Нормандецъ подошелъ почти къ самому рву.—Чшо вамъ угодно?—спросилъ онъ.

“Вопъ эшо окно, сказала Роза, указывая на ближайшее къ ней, принадлежишъ къ комнапѣ Лади Эвелины Беранжеръ, которую должны вы охраняшъ. Будьте ошорожны и усшремите все ваше вниманіе на эшу сторону замка.,,

Положишесь въ эшомъ на меня—опвѣчалъ рыцарь, и завернувшись въ длинный плащъ, прислонился къ ближайшему дубу, сложа крестообразно руки и опершись на свое копье. Въ такомъ положеніи походилъ онъ болѣе на военный профей, нежели на живаго рыцаря.

Ободрившись шемъ, чшо въ случаѣ нужды есть откуда получишъ скорую помощь, Роза ошощла ошъ окна, и когда подслушала у дверей, чшо въ комнапѣ Лади Эвелины все было шихо, шо спала

думаешь, какъ бы и самой успокоиться. Она пришла въ первую комнату, гдѣ госпожа Жиліанъ, въ кошорой спрахъ успу-пилъ дѣйствию выпитаго ею въ большемъ количествѣ крѣпкаго пива, спала такъ крѣпко, сколько можно было ожидать этого отъ дѣствія пьянаго Саксонскаго напитка.

Въ негодованіи на такое равнодушіе горничной, Роза взяла одѣяло съ назначенной для нея кровати, понесла его въ комнату, находящуюся между двухъ другихъ, гдѣ подобрала съ полу разбросанный проспникъ, сдѣлала изъ него родъ посшелки, на кошорую легла, или лучше сказать, сѣла, рѣшаясь предохранять свою госпожу сколько позволяешь ей обспояпельства.

Успремивъ взоры на блѣдную луну, капившуюся во всемъ величїи по лазуревой, небесной шверди, рѣшилась она не прежде предаться сну, пока возвращеніе зари не удостовѣришь ее въ безопасности Лади Эвелины.

Между темъ мысли ея успремилась къ шому неизвѣстному и необьянному міру, кошорый существуетъ за предѣлами гроба. Она размышляла о весьма важ-

номъ и, можетъ быть, еще не рѣшенномъ вопросѣ: дѣйствительно ли безплѣсные духи, тамъ обитающіе, навсегда отдѣлены отъ живелей нашего міра — или, управляемые непослужимыми для насъ причинами, могутъ они еще имѣть сообщеніе съ существами, облеченными плотию! Отверганъ возможность этого въ вѣкѣ крестовыхъ походовъ и чудесъ, значило бы навлечь на себя подозрѣніе въ ереси. Но Роза имѣла столько же здраваго разсудка, сколько и оспроумія: по крайней мѣрѣ она сомнѣвалась, что бы сіи сверхъ-естественныя явленія были часты и успокоилась при мысли, что Эвелина, повинуваясь тому, чего отъ нее требовали, не подвергается никакой существенной опасности, а только приноситъ жертву старинному суевѣрію своихъ предковъ. Однако же эта мысль ни мало не предохраняла Розу отъ невольнаго содраганія при малѣйшемъ шелестѣ листьевъ, колеблемыхъ тихимъ вѣтромъ.

По мѣрѣ того, какъ Роза старалась такимъ образомъ успокоить себя, намѣреніе ея, не спать во всю ночь, начало ослабѣвать; мысли ея невольно обраща-

лись къ другимъ предметамъ, къ копорымъ вовсе не думала она направлять ихъ. Такъ точно ослы, въ большомъ спадѣ, удаляючися отъ взоровъ своего пастыря. Она уже едва видѣла небесныя свѣтила, на которыя споль долго смотрѣла со вниманіемъ; наконецъ глаза ея закрылись, и Роза Фламмокъ, окупанная одяломъ, прислонясь къ сѣнѣ, сложа на колѣняхъ крестообразно руки, погрузилась въ глубокой сонъ.

Но сонъ ея былъ прерванъ ужаснымъ, пронзительнымъ крикомъ, раздавшимся въ комнатѣ Эвелины. Проснувшись, вскочивъ, подбѣжавъ къ двери, было дѣломъ одного мгновенія для великодушной Фламандки, копорую спрахъ никогда не удерживаль отъ исполненія ея обязанностей и изъявленія своего усердія. Но дверь была заперта замкомъ и задвижкой, а вшоричный крикъ, гораздо слабѣе перваго, или лучше сказать, сонъ Эвелины, казалось, пребовали скорой помощи. Топчасъ бросилась Роза къ окну и закричала изо всей силы, призывая на помощь Нормандскаго воина, копорый находился на томъ же самомъ мѣстѣ, подъ большимъ

дубомъ, и былъ весьма замѣшенъ по своему бѣлому плащу.

На крикъ ея: *помогите! помогите!* Эвелину умерщвляютъ! воинъ, казавшійся до того времени испуканомъ, опрометью кинулся ко рву и хопѣль было перейши его въ прямомъ направленіи штого окна, въ которомъ увидѣла Розу, какъ вдругъ о-пять закричала она изо всей силы, едва переводя дыханіе:

“Не сюда! не сюда! Къ правому окну! Ради Бога влѣзьте въ него поскорѣе и выломайте дверь..”

Часовой понялъ ее и нимало не размышляя, спустился въ ровъ, хватаясь за свѣбя кусповъ, между коими на время скрылся изъ виду; но вскорѣ показался онъ на деревѣ, котораго вѣтви касались окна Эвелининой комнаты. Роза, хопя увидѣла его, но все еще спрашилась: окно могло быть крѣпко заперто снуспри — вдругъ оконная рама, съ перержавленными пеплями, успушивъ сильной рукѣ Нормандца, упала съ такимъ спукомъ, что и Жиліана не могла не пробудиться.

Внѣ себя опъ испуга и съ ужаснымъ крикомъ, выбѣжала она изъ своего покоя.

Въ самое это время разтворилась дверь шамиспенной комнапы, и Жиліана увидѣла выходящаго опшуда воина, который несъ на рукахъ своихъ молодую сиропу, лишенную чувспва. Не сказавъ ни слова, передалъ онъ ее на руки Розы и мгновенно изчезъ чрезъ окно, изъ котораго молодая Фламандка призывала его.

Госпожа Жиліанъ, въ изумленіи и спрахѣ, испускала вопли, ахала и повпоряла вопросъ за вопросомъ. — “Молчи! сказала ей Роза съ шакимъ суровымъ видомъ, что она невольнo замолчала и пришла въ себя. Спамяшовавшись, сходила она въ свою комнапу за ночннкомъ и сдѣлала по крайней мѣрѣ шу пользу, что вмѣспѣ съ Розою спаралась о возвращеніи чувспвъ госпожѣ своей. Черезъ нѣсколькo минутъ Эвелина испустила шяжелый вздохъ, опкрыла глаза, и въ то же мгновение опяшь закрыла ихъ; голова ея склонилась на грудь вѣрной служанки и судорожныя движенія продолжались непрерывно. Роза, со всею заботливостію нѣжнаго дружеспва, шерла ей ладони и виски и къ усиліямъ своимъ присовокупляла шрогапельные знаки любви. Наконецъ обѣ вскричали: “она жива! Она приходишь въ себя! Слава Богу!”,

— Слава Богу! — торжественно повспорилъ какой-то голосъ за окномъ. Съ новымъ ужасомъ успремила Роза глаза свои въ ту сторону, откуда слышался голосъ, и увидѣла на деревѣ воина, который такъ во время подалъ помощь Эвелинѣ и который, казалось, съ большимъ участіемъ смотрѣлъ на все, что происходило въ комнатѣ. “Удалишесь! сказала Роза, приближась къ окну: въ другое время получите доспойную награду, а теперь удалитесь! Но не отходите отъ своего мѣста; я позову васъ, когда вы понадобитсяъ. Спупайте! спупайте! Будьте вѣрны и скромны. „

Молча исполнилъ воинъ приказаніе и опустился въ ровъ, а Роза, возвращаясь къ своей госпожѣ, нашла ее на рукахъ Жиліаны, испускающую болѣзненные вздохи и произносящую невнятные слова, по которымъ можно было судить, что какой нибудь внезапный испугъ поразилъ ее споль жестоко.

Когда госпожа Жиліанъ опомнилась нѣсколько отъ спраха, то любопытство ея спало возраспань постепенно. “Что все это значить? спросила она Розу. Что здѣсь случилось? „

— Я ничего не знаю, ошвѣчала Роза. —

“Да кому же знать, какъ не тебѣ? возразила Жиліана. Не позвашь ли другихъ женщинъ Лади Эвелины? Не разбудить ли всѣхъ въ домѣ?,,

— Не дѣлай ничего! вскричала Роза: и подожди, пока Милади будетъ въ состояніи сама приказывать. А эта комната. . . съ нами крестная сила! Поспашрюсь, сколько возможно, узнашь скрывающіяся въ ней тайны. Жиліана! приспапривай хорошенько за Лади Эвелиною.

Съ эшимъ словомъ ухватила она ночникъ, перекрестилась, смѣло вошла въ шайнспивенную комнату и начала спапривать ее со вниманіемъ.

Она была невелика; пополокъ со сводомъ; въ углу находилось небольшое изображение Пресвятой Дѣвы, произведение весьма грубаго рѣзца, поспавленное надъ Саксонскою кропильницею чудесной работы. Два спула и одна кровать, на которой, какъ видно, спала Эвелина, спаправляли всѣ ея украшенія. Куски стеколь разбиаго окна лежали на полу; но эщо были профей Нормандскаго воина, и Роза не замѣтила ни одного выхо-

да, чрезъ который могъ бы проникнуть кто нибудь въ эту комнату, исключая только двери, въ которую, какъ она была увѣрена, никто при ней не входилъ.

Роза почувствовала страхъ, и закрывъ лице рукавомъ своимъ, какъ будто изъ предосторожности, что бы взоръ ея не встрѣтился съ какимъ нибудь видѣніемъ, вошла въ прежнюю комнату не столь твердыми шагами и съ большею скоростію, нежели когда выходила изъ нее. Потомъ попросила Жиліану, что бы она пособила ей перенести Лади Эвелину въ первую изъ трехъ комнатъ; послѣ чего тщательнo заперла дверь, какъ бы для того, что бы положить преграду между ими и опасностію, которая могла угрожать ей со стороны таинственной горницы.

Между темъ Эвелина пришла въ чувство и могла уже сидѣть. Обращаясь къ Розѣ, сказала она ей слабымъ голосомъ: “я видѣла ее... судьба моя рѣшена!”,

Роза тотчасъ разочла, что весьма бы не благоразумно было оставить Жиліану слушать все, что можетъ сказать въ первую минуту ея госпожа, и вспомня

о сдѣланныхъ ей Жиліаною незадолго предъ симъ вопросахъ и предложенныхъ ею услугахъ, воспользовалась эпимъ и поручила ей позвать другихъ женщинъ, сопровождавшихъ Эвелину.

“А какъ найпи мнѣ ихъ шеперь въ этомъ домѣ, гдѣ въ полночь встрѣчаешь неизвѣспныхъ вооруженныхъ людей, и гдѣ, какъ видно, бѣгають одни шолько духи.,”

— Ищи гдѣ хочешь, возразила Роза съ нѣкопорою досадою, шолько спупай скорѣе. —

Жиліана вышла нехопя и ворча чпо-то скрозъ зубы. Лишь шолько оставила она комнапу, какъ Роза, со всею горячностію привязанности къ своей госпожѣ, начала умолять ее въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, чпо бы она открыла глаза и говорила съ Розою, со своею вѣрною Розою, гошовой умерепъ подлѣ своей госпожи.

“Завпра завпра, Роза! шихо сказала Эвелина: сегодня я не въ силахъ говорить!,”

— Для собспвеннаго вашего облегченія промолвите хопя одно слово. Скажите: чпо могло васъ шакъ вспревожитъ и какихъ еще опасностей должны вы спрашишься? —

“Я видѣла ее, отвѣчала Эвелина: видѣла обитательницу этой комнаты! видѣніе пагубное для нашей фамиліи! Не спрашивай меня болѣе... завтра ты все узнаешь. „

Коль скоро возвратилась Жиліана съ двумя другими горничными изъ свиты Эвелины, по повели оѣ госпожу свою, по совѣту Розы, въ комнату, которую по близости шупъ занимали, и шамъ положили ее на кроватъ. Послѣ чего Роза, приказавъ имъ удалиться, осталася съ Жиліаною подлѣ своей госпожи. Нѣсколько времени Эвелина была еще очень разспроена; но оцъ успалости и дѣйствія принятаго ею лѣкарства, которое приготовила для нея Жиліана, заснула крѣпкимъ сномъ и пробудилася уже тогда, какъ солнце поднялось выше опредѣленныхъ горъ.

Сѣ Франц. М — вѣ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЬТОПИСЕЦЪ.

Къ Издателю Благонамбреннаго.

Почтенный Господинъ Издашель Благонамбреннаго!

Случайно попался мнѣ въ руки Академическій календарь, (мѣсяцословъ) 1778 года. Чипавши въ немъ спашью: *Краткое описаніе натала и приращенія царствующаго города Санктпетербурга, съ натала по 1748 годѣ, выпискою изъ Топографіи Архиваріуса Андрея Бсѣданова,* помѣщенное въ ономъ, нашель слѣдующее извѣстіе: *Царское Село натамо строить въ 1744 году, которое еще и нынѣ разпространяется и украшается удивительными и драгоцѣнными зданіями.* — Это естъ явная погрѣшность пропивъ истины, заслуживающая поправку темъ болѣе, что извѣстіе сіе, будучи напечатано въ книгѣ, изданной Санктпетербургскою Академіею Наукъ, можешь вовлечь нѣкопорыхъ еще въ вящую погрѣшность, особливо въ наши времена, когда предприемлюшя всевозможныя пособія къ опкрыванію историческихъ истинъ, и преимущественно къ нашему Опечесиву ошносящихся. Для сего препровождаю къ

вамъ прилигаемое при семъ *Извѣщеніе* о времени нѣкоторыхъ происшествій, касающихся до Села Царскаго отъ самаго начала мѣзы Саари, или Сары, еще во времена Шведскаго владѣнія сею спраною, сколько можно было о помѣ сообщать извѣстій, до вступленія на Россійскій престолъ Обладательницы онаго ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. Если почтете извѣстія сіи любопытными и руководствующими къ обнаруженію истины; можете помѣстить въ вашемъ журналѣ *): нѣкоторыя происшествія показаны могутъ мало-важными; но они помѣщены для соображенія послѣдствій и съ улучшеніемъ производимаго для сравненія оцѣнки и размноженія работъ. Извѣстія сія сообщаются вамъ, М. Г. мой, съ благомъ намѣреніемъ; угодно будетъ продолженіе — могу и имъ служишь **).

Илья Яковкинъ.

Въ Царскомъ Селѣ.

Октября 28 дня 1825.

~~~~~

*) Съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщаю. *Изд. Благод.*

***) Весьма обязанъ буду за это. *Изд. Благод.*

Извѣщеніе

о времени нѣкоторыхъ происшествій,
касающихся до Села Царскаго.

Годы.

года Маія 31 дня. Мызы Саари, или 1708
Сари, Пулково, или Пулковская, Сла-
вянская, Антель, или Колпинская, въ
последствіи времени, Кононовская и
Мозино, съ зависѣвшими опъ нихъ и
во время Шведскаго владѣнія деревня-
ми, пустошми и угоды, по преж-
нимъ Шведскимъ окладамъ, приписа-
ны къ комнатѣ Ея Величества, Бла-
говѣрныя Государыни Царицы и Ве-
ликія Княгини Екашерины Алексѣев-
ны по именному Указу Государя Пе-
пра Перваго; къ комнатѣ Государя
Царевича причислены деревни *Куп-*
тино и *Сусари*, по кончинѣ его ошдан-
ныя Александро-невскому Монасты-
рю, а въ вошчину Царевнѣ Нашалии
Алексѣевнѣ подарена мыза *Гаттино*
съ зависѣвшими и прежде при Швед-
скомъ владѣніи опъ ея вѣдомства се-
леніями и угодыми; по кончинѣ же
оной Царевны приписаны они всѣ къ
мызѣ Сари.

Деревянные хоромы о 14 окнах Годы съ 6 свѣщницами, въ коихъ Ихъ Царскіе Величества, въ прибытіи свои, изволили имѣть пребываніе; двѣ особы *деревянные свѣщницы и службы* деревянные же. Основаніе сада (названнаго послѣ старымъ по разведеніи новаго и Англинскаго) на 100 саженьяхъ ширины и 303 саженьяхъ длины на восточную сторону деревянныхъ хоромъ. Деревянная *оранжерея* съ вноспранными плодозишными деревьями .

Обмежеваніе оныхъ мызъ съ приписными селеніями и всей *Ингерманландіи* Ландрихшеромъ Пешербургской Губерніи Мануковымъ съ поварщи, по которому обмежевано къ онымъ мызамъ, по Шведскимъ рубежамъ и показанію старожиловъ Ижорянъ и Ланъшей 2175 $\frac{3}{4}$ десятинъ всей земли годной и негодной, да лѣсу въѣзжаго, всѣмъ имъ общаго, поперснаго на 10 верспъ. Во всей Ингерманландіи оказалось земель годныхъ и негодныхъ 1,164,313 десятинъ. Сеншября 21 дня *отмежеваніе Князю*

Менщикову на 1000 дворовъ, въ помѣ Годичнаго числа въ сосѣдственной къ Сари Ижорской мызѣ на 100 дворовъ.

Юня 5 дня *размежеваніе всей Ингерманландіи и раздана земель во владѣніе* съ обязанностію населенія, по данному тогда Высочайшему Царскому Указу, писанному въ Сенатѣ собственною Его Величества рукою. 1712.

Марша 12 дня. *Первый священникъ* въ мызѣ Сарской съ діакономъ и причешникомъ, совершавшій церковнослуженіе въ деревянныхъ хоромахъ въ первой кресповой въ походной церкви Ея Величества. Начало кирпичныхъ въ мызѣ Сари заводовъ Галицкаго и Дубинскаго. 1713.

Высочайшее (Декабря 28 дня) *повелѣніе въ Московскій Приказъ* большаго дворца о присылкѣ плотниковъ, съ ихъ содержаніемъ, въ мызу Сарскую изъ дворцовыхъ волосшей съ 27½ дворовъ по одному плотнику, для построенія креспьянскихъ избъ и дворовъ въ нынѣшнемъ Кузминѣ, Пулковѣ и Славянкѣ. 1714.

(Октября 15 дня) *Примежеваніе* Годы для Князя Менщикова на 100 дворовъ 1715. въ Ижорской мызѣ, *переселеніе нѣкоторыхъ туземцовъ* на рѣку Ижору, а попому новое *обмежеваніе* и мызъ Ея Величеспва.—Декабря 13 дня. По Царскому Указу въ Московскій Приказъ большаго дворца именное *Царское повелѣніе о выборѣ сѣмьянистыхъ и зажиточныхъ* 200 дворовъ по переписнымъ 166 (1678 года книгамъ изъ числа 16082 дворцоваго владѣнія дворовъ, изъ каждаыхъ 82 по одному двору для *переселенія* въ нынѣшнія слободы около мызы Сарской, въ Кузмино, Пулково и Славянку (Графовъ Скавронскихъ послѣ).

Маія 23 дня. За приписью Князя 1716. Менщикова по Именному Его Величеспва Указу приписаны къ компаншѣ Ея Царскаго Величеспва въ Кексѳольмскомъ уѣздѣ *три погоста: Кидельской, Угонейской и Токмолярской*, оставляя ихъ на прежнихъ Шведскихъ подапяхъ деньгами и хлѣбомъ. Ноября 2 дня. *освященіе* въ мызѣ Сари первой *деревянной церкви Успенія Богоро-*

дипты, присыланнѣми дворцовыми ^{Годы} плошниками поспросенной, съ кошо-раго времени начали мызу Сари называть и писать селомъ Сарскимъ. Начало первой школы у діакона, для обученія юношеслива на казенномъ содержаніи и съ гошовыми учебными пособіями.

Заложеніе второй деревянной ^{1717.}
 большой на каменномъ фундаменѣ церкви Благовѣщенія Богородицы, гдѣ нынѣ приходская Знаменская церковь; *удѣльваніе* солдатами *перспективной въ село Сарское дороги* изъ Пешербурга ошъ среднихъ рогапокъ чрезъ Пулково и Кузмино и *запрещеніе* по ней ѣздить всѣмъ, безъ билета прикащика Саркосельскаго.

Лѣпомъ заложеніе каменныхъ ^{1718.}
палатъ въ селѣ Сарскомъ въ два эпажа, длиною на 15, шириною на 9 саженьяхъ, соспавляющихъ нынѣ самую средину всего дворцоваго зданія. *Построеніе новыхъ*, на мѣсто обвѣщавшихъ, *деревянныхъ покоевъ*, или дворца *въ Пулковскомъ саду* на самой горѣ. *Натало звѣринца*, нынѣш-

няго парка, на квадратной верстѣ Годы и основаніе погребѣ посреди его, гдѣ послѣ высшроенъ нынѣшній Монбежѣ (mon bijou).

Маія 11 дня *угощеніе обѣденнымъ* 1719.
столомъ Государя Петра Перваго
на Пулковской горѣ въ саду, въ новомъ деревянномъ дворцѣ, изъ оконъ коего услаждаясь взираніемъ на Пешербургъ и окрестности, трогательно благодарилъ Онъ хозяйку дома, свою супругу, за избраніе подъ дворецъ сей и садъ споль прелестнаго и обильнаго красивыми видами мѣсна.

Лѣшомъ *сдѣланіе* въ заведенномъ 1721
 (нынѣшнемъ спаромъ) саду двухъ *уступовъ*, доннѣ существующихъ и раздѣлявшихъ садъ на верхній и нижній, перваго на 44 саженьяхъ ошь дворца, а втораго на такомъ же разстояніи ошь перваго, длиною поперегъ всего сада на 100 саженьяхъ; *вскрытіе двухъ* поперечныхъ изъ большаго пруда *каналовъ*, большаго и малаго, длиною первый 100 сажень, а вторый 135 сажень.

Лѣшомъ сдѣланіе и окрашеніе ^{Годы} ^{1722.} шпалерныхъ по аллеямъ рѣшетокъ, бесѣдокъ и галлерей, по данному чертежу углубленіе и обдѣланіе въ большомъ пруду dna булыжникомъ съ пескомъ, на него насыпаннымъ, а береговъ укрѣпленіе шпунтовыми сваями.

Маія 15 дня. Учрежденіе *собственной* ^{1723.} Ея Величества *Вотчинной Канцеляріи* вмѣсто бывшей Канцеляріи конюшенныхъ дѣлъ, для управленія всѣми дворцовыми волоспями, въ помъ числѣ и селомъ Сарскимъ съ прочими мызами и приписными къ нимъ селеніями. *Совершенная отдѣлка каменныхъ палатъ*, въ коихъ показано 58 оконъ обыкновенныхъ и 30 верхнихъ (слуховыхъ), 24 свѣпныхъ дверей, 12 комнашъ въ верхнемъ и 8 въ нижнемъ этажѣ. Декабря 1 дня, начало *заль на острову* большаго пруда.

Августа 6 дня. *Освященіе* ^{1724.} большой *Благовѣщенской церкви* въ присутствіи всего двора съ великимъ торжествомъ. Октября 19 дня же-

лающимъ спростъ собственныя свои годы
 дома начали отводить мѣста по
 улицѣ 10, въ глубину 15 сажень, чемъ
 и положено начало нынѣшней боль-
 шой улицѣ.

Лѣпомъ устиланіе бульжникомъ 1725.
 обоихъ поперечныхъ каналовъ, боль-
 шаго и малаго. Съ сего года начали
 называшь и писашь Царскимъ Се-
 ломъ.

Славянская и Мозинская мѣзы, 1726.
 кромѣ деревни Новославянки, пожало-
 ваны во владѣніе Графа мѣ Схаврон-
 скимъ. Въ Апрѣль два поля, а въ Де-
 кабрѣ и ржаное поле, дворцовая па-
 шенная десятинная земля, отданы
 во владѣніе крестьянамъ, съ обязан-
 носцію плащшъ въ казну съ осмака
 (въ коемъ считалось чешыре вѣнца,
 или чешверо мужей съ женами ихъ,
 кромѣ малолѣсныхъ и холоспыхъ)
 по чешверти ржи, овса и ячменю,
 по 20 пудъ сѣна, 15 пудъ соломы, и
 доставляшъ пяшинное сѣно (пяшую
 копну изъ всего сгребеннаго). По-
 строеніе вновь большаго кирпичнаго
 завода за большимъ прудомъ. Въ Юль

успроеніе *третьяго уступа* въ саду ^{Годы} за дикою рощею къ нижнему каналу и нижнимъ прудамъ.

Съ начала сего года *Село Цар-* ^{1728.} *ское* съ мызами и приписными, также многія Новгородскія, Псковскія и внутри Россіи дворцовыя волости, по завѣщанію Екашеріны I и Именному Указу Государя Императора Петра II, *поступило въ полное и непосредственное владѣніе* Благовѣрной Государыни Цесаревны Елисаветы Петровны, такъ что и Указы во всѣ подвѣдомыя вошчины писаны были именемъ Ея Высочества. Въ Маршѣ повелѣно построишь *новыя деревянныя конюшни* внизу къ прудамъ прошивъ саду. Въ Маѣ изъ Канцеляріи конюшеннаго двора прислано *шестеро матросовъ* для караула, чтобы никого, безъ билета, не пропускашь проѣзжая по Пулковской перспективной дорогѣ отъ среднихъ рогатокъ, а ѣздишь изъ Петербурга черезъ Вологодскую Ямскую и Коерово. — Іюня 24 дня *Благовѣщенская церковь* сгорѣла отъ молніи. Съ начала сего года

до конца 1731 года Ея Высочество ^{Годы} изволила *пробыть въ Москвѣ.*

Генваря къ 29 числу построень ^{1729.} *особой большой домъ*, въ коемъ и совершалось священнослуженіе на походной Церкви Екашеріны I. Генваря 30 дня Ея Высочество соизволила Царскосельскаго прикащика пожаловать *управителемъ* всѣхъ своихъ *вотчинъ* по близости Пешербурга, и съ того времени начались въ Селѣ Царскомъ *вотчинные управители.* — Генваря 31 дня, повелѣно ловить *лосей* въ дачахъ Менщикова и около Села Царскаго въ Копорскомъ и Ямбургскомъ Уѣздахъ, а весною спараться ловить и *лосенковъ* и отправлять ихъ въ Екашерингофскій звѣринецъ. — Февраля 18 дня *собственная* Государыни Императрицы Екашеріны I *Вотчинная Канцелярія*, утверждена Указомъ Ея Величества и съ прежними той Канцеляріи чиновниками и служилыми въ полное распоряженіе Ея Высочества Государыни Цесаревны. — Марша 4 дня Ея Высочество соизволила повелѣть, что

бы главное вотчинное управленіе на-^{Годы} зывашь *Канцелярію* тамъ, гдѣ она своею особою присушествуешь; а по-сему бывшая Московская Контора вотчинная называлась *Канцелярію* во все время Ея присуствія въ Москвѣ, а бывшая въ Пешербургѣ Вотчинная Канцелярія именовалась *Конторою*. — Юля 14 дня, по случаю несобраннаго въ прошломъ году съ крещьянъ *пятиннаго сѣна*, повелѣно съ нихъ взыскашь деньгами, а по показанію крещьянъ въ минувшемъ году продавали сѣно пудъ по пяти денегъ, зимній возъ по чешыре гривны, а лѣпній по полуполдинѣ. — По причинѣ опсусупствія Ея Высочества *Царскосельскій садъ*, со всѣми плодами и ягодами, *отданъ* въ шо лѣпо Юля 21 дня *на откупъ* за 50 рублей, а *Пулковскіе* оба, *верхній* на горѣ и *полевой*, или вишневой, шакже со всѣми плодами и грядами, кромѣ ягодъ, за 47 рублей.

Ея Высочество соизволила пове- 1730.
лѣшь, *оброгныхъ денегъ* съ крещьянъ своихъ за нынѣшній годъ не собирашь.

Маія 4 дня всѣ мѣдныя копѣйки преж-^{Годы}нихъ чекановъ повелѣно опдавашъ въ казну, или вымѣниваашъ для перечеканенія. Ноября 6 дня повелѣно принимашъ въ казну Ея Высочества за *оброки и откупы* серебряною монетою *пятикопѣетниками* и проч, а полушѣкъ и копѣекъ съ 1728 года не принимашъ.

Февраля 16 дня повелѣно управ-^{1731.}ляшъ дѣлами Ея Высочества на мѣсто *Кошелева* Камеръ-Юнкеру *Шувалову*, къ копорому относитъся и изъ Царскаго Села. Въ Августѣ, для ожидаемаго возвращенія Ея Высочества изъ Москвы въ Пешербургъ, повелѣно заготовляшъ въ запасъ поваренныхъ кореньевъ и зелени. Сенсября 13 дня *теканенныя съ 1700 по 1704 годѣ* *полушки, денежки и копѣйки* по 12 рублей 80 копѣекъ изъ пуда мѣди и по 15 рублей 40 копѣекъ изъ пуда же повелѣно принимашъ въ подати, а *теканенныя съ 1728 года по 40 рублей изъ пуда* принимашъ запрещено съ того времени, пошому что *давно уже онѣ окликаны и за деньги ходитъ илѣ*

не велѣно и имѣ въ народѣ отнюдь Годы
не ходить, а въ народъ выпущены
новыя денежки и полушки тяжело-
вѣсныя по 10 рублей изъ пуда мѣди,
 о коихъ и Указами опубликовано.

Генваря съ 4 по 7 число Ея Вы- 1732.
 сочество изволила имѣть пребыва-
 ніе въ Селѣ Царскомъ.

Іюня съ 9 дня и 1734 года съ Мар- 1733.
 ша поголовная перепись (ревизія) Ма-
 іора Шипова для новой повѣрки ре-
 визскихъ душъ, дворовъ и шяголь по
 осмакамъ:

Марша 4 дня повелѣно привозить 1734.
обротные и прочіе сборы денежныя въ
собственную Вотчинную Канцелярію
на два срока, въ Генварѣ и Октябрѣ.
 Маія 15 дня *зложеніе на мѣспѣ сто-*
рѣвшей ошъ молніи Благовѣщенской,
каменной (приходской) церкви Зна-
менія Пресвятыя Богородицы съ тре-
ма придѣлами. Въ Іюль, Августѣ и
 Сентябрь первой *пригонѣ* въ село
 Царское *быковѣ и барановѣ,* изъ двор-
 цовыхъ Ея Высочества деревень, ка-
 зенныхъ, покушныхъ и собираемыхъ
 съ крещьянъ.

Апрѣля 4 дня. Спрожайшее за- ^{Годы} 1735.
 преценіе ловишь и спрѣляшь *дигину*
 въ окрестностяхъ Царскосельскихъ.
 Маія 21 дня *надстроена Знаменская*
церковь выше и *пристроена* къ ней
придѣлка для удобства входа въ верх-
 ній надъ папершью Николаевскій при-
 дѣль. Ноября 15 дня повелѣно Указомъ
 Ея Величества собирать со всей Ин-
 германландіи, въ томъ числѣ и въ села
 Царскаго съ приписными, *фуражъ*,
 именно: сѣно, овесъ и солому, для *но-*
воутрежденнаго полку Конной Гвар-
діи, о чемъ и еще подтверждено Ука-
 зомъ 1736 года.

Маія 21 дня повелѣно опъ Ея Вы- 1738.
 сочества спрожайше смопрѣшь за
своевольною порубкой лѣсовъ.

Февраля 16 дня подтвержденіе 1739.
 повелѣнія о выдачѣ *богадѣленнымъ* о-
 боихъ годовъ въ жалованье денежна-
 го по 6 рублей, муки ржаной по 3
 чешверти ежегодно и по одной шубѣ
 на три года. Іюля 8 дня *нарядъ* для
 лѣсной и плотничной работъ въ село
 Царское *крестьянъ* изъ ближайшихъ,
 кромѣ Пешербургскихъ, дворцовыхъ

Ея Высочества деревень для новаго ^{Годы} огороженія звѣринца и сада; поелику прежняя городьба оказалась вешха и гнила.

Августа 10 дня оспавленныхъ въ 1740. Селѣ Царскомъ *малолѣтныхъ обоого полу 16 дѣтей* повелѣно довольствоватъ ошъ дворца и обучатъ служителей, для общей школы опредѣленному, подѣ присмотромъ особливой надзирашельницы. Они соспояли изъ малолѣтнихъ плѣнныхъ, или и сиротъ, изъ Турокъ, Персіанъ, Бухарцевъ, Калмыковъ и другихъ азіанскихъ народовъ.

Февраля 5 дня спрожайше ^{1741.} запрещено рубитъ споячій лѣсъ, а повелѣно спводити дровосѣки. Апрѣля съ 3 дня *устилали* вновь булыжникомъ берега большаго пруда и обоихъ поперечныхъ каналовъ. Юля 27 дня построение новыхъ деревянныхъ богадѣлень и конюшенъ.

Въ Царскомъ селѣ.

Октябръ 28 дня.

1825 года.

Илья Яковкинъ.

~~~~~

НА СМЕРТЬ ЕВГЕНІИ Д...

Почто спѣшилъ, мнѣ ангель неизвѣстный,
 Оставишь насъ—тебя любившій свѣтъ?
 Я видѣлъ скорбь, и слезы зрѣлъ нелестны,
 Друзья швой—тебѣ рыдаютъ въ слѣдъ.

*

Небесное въ опчизну возвратилось!
 Душа ея—въ родимыхъ сп оронахъ.
 Земное—жертва смерти, измѣнилось;
 Въ могилу опустили милый прахъ.

•

Не знавъ тебя, швой памятникъ цвѣтами,
 Евгенія! осыпашъ я желалъ.
 Не знавъ тебя—сердечными слезами,
 Евгенія! швой гробъ сопровождалъ.

*

Ахъ! юность здѣсь играя умираешь!
 И крошески закрююся уша!
 Какъ призракъ, чшо цвѣпешъ, шо исчезаешь,
 Какъ роза — вянешъ жизнь и красоша.

Б. Федоровъ.

НАДГРОБИЕ А. Н. Н *).

Любовь и дружба потеряли
 Въ шебѣ, о милая, надежды тихій свѣтъ!
 Сѣмейство, мать, друзья въ печали,
 Кто нѣжною рукой ихъ слезы обошреть?
 Увы! и самая могила,
 Сокрывшая тебя отъ взоровъ ихъ,
 Любви пламенной въ сердцахъ не пошушила:
 Одинъ воспоргъ во взорахъ ихъ зашихъ!
 Напрасно оросятъ слезами
 Вкругъ гроба своего печальный кипарисъ:
 Все умерло для нихъ! Надъ хладными серд-
 цами
 Ты, Вѣра, пробудись!

И. П.

---

*) Вырѣзана на ея памятникѣ, на Волковскомъ кладбищѣ.

Анекдоты.

1.

Въ несчастное морское сраженіе 12 Апрѣля 1782 года Г. Мариньи, Капитанъ корабля: *Цесарь*, защищаясь до послѣдней крайности, былъ смертельно раненъ и опнесенъ въ каюшу. Вскорѣ послѣ того пришли ему сказать, что корабль въ огнѣ и скоро взорванъ будетъ на воздухъ. — “Темъ лучше, отвѣчалъ онъ. Англичане не возьмутъ его. Запворите мою дверь, а сами думайте о спасеніи,,,”

2.

‘Одно слово дѣвицы Неккеръ изображаетъ очень хорошо какъ виновниковъ ея дней, такъ и ее самую. “Мнѣ очень трудно выдши замужъ сказала она; машушка хочетъ человѣка знатнаго, бабюшка дѣловаго, а я шакого, который бы мнѣ нравился,,,—Безъ сомнѣнія, Баронъ Спаль соединялъ въ себѣ сіи при качества.

Дѣвица Неккеръ вышла замужъ въ 1786 году за Г. Спаль, Посланника Шведскаго Короля во Франціи, и была представлена ко двору Версальскому, гдѣ не привыкши еще къ эшкешу, казалась очень неловкою. Вскорѣ послѣ свадьбы одинъ изъ ея знакомыхъ сказалъ ей, что онъ находитъ домъ ея отца очень скучнымъ, что всѣ шамъ и-

мѣюшъ видъ разсѣянный и говоряшъ объ одной только Гельвеціи. — “Ваша правда, отвѣчала она: бабюшка мой занимается прошедшимъ, машушка наспоющимъ, а я будущимъ.,”

3.

Лади Каршеретъ, супруга Ирландскаго Генераль Лейшенанша, въ присутствіи Англинскаго Рабеле, говорила о своей родинѣ и между прочимъ сказала: “какъ хорошъ и здоровъ воздухъ въ Ирландіи., — Свифтъ бросился передъ нею на колѣни и вскричалъ: ради Бога не говорите, сударыня, эшого въ Англии, пошому что если вы эшо сдѣлаете, то Англичане и на воздухъ наложашъ пошлину.

~~~~~

Омонимъ, напечатанный въ XXXVII и XXXVIII N^o значить замокъ и замокъ, а Шарда — По - Даг - Ра.

~~~~~

Первая книжка *Благоназвѣннаго* на 1826 годъ вышла 6 Генваря; вторая будетъ издаваться на сихъ дняхъ. И въ той и въ другой помѣщены болшею часшю оригинальныя піэсы.

~~~~~

ОГЛАВЛЕНІЕ ХХХІ ЧАСТИ.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Оды и прог. лирическія стихотворенія.

сшран.

Видѣніе ,	54.
Весна :	166.
Спаны Богу	218.
Куплеты на день тезоименишства ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРА- ТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ	220.
Ода Сафы	221.

Романсы и Пѣсни:

Весна	222.
Другъ любезный, ненаглядный	224.

Посланія:

Къ моей А	127.
Къ N	171.
Отъ дочери къ ошцу	174.
Брашу А. П. Б.	226.

Элегіи:

Къ Фанпазіи	36.
Я помню первыя лобзанья	170.
Воспоминаніе	358.
На смерть Евгеніи Д	444.

Надеробія:

Воспощная эпипшафія	368.
Д. С. Борпнянскому	370.
Н. Н.	445.

Смѣсь:

Въ альбомѣ	37.
Вечеръ на Карповкѣ	53.
Къ загородному дому Н. Н.	57.
Экспромптъ	—
Подражаніе Коллеше	126.
Къ Морфею	173.
Прощаніе съ сеспрою	227.
Отрывки изъ Анпологиі	360.
Еще воспоминаніе	364.
Омонимы	322 и 386.
Шарада	—

*Проза.**Повѣсти и Анекдоты.*

Зависпъ и злословіе, или обманчивая на- ружностъ	3.
Свадьба по случаю	79.
Обращеніе ожеспоченнаго узника	99.
Прекрасная Діана	129.
Трое встрѣчныхъ	148.
Выгодная невѣста и смѣпливый женихъ	175.
Привидѣнія	202.
Вечеръ у армейскаго Поручика	228.
Дилижансъ	271.
Рѣшишельный Англичанинъ	304.

Демушье въ Венсеннѣ, или примиришель	323.
Азоръ умная собака	371.
Признапельность галернаго невольника	388.
Илья	396.
Отрывокъ изъ новаго романа Вальшера Скошпа: <i>Коннетабль Честерскій во вре-</i> <i>мена крестовыхъ походовъ</i>	401.

Разныя сочиненія и отрывки:

Извѣстность	65.
Письмо изъ лагеря на Волковомъ полѣ .	265.
Ветеранъ. <i>Письмо изъ Ревеля</i>	295.

II. ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

О простотѣ въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ	38.
О Эпическихъ Поэмахъ: Камоенсъ, Миль- шонъ, Тассъ и Вольшеръ . 158, 193, 259 и 365.	

Могильныя лампы	251.
---------------------------	------

Царскосельскій Лѣтописецъ	427.
-------------------------------------	------

III. КРИТИКА.

Разборъ Славянской Грамматики Г. Пе- нинскаго и Исторіи древней Г. Ар- сеньева	335.
--	------

IV. СМѢСЬ.

Противуположныя мнѣнія о супружествѣ	57.
Выписки изъ иностранныхъ журналовъ	350.
Анекдоты . 58, 60, 121, 188, 248 и 446	
Книжныя извѣстія . 177, 253, 312 и 378.	
Благошворенія	187.